This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HDI
HL 1RFZ U

УМСТВЕННОЕ РАЗСТРОЙСТВО,

его значеніе

ВЪ ПРАВѢ ГРАЖДАНСКОМЪ

и

УГОЛОВНОМЪ.

Л. З СЛОНИМСКАГО.

I. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПСИХІАТРІЯ. А) Вопросъ о юридической дѣеспособности душевно-больныхъ Гл. I—IX.
В) Юридическое положеніе душевно-больныхъ по русскимъ законамъ. Гл. X—XIV.
II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПСИХІАТРІЯ. Объ условіяхъ и предѣлахъ невмѣняемости Гл. XV—XX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяч., № 39.
1879.

A7
Slonimskii, L. Z.
Umstrennoe razstroistro.

HARVARD LAW LIBRARY

Received MAY 6 1935

Герман Фадеевич
Блюменфельд

Герман Фаддеевич
Вишнефелд

УМСТВЕННОЕ РАЗСТРОЙСТВО,

его значеніе

ВЪ ПРАВѢ ГРАЖДАНСКОМЪ

и

УГОЛОВНОМЪ.

Германъ Фадеевъ
Блюменфельдъ

Л. З. Слонимскаго.

I. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПСИХІАТРІЯ. А) Вопросъ о юридической дѣеспособности душевно-больныхъ Гл. I—IX. В) Юридическое положеніе душевно-больныхъ по русскимъ законамъ. Гл. X—XIV.

II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПСИХІАТРІЯ. Объ условіяхъ и предѣлахъ невмѣняемости Гл. XV—XX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», Большая Подъяч., № 39.

1879.

RUS
S

MAY 6 1935

ПРЕДИСЛОВІЕ.

У насъ существуетъ много сочиненій, оригинальныхъ и переводныхъ, по различнымъ отдѣламъ судебной психологіи и психіатріи; но всѣ эти сочиненія представляютъ лишь въ одностороннемъ медицинскомъ свѣтѣ въ высшей степени важные юридическіе вопросы, касающіеся невмѣняемости и дѣеспособности.

Настоящій трудъ является едва-ли не первою попыткою цѣльнаго *юридическаго* изслѣдованія объ умственномъ разстройствѣ и значеніи его въ правѣ, какъ гражданскомъ, такъ и уголовномъ. Задачею автора было выяснить тѣ общія начала, которыми необходимо должна руководствоваться судебная практика для избѣжанія односторонности и противорѣчій, одинаково пагубныхъ для авторитета правосудія и для интересовъ отдѣльныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи могутъ имѣть особенное значеніе указанія, касающіяся условій и предѣловъ невмѣняемости въ различныхъ родахъ преступленій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПСИХІАТРІЯ.

I. Вопросъ о юридической дѣеспособности душевно-больныхъ.

стр.

I. Предварительныя замѣчанія. — Значеніе умственнаго разстройства въ гражданскомъ правѣ, съ точки зрѣнія юриспруденціи и психіатріи. — Трудныя условія вопроса и отношеніе къ нему юридической литературы 1

II. Двѣ системы.—Положеніе сумасшедшихъ по римскому праву.— Опека и вліяніе ея на дѣеспособность. — Ограниченіе завѣщательнаго права. — Способы возстановленія правъ. 4

III. Сохраненіе и переработка римскихъ началъ въ англійскомъ правѣ. — Широкое толкованіе дѣеспособности. — Историческія особенности англійской опеки надъ сумасшедшими. — Порядокъ и условія освидѣтельствованія.—Второстепенная роль экспертизы въ дѣлахъ о дѣеспособности и вмѣняемости 10

IV. Французская система опеки сравнительно съ римско-англійскою.—Интердикція и полное лишеніе дѣеспособности.—Возраженія и толкованія французскихъ юристовъ. — Полу-интердикція.—Законъ 1838 года.—Споры врачей и юристовъ. — Оцѣнка французской системы 16

V. Система Наполеонова кодекса въ другихъ законодательствахъ.— Прусское уложеніе. — Путаница въ законахъ и въ теоріи. — Австрійскій кодексъ и его недостатки.—Саксонское уложеніе. 26

VI. Оцѣнка двухъ главныхъ законодательныхъ системъ въ вопросѣ о дѣеспособности душевно-больныхъ. — Важность выводовъ и положеній психіатріи. — Отзывы Гризингера, Маудсли, Винслова, Сольбрига, Лимана, и другихъ. — Гдѣ норма здраваго ума?—Роль юриспруденціи въ этомъ вопросѣ. — Несостоятельность системы интердикціи. — Преимущества англійской теоріи. 36

стр.

VII. Отдѣленіе института опеки отъ вопроса о еспособности. — Поводы и послѣдствія смѣшенія.—Условный характеръ ограниченій, связанныхъ съ опекою. 43

VIII. Три элемента въ вопросѣ о недѣйствительности актовъ, совершенныхъ душевно-больными. — Необходимость причинной связи между помѣшательствомъ и спорнымъ дѣйствіемъ. — Требованіе здраваго ума относительно актовъ дарственныхъ и завѣщательныхъ. — Сомнительность предсмертныхъ распоряженій. . 47

IX. Возможныя возраженія противъ юридической теоріи, отдѣляющей частное помѣшательство отъ общаго. — Различіе между взглядами врачей и юристовъ. — Медицинскія обобщенія, необязательныя для правовѣдѣнія и судебной практики.—Ложныя и безумныя идеи у людей здоровыхъ. — Строгое отдѣленіе юридической точки зрѣнія отъ медицинской. — Примѣръ вліянія сумасшествія на дѣйствія здороваго человѣка. — Свободное убѣжденіе судей при оцѣнкѣ идей ложныхъ и безумныхъ.— Примѣры изъ англійской практики. 52

II. Юридическое положеніе душевно-больныхъ по русскимъ законамъ.

X. Законы и ихъ примѣненіе. — Несостоятельность судебной практики.—Отдѣленіе института опеки отъ вопроса о дѣеспособности.—Недоразумѣнія законодательныя и судебныя 62

XI. Порядокъ освидѣтельствованія и его недостатки. — Законные термины. — Дѣла Богдановой и Чарнецкой. — Способъ освидѣтельствованія. — Примѣры изъ практики. — Неудобства существующей системы. — Выводы 67

XII. Старая судебная практика. — Дѣла Плошековой, Раецкой, Ковалевскаго, Раковицъ и Домбровской. —Кассаціонная практика; разборъ рѣшеній по дѣламъ Карасева, Мосолова и Куликова. 80

XIII. Мнѣнія юристовъ-теоретиковъ. — Мейеръ и Побѣдоносцевъ. — Теорія легальныхъ предположеній. — Вліяніе опеки на дѣеспособность по нашимъ законамъ. — Мѣстные законы Остзейскаго края и Ц. Польскаго 94

XIV. Завѣщанія душевно-больныхъ. — Роль судебной практики.—Разборъ дѣла Измирова. — Важность содержанія завѣщательныхъ распоряженій. — Завѣщанія самоубійцъ. — Лишеніе юридической дѣеспособности вообще. — Здравый умъ, какъ условіе дѣеспособности.— Отрицательныя дѣйствія или упущенія душевно-больныхъ. — Дѣло Корбе. — Проектъ устава объ опекахъ. . 102

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПСИХІАТРІЯ.

III. Объ условіяхъ и предѣлахъ невмѣняемости.

стр.

XV. Значеніе психіатріи для уголовнаго права.— Роль смертной казни въ вопросѣ о вмѣненіи. — Врачи и юристы.—Разница въ положеніи вопроса у насъ и за границею 114

XVI. Особенности вопроса объ уголовной отвѣтственности, сравнительно съ вопросомъ о гражданской дѣеспособности. — Тѣсная связь преступности съ умопомѣшательствомъ.—Возможная отвѣтственность душевно-больныхъ 117

XVII. Нападки на судъ присяжныхъ со стороны юристовъ-теоретиковъ.—Преимущества этого суда въ вопросахъ о вмѣненіи.— Англійская система отвѣтственности душевно-больныхъ. — Рѣзкое отдѣленіе юридической стороны отъ медицинской. — Переходныя ступени и оттѣнки умственныхъ ненормальностей; необходимость такихъ-же ступеней въ опредѣленіяхъ отвѣтственности. — Уменьшенная вмѣняемость. — Смѣшеніе невмѣняемости съ невиновностью и слѣдствія этого.—Оправданіе и освобожденіе, вмѣсто заключенія въ домъ умалишенныхъ. — Важность постановки вопроса присяжнымъ. 122

XVIII. Сомнительныя душевныя состоянія. — Частное умопомѣшательство. — Ложныя идеи, невѣжество и суевѣріе. — Процессъ Суберви и дѣло Курана. — Вліяніе безумныхъ идей на вмѣняемость. — Опредѣленіе связи проступка съ предметомъ помѣшательства. — Ложныя идеи и заблужденія у людей здоровыхъ. — Религіозная манія. — Законъ и практика; предположеніе обмана въ суевѣрныхъ проступкахъ 132

XIX. Невмѣняемость въ различныхъ родахъ преступленій.—Необходимость классификаціи преступленій по отношенію къ условіямъ и предѣламъ невмѣняемости. — Вмѣненіе въ дѣлахъ объ убійствѣ; неправильное толкованіе аффектовъ. — Невмѣняемость въ преступленіяхъ религіозныхъ и политическихъ. — Нѣкоторые разряды сомнительныхъ преступниковъ. — Произвольное возведеніе «умоизступленія» на степень причины невмѣняемости. — Примѣры изъ практики. — Извращеніе задачи правосудія.—Гдѣ и въ какихъ случаяхъ необходимо широкое примѣненіе правилъ невмѣняемости.—Важность классификаціи 141

стр.

XX. Роль экспертизы въ дѣлахъ объ умственномъ разстройствѣ. — Отношеніе суда къ мнѣніямъ экспертовъ. — Значеніе признанія сумасшествія въ гражданскомъ порядкѣ для вопроса объ уголовной отвѣтственности. — Свѣтлые промежутки. — Временное разстройство и опьяненіе. — Еще о раздѣленія вопросовъ о виновности и невмѣняемости. — Заключеніе 151

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПСИХІАТРІЯ.

I. Вопросъ о юридической дѣеспособности душевнобольныхъ.

I.

Предварительныя замѣчанія.—Значеніе умственнаго разстройства въ гражданскомъ правѣ, съ точки зрѣнія юриспруденціи и психіатріи. — Трудныя условія вопроса и отношеніе къ нему юридической литературы.

Когда въ юридической литературѣ заходитъ рѣчь объ умственномъ разстройствѣ, то при этомъ чаще всего имѣютъ исключительно въ виду вопросъ объ уголовной невмѣняемости, находящійся, безъ сомнѣнія, въ тѣсной связи съ положеніями и выводами психіатріи. Криминалисты, какъ извѣстно, давно уже, съ легкой руки Миттермайера, втянули психіатрію въ сферу уголовнаго права и въ своихъ изслѣдованіяхъ и учебникахъ удѣляютъ много мѣста психіатрическимъ даннымъ; благодаря отчасти этому обстоятельству, уголовное право утратило въ значительной степени свой прежній метафизическій характеръ и стало на болѣе положительную почву. [1]) Что касается гражданскаго права, то мысль о какой-либо, хотя бы и отдаленной, связи его съ психіатріей, какъ-то странно звучитъ для цивилиста, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что эта отрасль правовѣдѣнія имѣетъ такую же и столь же существенную точку соприкосновенія съ наукою о душевныхъ болѣзняхъ, какъ и право уголовное.

Вопросъ о вліяніи умственнаго разстройства на юридическую дѣеспособность лица есть именно тотъ пунктъ, гдѣ соприкасаются

---

[1]) Первое изслѣдованіе Миттермайера по психіатріи относится, если не ошибаемся, къ 1825 г. (Disquisitio de alienatione mentis, Heidelb. 1825).

двѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія, не имѣющія повидимому ничего рѣшительно общаго между собою,—юриспруденція и психіатрія.

Въ прежнее время, при господствѣ старыхъ метафизическихъ понятій о волѣ и душѣ человѣка, вопросъ объ умственномъ разстройствѣ разрѣшался юристами очень просто, безъ всякихъ затрудненій. «Безуміе или сумасшествіе», говоритъ напр. Савиньи, «составляетъ естественное и несомнѣнное препятствіе къ свободнымъ дѣйствіямъ съ ихъ юридическими послѣдствіями. Обсужденіе здѣсь отчасти *легче*, чѣмъ при незрѣлости возраста, ибо измѣненія происходятъ здѣсь не продолжительными, незамѣтными ступенями, а совершенно внезапно или по крайней мѣрѣ путемъ быстрыхъ неожиданныхъ переходовъ». [1]) Сумасшествіе считалось явленіемъ вполнѣ опредѣленнымъ, съ извѣстными, очевидными для всѣхъ, внѣшними признаками—бѣшенствомъ или явнымъ безсмысліемъ; пока эти признаки не выступали наружу, человѣкъ признавался умственно-здоровымъ и слѣдовательно способнымъ къ совершенію юридическихъ дѣйствій.

Далеко не столь простымъ представляется вопросъ при нынѣшнемъ состояніи психіатріи. Новѣйшіе успѣхи этой молодой еще науки несомнѣннымъ образомъ доказали, что между полнымъ психическимъ здоровьемъ и крайними видами душевныхъ болѣзней существуетъ множество едва замѣтныхъ переходныхъ ступеней, дѣлающихъ чрезвычайно труднымъ и во многихъ случаяхъ даже совершенно невозможнымъ правильное рѣшеніе вопроса о нормальности или ненормальности умственныхъ способностей даннаго лица. Въ этомъ отношеніи обнаружились затрудненія, какихъ и не подозрѣвали юристы старой школы; затрудненія эти оказались для гражданскаго права не менѣе существенными, чѣмъ и для права уголовнаго. Когда дѣло идетъ о томъ, слѣдуетъ-ли вмѣнить извѣстному лицу совершенный имъ проступокъ, то въ случаѣ, если состояніе умственныхъ способностей этого лица представляется сомнительнымъ, остается всегда возможность уменьшить или измѣнить наказаніе, съ тѣмъ чтобы послѣднее соотвѣтствовало душевному состоянію виновнаго; другими словами, при опредѣленіи мѣры вины и отвѣтственности возможны извѣстныя градаціи, сообразно различнымъ видамъ сомнительныхъ душевныхъ состояній. Въ уголовномъ правѣ, такимъ обра-

---

[1]) *Savigny*, System des heut. röm. Rechts, 1840, Bd. III, § 112, S. 83.

зомъ, точное положительное разграниченіе между психическимъ здоровьемъ и разстройствомъ не составляетъ безусловной необходимости; тогда какъ въ правѣ гражданскомъ, при спорахъ о силѣ того или другого юридическаго акта, вопросъ о состояніи умственныхъ способностей лица, совершившаго этотъ актъ, требуетъ прямого и категорическаго отвѣта. Относительно силы юридическихъ дѣйствій немыслимы вообще никакія градаціи, никакія ступени: дѣйствія эти или имѣютъ силу или не имѣютъ ея,—средина тутъ невозможна. Сущность юридическаго вопроса, подлежащаго въ этихъ случаяхъ рѣшенію суда, требуетъ безусловно, чтобы между душевнымъ здоровьемъ и умопомѣшательствомъ проведена была точная, опредѣленная граница; въ этомъ именно заключается спеціальная трудность вопроса о значеніи умственнаго разстройства въ гражданскомъ правѣ.

Юристы, правда, весьма мало занимались до сихъ поръ этимъ вопросомъ, признавая его будто-бы не юридическимъ и предоставляя его всецѣло заботамъ медиковъ-психіатровъ. [1]) Нѣмецкіе теоретики, питающіеся еще старинною схоластикою, совершенно почти игнорируютъ указанный вопросъ или затрогиваютъ его только слегка, съ чисто-формальной точки зрѣнія. Болѣе здравыхъ взглядовъ придерживается ранцузская юриспруденція, представляющая однако тотъ любопытный фактъ, что большая часть изслѣдованій и статей, относящихся къ вопросу о юридической дѣеспосо ности душевно-больныхъ, принадлежитъ медикамъ, которымъ съ своей стороны отчасти оппонируютъ или вторятъ юристы. Въ одной только Англіи вопросъ этотъ получилъ чисто-юридическую разработку и вызвалъ на практикѣ прочное установленіе теоріи, замѣчательной по своей строгой логичности и послѣдовательности.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся выяснить современное положеніе вопроса о дѣеспособности душевно-больныхъ съ точки

---

[1]) Медики же, какъ напр. Касперъ, настаиваютъ напротивъ на томъ, что вопросы, касающіеся вліянія психическихъ условій на дѣеспособность въ различныхъ ея видахъ, суть вопросы чисто и исключительно юридическіе, рѣшеніе которыхъ принадлежитъ законодательству и юриспруденціи, а нисколько не суд. медицинѣ. *Casper*, Pract. Handbuch der gerichtlichen Medicin, Berlin 1864, Bd. I, S. 360. Ср. *Ferd. Hauska*, Compendium der ger. Arzneikunde, Wien 1869, S. 181 и др.

зрѣнія юриспруденціи и психіатріи и затѣмъ сгруппировать тѣ данныя, которыя могутъ содѣйствовать установленію по этому предмету извѣстныхъ общихъ *юридическихъ* правилъ, способныхъ разрѣшить занимающій насъ теоретическій вопросъ во всей его практической сложности.

Прежде всего мы должны обратиться къ разсмотрѣнію главныхъ европейскихъ законодательствъ, обстоятельная оцѣнка которыхъ необходима для предположенной нами цѣли [1]).

II.

Двѣ системы. — Положеніе сумасшедшихъ по римскому праву. — Опека и вліяніе ея на дѣеспособность. — Ограниченіе завѣщательнаго права. — Способы возстановленія правъ.

Въ современныхъ европейскихъ кодексахъ можно замѣтить два, существенно различные между собой, типа опеки надъ душевно-больными: первый изъ нихъ развился преимущественно въ Англіи и основанъ, главнымъ образомъ, на началахъ римскаго права; второй же преобладаетъ на континентѣ, получивъ свое полнѣйшее выраженіе во французскомъ законодательствѣ.

Приступая къ изложенію первой изъ этихъ системъ, именно системы римско-англійской, мы должны прежде всего остановиться на положеніяхъ права римскаго, на почвѣ котораго выросла эта система.

Римлянамъ извѣстны были не только различные виды умопомѣшательства, но и тѣ юридическія послѣдствія и затрудненія, которыя возникаютъ на практикѣ при рѣшеніи вопроса объ умственномъ разстройствѣ. Не имѣя никакихъ научныхъ свѣдѣній о природѣ и значеніи душевныхъ болѣзней, римскіе юристы тѣмъ не менѣе, съ свойственнымъ имъ практическимъ тактомъ, старались выяснить юридическую сторону помѣшательства и рѣшить, на сколько возможно, замѣшанные здѣсь юридическіе вопросы. Между прочимъ римское право предписываетъ, въ случаѣ совершенія сумасшедшимъ какого-

---

[1]) Читатели, интересующіеся лишь общею теоретическою стороною вопроса, могутъ пропустить предлагаемый ниже очеркъ и перейти прямо къ VI-ой главѣ.

либо преступленія, изслѣдовать тщательно, не притворяется-ли преступникъ, и дѣйствительно-ли онъ не обладаетъ здравымъ разсудкомъ; въ первомъ случаѣ онъ подвергается казни, а въ послѣднемъ—содержится въ заключеніи [1]). Преторъ, говоритъ Ульпіанъ въ другомъ мѣстѣ, долженъ остерегаться давать кому-либо опекуна безъ полнѣйшаго изслѣдованія дѣла: ибо многіе представляются безумными или сумасшедшими съ тою цѣлью, чтобы, получивши опекуна, освободиться отъ лежащихъ на нихъ гражданскихъ обязанностей [2]). Не только помѣшательство въ собственномъ смыслѣ, но и простая тупость и слабоуміе могли вести къ учрежденію опеки [3]).

По римскому праву всѣ виды душевнаго разстройства подлежатъ однимъ и тѣмъ же правиламъ; какъ безумные и сумасшедшіе въ собственномъ смыслѣ (dementes и furiosi), такъ и слабоумные (mente capti, stulti, fatui) предполагаются лишенными юридической дѣеспособности, сохраняя однако принадлежащія имъ права личныя и имущественныя. По законамъ двѣнадцати таблицъ, сумасшедшіе, равно какъ и расточители, подлежали опекѣ родныхъ или агнатовъ (cura legitima); но въ послѣдствіи вошло въ обыкновеніе давать имъ опекуновъ (cura dativa), въ Римѣ по назначенію префекта или претора, а въ провинціяхъ—по назначенію правителей (президентовъ). Такой же опекѣ, какъ замѣчено выше, подвергались и слабоумные, неспособные распоряжаться своимъ имуществомъ. При учрежденіи опеки имѣлись главнымъ образомъ въ виду интересы общественной безопасности. Съ опекой по римскому праву не соединялось никакихъ законныхъ предположеній (praesumptiones) или ограниченій, въ родѣ тѣхъ, какія существуютъ въ современномъ французскомъ правѣ относительно интердикціи. Фактъ опеки самъ по себѣ не имѣлъ никакого вліянія на силу совершенныхъ подопечнымъ юридическихъ актовъ; для недѣйствительности послѣднихъ необходимо было въ каждомъ данномъ случаѣ доказать, что въ моментъ совершенія акта лицо не обладало здравымъ разсудкомъ. Юридическія сдѣлки и акты, совершенные въ свѣтлые промежутки — dilucida intervalla, имѣютъ полную силу; сумасшедшіе, находившіеся, при отсутствіи болѣзнен-

---

[1]) Dig. lib. I, t. XVIII, l. 13.

[2]) D. l. VI, De curat. fur. 27, 10.

[3]) Inst., lib. I, tit. XXIII, de curat. § 4. Ср. *Savigny*, Bd. III, S. 84.

ныхъ припадковъ, въ спокойномъ состояніи и обладавшіе въ такія минуты здравымъ повидимому умомъ, пользовались несомнѣннымъ правомъ вступать во всякаго рода договоры и обязательства: intermissionis tempore furiosos venditiones et alios quoslibet contractus posse facere non ambigitur [1]).

Такимъ образомъ по римскому праву умственное разстройство имѣетъ значеніе чисто-фактическаго препятствія къ совершенію юридическихъ дѣйствій; оно имѣетъ значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что предполагаетъ недостатокъ или отсутствіе одного изъ существенныхъ условій всякой юридической сдѣлки, — именно *недостатокъ здравой* юридической воли. Въ этомъ смыслѣ состояніе психической болѣзни представляется равносильнымъ неимѣнію воли и невозможности дѣйствовать сознательно въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется наличность этого внутренняго элемента; причемъ воля, выраженная до сумасшествія или во время свѣтлаго промежутка, остается въ полной силѣ, не смотря на послѣдовавшее затѣмъ разстройство. Такъ напр., сумасшедшій не можетъ начать владѣть, по отсутствію въ немъ одного изъ необходимыхъ для этого моментовъ — animus possidendi, но онъ можетъ продолжать прежнее владѣніе, начатое имъ еще до наступленія сумасшествія [2]). То же самое общее начало имѣетъ примѣненіе ко всѣмъ вообще юридическимъ актамъ, какъ двухсторонниимъ, такъ и одностороннимъ; точно также примѣняется оно и къ завѣщаніямъ.

Завѣщаніе сумасшедшаго, какъ и другіе акты, имѣетъ полную юридическую силу, если оно составлено до обнаруженія помѣшательства или во время свѣтлаго промежутка, хотя бы затѣмъ до самой смерти завѣщатель находился въ состояніи полнаго умственнаго разстройства [3]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ римское право допускаетъ въ извѣстныхъ случаяхъ, подъ предлогомъ недостатка здраваго разсудка, уничтоженіе несправедливыхъ почему-либо завѣщательныхъ распоряженій лицъ, относительно которыхъ въ дѣйствительности не

---

[1]) *Glück*, Ausf. Erläut. der Pandecten (Erlangen 1796), Bd. IV, § 288; *Savigny*, Bd. III, § 112 fg.

[2]) *Gabriel Simon*, De la condition des aliénés en droit romain et en droit français. Paris, 1870, pp. 33—4, 74—78.

[3]) Inst., lib. II, t. XII, § 1.

представляется серьезныхъ сомнѣній насчетъ состоянія ихъ умственныхъ способностей. Это именно имѣетъ мѣсто при спорѣ противъ такъ назыв. inofficiosum testamentum, когда дѣтямъ завѣщателя, лишеннымъ безъ причины наслѣдства или совершенно обойденнымъ въ завѣщаніи, предоставляется требовать уничтоженія послѣдняго въ томъ предположеніи, что завѣщатель находился какъ будто не въ здравомъ умѣ (quasi non sanae mentis fuerit,—Inst. l. II. t. 18 de inoff. test. pr.) [1]).

Если относительно способности къ юридическимъ дѣйствіямъ сумасшедшіе признаются по римскому праву какъ бы неимѣющими воли, то съ другой стороны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, преимущественно же въ области семейнаго и публичнаго права, правоспособность ихъ нисколько не ограничивается подъ вліяніемъ умственнаго разстройства. По словамъ Ульпіана, «лицо, страждущее помѣшательствомъ, сохраняетъ и состояніе, и званіе свое, и должность и власть, точно такъ же какъ господство надъ своимъ имуществомъ» [2]). Семейныя отношенія и права не подвергались при душевной болѣзни никакимъ ограниченіямъ. Дѣти сумасшедшаго оставались подъ отеческой властью своего отца, и притомъ не только тѣ, которыя родились еще до наступленія помѣшательства, но и зачатыя и родившіяся уже во время разстройства, ибо, по выраженію римскаго закона, «сумасшедшій, хотя и не можетъ вступить въ бракъ, удерживаетъ однако и продолжаетъ бракъ существующій». Такъ же точно сохраняется отеческая власть и надъ дѣтьми, рожденными во время сумасшествія матери и даже при сумасшествіи обоихъ родителей, такъ какъ, объясняетъ Ульпіанъ, если бракъ сохраняетъ свою силу при помѣшательствѣ одного изъ супруговъ, то онъ не теряетъ ея и при разстройствѣ обоихъ: nam cum consistat matrimonium altero furente, consistet et utroque [3]).

Таково положеніе сумасшедшихъ по римскому праву. Положеніе это, опредѣленное довольно точно приведенными выше правилами,

---

[1]) Это конечно только фикція, какъ объяснено далѣе въ самомъ законѣ: nam si vere furiosus sit, nullum est testamentum.

[2]) Dig. l. I, t. V § 20: Qui furere coepit, et statum et dignitatem, in qua fuit, et magistratum et potestatem videtur retinere, sicut rei suae dominium retinet.

[3]) Dig. l. I, t. VI, § 8.

отличается замѣтной осторожностью въ установленіи стѣснительныхъ для гражданъ опекунскихъ мѣръ, принимаемыхъ главнымъ образомъ въ интересахъ общественной безопасности и къ тому лишь въ случаяхъ несомнѣнной необходимости.

Римскій институтъ опеки надъ лицами, страждущими умственнымъ разстройствомъ, примиряетъ, насколько возможно, потребности имущественнаго оборота съ неприкосновенностью частной дѣятельности гражданъ. Душевная болѣзнь, понимаемая въ смыслѣ отсутствія здравой юридической воли, вліяетъ на дѣйствительность того или другаго акта въ томъ только случаѣ, когда положительно констатированъ фактъ помѣшательства и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствія воли въ лицѣ, совершившемъ актъ, въ самый моментъ совершенія послѣдняго. Въ области отношеній публичныхъ, равно какъ и отношеній болѣе нравственнаго, чѣмъ юридическаго порядка, каковы напр. отношенія семейныя, въ которыхъ для проявленія своихъ правъ не требуется формальнаго строго-юридическаго выраженія воли, правоспособность гражданина не подвергалась никакимъ ограниченіямъ. Въ этомъ случаѣ римское право остается вѣрнымъ своему основному взгляду на семейныя отношенія, какъ на сферу частнаго господства, не подлежащую никакому внѣшнему контролю и не допускающую никакого посторонняго вмѣшательства.

Осторожность, съ какою римское право относится къ правоспособности лицъ, страждущихъ умопомѣшательствомъ, можетъ, безъ сомнѣнія, вести на практикѣ къ несправедливости; но для устраненія вытекающихъ отсюда невыгодныхъ практическихъ послѣдствій существовалъ у римлянъ весьма важный коррективъ въ видѣ преторскаго эдикта, который давалъ возможность въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшить дѣло сообразно съ требованіями дѣйствительной жизни, не стѣсняясь дѣйствіемъ стѣснительнаго почему-либо закона. Для этой цѣли служилъ между прочимъ институтъ возстановленія права (in integrum restitutio), имѣвшій примѣненіе къ тѣмъ случаямъ, когда какимъ-либо неправильнымъ или подлежащимъ спору актомъ произведены уже извѣстныя перемѣны въ области имущественныхъ правъ; тогда преторъ, найдя требованія спорщика уважительными, могъ, въ силу принадлежащей ему власти, совершенно уничтожить послѣдствія спорнаго акта и возстановить права сторонъ въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до его совершенія.

Въ эдиктѣ исчислены были случаи, когда могло имѣть мѣсто in

integrum restitutio; но послѣ такого вычисленія сдѣлана весьма важная оговорка, сообщавшая власти претора значительный просторъ: «наконецъ», говоритъ преторъ, «если мнѣ представится *какая-либо другая справедливая причина*, я также возстановлю прежнія права». Item si qua alia mihi justa causa videbitur, in integrum restituam [1]).

При такихъ условіяхъ требованія закона могли быть всегда примиряемы съ требованіями житейской справедливости.

Ограждая по возможности прочность юридическихъ сдѣлокъ и не допуская, внѣ случаевъ крайней необходимости, никакихъ ограниченій для частной дѣятельности гражданъ, римское право дѣлаетъ однако въ этомъ отношеніи одно весьма важное исключеніе, — именно относительно завѣщаній. Но дѣло въ томъ, что завѣщаніе по римскому праву относится скорѣе къ актамъ публичнаго, чѣмъ частнаго права, вслѣдствіе чего завѣщательныя распоряженія и не пользовались той неприкосновенностью, которою обставлена чисто-частная дѣятельность гражданъ. Составляя въ нѣкоторомъ смыслѣ частный законъ, измѣняющій порядокъ законнаго наслѣдованія, — порядокъ, основанный на естественномъ началѣ единства семейной власти и семейнаго имущества, — завѣщаніе должно, конечно, подлежать извѣстному контролю и допускать вмѣшательство власти въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщательное распоряженіе не соотвѣтствуетъ основной цѣли института наслѣдованія [2]). Такимъ образомъ возможность спора противъ т. н. inofficiosum testamentum оправдывается какъ характеромъ завѣщаній по римскому праву, такъ и значеніемъ и смысломъ завѣщательнаго права вообще.

---

[1]) Dig. l. IV, tit. VI, 1, Ulp.

[2]) *Ihering*, Geist des röm. Rechts, Bd. I, S. 146 fg. (Lpz. 1866).

III.

Сохраненіе и переработка римскихъ началъ въ англійскомъ правѣ.—Широкое толкованіе дѣеспособности. — Историческія особенности англійской опеки надъ сумасшедшими. — Порядокъ и условія освидѣтельствованія.— Второстепенная роль экспертизы въ дѣлахъ о дѣеспособности и вмѣняемости.

Изложенныя нами начала римскаго права въ значительной степени сохранили и по настоящее время свою силу въ теоретической юриспруденціи, но въ современныхъ кодексахъ они большею частью вытѣснены другаго рода взглядами, имѣющими, впрочемъ, весьма слабую связь съ тѣмъ развитіемъ, какое получила психіатрія съ начала нынѣшняго столѣтія. Только въ Англіи вполнѣ удержалась римская теорія, хотя, конечно, въ значительно измѣненномъ и переработанномъ видѣ.

Англійское право (common law) относится къ вопросу о дѣеспособности психически-больныхъ еще съ большею осторожностью, чѣмъ право римское. По этому предмету практика выработала рядъ правилъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія по своей несомнѣнной разумности и практичности.

Опека, налагаемая на душевно-больныхъ, сама по себѣ нисколько не лишаетъ ихъ дѣеспособности; она влечетъ за собой лишь принятіе извѣстныхъ предохранительныхъ мѣръ по отношенію къ имуществу и личности больнаго. Вліяніе умственнаго разстройства на совершеніе того или другаго акта должно быть положительно доказано въ каждомъ данномъ случаѣ; даже акты лицъ, признанныхъ сумасшедшими, имѣютъ полную силу, если в поведеніи послѣднихъ не было ничего страннаго и если посторонія лица, заключившія съ ними эти сдѣлки, дѣйствовали добросовѣстно (bona fide), не зная объ ихъ болѣзни [1]). Въ ан

---

[1]) *Herbert Broom* and *Edward Hadley*, Commentaries of the laws of England, London, 1869, v. II, p. 468 sq.; *A. Taylor*, Medical jurisprudence, London 1861 p. 868.

ской практикѣ были случаи признанія дѣйствительными духовныхъ завѣщаній лицъ, находящихся въ домѣ умалишенныхъ, на томъ основаніи, что акты совершены были съ здравымъ смысломъ [1]). По общему правилу, выработанному практикою, юридическая сила гражданскихъ актовъ и сдѣлокъ зависитъ отъ самаго содержанія ихъ и отъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ совершеніе; поэтому, хотя бы лицо страдало помѣшательствомъ, актъ его можетъ тѣмъ не менѣе имѣть силу, если разстройство ничѣмъ не обнаруживается въ содержаніи акта. Равнымъ образомъ завѣщанія лицъ, помѣшанныхъ на одномъ пунктѣ или имѣющихъ ложныя представленія (delusions), недѣйствительны только тогда, когда они составлены подъ очевиднымъ вліяніемъ этихъ именно ложныхъ идей.

Въ свѣтлые промежутки больной пользуется полной юридической дѣеспособностью. Исключеніе существуетъ только относительно вступленія въ бракъ. Въ прежнее время бракъ сумасшедшихъ признаваемъ былъ нерѣдко дѣйствительнымъ; впослѣдствіи это имѣло мѣсто только относительно браковъ, совершенныхъ въ свѣтлые промежутки. Затѣмъ, въ виду трудности выяснить фактическое состояніе умственныхъ силъ лица въ моментъ совершенія брачнаго обряда, постановлено было статутомъ Георга II, что бракъ «лунатика», признаннаго таковымъ надлежащей властью и порученнаго заботѣ попечителей актомъ парламента, признается безусловно-недѣйствительнымъ до тѣхъ поръ, пока больной не будетъ объявленъ умственно-здоровымъ по распоряженію лорда-канцлера [2]).

Что касается характера и порядка учрежденія опеки надъ душевно-больными, то англійское право представляетъ съ этой стороны многія любопытныя особенности, сохранившіяся въ обычномъ правѣ съ давнихъ временъ.

Верховнымъ покровителемъ и опекуномъ сумасшедшихъ, какъ и малолѣтнихъ, считается по старому народному воззрѣнію король, въ качествѣ охранителя народа (conservator populi). Статутъ Эдуарда II предоставлялъ королю право опеки надъ имѣніями лицъ безумныхъ отъ рожденія, при чемъ доходы, остающіеся за удовлетвореніемъ

---

[1]) *Taylor*, ib. p. 872.

[2]) *Broom and Hadley*, v. I, p. 527.

потребностей послѣднихъ, поступали въ распоряженіе короля; мѣра эта имѣла своей цѣлью предупредить возможность отчужденія земель со стороны безумныхъ въ ущербъ интересамъ ихъ наслѣдниковъ. Принятію этой мѣры предшествовало изслѣдованіе состоянія предполагаемаго безумнаго по королевскому приказу (writ de idiota inquirendo), производившееся предъ судомъ присяжныхъ; если присяжные признавали свидѣтельствуемое лицо «чистымъ идіотомъ» (purus idiota), т. е. безумнымъ отъ природы, то доходы съ земель его, равно какъ и опека надъ личностью его, жаловались обыкновенно королемъ кому-либо изъ близкихъ больнаго. Эта прерогатива королевской власти считалась издавна отяготительной для частныхъ лицъ; на практикѣ дѣйствіе ея парализовалось тѣмъ, что присяжные чрезвычайно рѣдко признавали кого-либо идіотомъ отъ рожденія (a nativitate), ограничиваясь большею частью признаніемъ умственнаго разстройства болѣе или менѣе продолжительнаго, но не природнаго. По отношенію къ этимъ психически-больнымъ въ собственномъ смыслѣ (non compos mentis), опекунскія права короны были совершенно другія. Законъ всегда имѣлъ въ виду возможность устраненія или излеченія подобнаго разстройства, почему возлагалъ на короля только заботу о призрѣніи личности и охраненіи имущества больныхъ, съ обязательствомъ дать отчетъ въ доходахъ или имъ самимъ по ихъ выздоровленіи, или, въ случаѣ ихъ смерти,—ихъ представителямъ. Король обязанъ сберегать излишекъ доходовъ для подопечныхъ на случай возвращенія ихъ къ здравому разсудку, не получая ничего въ свою пользу; если же они умирали въ такомъ состояніи, то оставшееся послѣ нихъ имущество распредѣлялось для религіозныхъ цѣлей по указанію духовной власти [1]).

Порядокъ освидѣтельствованія сумасшедшихъ, или по англійской терминологіи «лунатиковъ», полагался тотъ-же, что и относительно идіотовъ (именно посредствомъ writ de lunatico inquirendo). Порядокъ этотъ съ теченіемъ времени уступилъ мѣсто другому, установленному исподоволь сообразно съ потребностями практики и съ указаніями опыта. Въ настоящее время все, относящееся до попечительства надъ сумасшедшими, регулируется актами парламента, имѣющими примѣненіе какъ къ лицамъ, признаннымъ таковыми послѣ оф-

---

[1]) *Broom and Hadley*, v. III, pp. 83 sq.

фиціальнаго изслѣдованія, такъ и къ лицамъ, хотя и страждущимъ психическимъ разстройствомъ, но не подвергнутымъ освидѣтельствованію по нежеланію-ли родныхъ или-же по неимѣнію за ними имущества [1]). Дѣла объ опекѣ перешли отъ непосредственнаго вѣдѣнія короля къ лорду-канцлеру, который въ силу самого званія своего есть общій попечитель всѣхъ дѣтей, безумныхъ и сумасшедшихъ; для этого ему дается особое полномочіе за собственноручной королевской подписью одновременно съ назначеніемъ его на должность. Опекунскія дѣла не относятся поэтому къ общей юрисдикціи канцлерскаго суда (court of chancery), такъ какъ они входятъ въ кругъ обязанностей лорда-канцлера лишь по личному порученію короля, который все-таки de jure остается по прежнему верховнымъ покровителемъ лицъ, нуждающихся почему-либо въ опекѣ. Первой и послѣдней инстанціей для дѣлъ о сумасшедшихъ служитъ такимъ образомъ судъ лорда-канцлера; суды вице-канцлеровъ и главнаго архиваріуса, составляющіе первую инстанцію канцлерскаго суда, не вѣдаютъ подобныхъ дѣлъ. Когда представляется необходимымъ доказать сумасшествіе извѣстнаго лица для учрежденія надъ личностью и имуществомъ его надлежащей опеки, то просьба объ этомъ подается лорду-канцлеру, который, если найдетъ ее основательной, поручаетъ изслѣдовать состояніе больнаго особымъ, назначеннымъ для этого, чиновникамъ (masters in lunacy), съ участіемъ или безъ участія присяжныхъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла. Въ случаѣ, если по такомъ изслѣдованіи помѣшательство окажется несомнѣннымъ, лордъ-канцлеръ назначаетъ особый попечительный совѣтъ для личности больнаго, и другой—для его имѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ составляются правила, которыя, по утвержденіи ихъ лордомъ-канцлеромъ, опредѣляютъ на все время существованія опеки способъ содержанія сумасшедшаго и управленія его имуществомъ.

Идіоты и лица, лишенныя здраваго разсудка (of unsound mind), по объясненію Брума, не лишены вообще способности совершать юридическіе акты, но только условно (sub modo); ибо сдѣлки и обязательства ихъ вовсе не ничтожны сами по себѣ, а допускаютъ лишь споръ со стороны заинтересованныхъ лицъ.

Только относительно идіотовъ, т. е. безумныхъ отъ рожденія, су-

---

[1]) *Broom and Hadley*, v. III, p. 85.

ществуетъ правило, что дарственные и другіе акты ихъ могутъ быть уничтожаемы королемъ. Что касается душевно-больныхъ въ собственномъ смыслѣ (non compos), то въ прежнее время отъ нихъ самихъ по выздоровленіи не принимали спора противъ совершенныхъ ими актовъ на томъ основаніи, что никто не вправѣ доказывать свое собственное безуміе и неспособность и что къ тому же спорщикъ въ такихъ случаяхъ не въ состояніи выяснить обстоятельства, сопровождавшія совершеніе акта, бывши во время выдачи послѣдняго не въ своемъ умѣ. Впослѣдствіи этотъ взглядъ былъ оставленъ практикою, такъ что въ настоящее время какъ самъ бывшій «лунатикъ», такъ и его представители, могутъ доказывать его сумасшествіе съ цѣлью уничтоженія выданнаго имъ въ такомъ состояніи акта [1]).

Наконецъ, относительно завѣщаній слѣдуетъ замѣтить, что споры о недѣйствительности ихъ вслѣдствіе умственнаго разстройства завѣщателей, хотя и подсудны особымъ судамъ (court of probate), подлежатъ тѣмъ не менѣе общимъ правиламъ [2]).

Остается еще сказать нѣсколько словъ о самомъ порядкѣ освидѣтельствованія душевно-больныхъ и объ условіяхъ признанія ихъ безумными или сумасшедшими по англійскому обычному праву. Въ этомъ отношеніи судьямъ предоставлена полная, ничѣмъ неограниченная свобода, такъ что установленіе такихъ или иныхъ правилъ по такого рода дѣламъ зависѣло и зависитъ исключительно отъ практики. Изслѣдованіе больнаго производится обыкновенно чрезъ медиковъ по назначенію сторонъ, вслѣдствіе чего экспертиза отличается обыкновенно пристрастіемъ и противорѣчивостью [3]). Въ выборѣ экспертовъ судьи, равно какъ и стороны, не слишкомъ-то р зборчивы экспертомъ можетъ быть не только спеціалистъ по душевнымъ болѣзнямъ, но и всякій вообще врачъ и даже аптекарь. Нѣмецкій психіатръ Крафтъ Эбингъ находитъ такой порядокъ вещей крайне-несообразнымъ и нападаетъ вообще на низкое положеніе исихіатрической экспертизы въ Англіи [4]). Но дѣло въ томъ, что англійскіе юристы счита-

---

[1]) *Broom*, v. II, p. 468.

[2]) Ibid. p. 639—40.

[3]) *Taylor*, p. 858.

[4]) *F. v. Holtzendorff.* Rechtslexikon, Lpz. 1870, v. 2, S. 671 sq. (Art. «Wahnsinn und Blödsinn»).

ютъ вопросъ о юридической дѣеспособности, равно какъ и объ уголовной вмѣняемости, вопросомъ чисто-юридическимъ и потому не придаютъ особеннаго вѣса мнѣніямъ медиковъ, даваемымъ по такого рода дѣламъ. «Вопросъ объ умственномъ разстройствѣ», говорится напр. въ одномъ изъ англійскихъ юридическихъ журналовъ, «есть конечно вопросъ отчасти медицинскій; но когда дѣло идетъ объ отвѣтственности или невмѣняемости, то въ этомъ вопросѣ медики суть самые худшіе судьи» [1]). Во многихъ случаяхъ англичане впадаютъ уже въ очевидныя крайности, особенно въ примѣненіи къ уголовному праву, допуская и требуя даже наказанія сумасшедшихъ въ интересахъ общественной безопасности [2]). Съ такимъ же недовѣріемъ относятся англійскіе судьи къ психіатрической экспертизѣ и въ дѣлахъ гражданскихъ, какъ можно видѣть отчасти изъ приведенныхъ выше правилъ, которыхъ держится въ этомъ отношеніи практика.

Въ глазахъ англійскаго юриста умственное разстройство имѣетъ юридическое значеніе только тогда, когда оно явно обнаруживается въ спорномъ дѣйствіи и когда непосредственная связь его съ послѣднимъ не подлежитъ сомнѣнію. Пока связь эта не станетъ ясной для всякаго профана и пока не усмотрятъ ее сами судьи, до тѣхъ поръ вопросъ о помѣшательствѣ и вліяніи его на совершеніе даннаго акта не можетъ разсчитывать на утвердительное рѣшеніе, каковы-бы тамъ ни были мнѣнія экспертовъ.

Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ экспертиза не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, тѣмъ болѣе, что подобныя дѣла разсматриваются большей частью съ участіемъ присяжныхъ, руководствующихся въ своихъ приговорахъ соображеніями, разумѣется, не научнаго, а практически-житейскаго свойства.

Въ одной изъ дальнѣйшихъ главъ, при юридической оцѣнкѣ научныхъ выводовъ психіатріи, намъ придется еще возвратиться къ вышеизложеннымъ правиламъ и началамъ, принятымъ въ англійской практикѣ относительно дѣеспособности душевно-больныхъ. Въ настоящемъ-же случаѣ ограничимся только замѣчаніемъ, что эти правила и начала составляютъ очевидно лишь дальнѣйшее развитіе и

---

[1]) *Law Magazine and Review* 1872 № 3, p. 218.

[2]) См. статью *Balfour Brown'a* «Responsibility and disease» въ Law Magazine 1872, № 6, pp. 495, 501 etc.

усовершенствованіе классической римской теоріи; то, что въ римскомъ правѣ высказано только въ общихъ, нерѣдко неопредѣленныхъ, выраженіяхъ, безъ надлежащаго примѣненія къ частнымъ случаямъ, получило въ Англіи видъ цѣльной, во всѣхъ подробностяхъ развитой и прочно-установленной системы. Могучій запасъ практическаго опыта англичанъ, въ связи съ богатствомъ и разнообразіемъ юридической жизни страны, довершилъ то, что было отчасти сдѣлано или, лучше сказать, предугадано здравымъ смысломъ римскихъ юристовъ.

IV.

Французская система опеки сравнительно съ римско-англійскою.—Интердикція и полное лишеніе дѣеспособности.—Возраженія и толкованія французскихъ юристовъ.—Полу-интердикція.—Законъ 1838 года.—Споры врачей и юристовъ.—Оцѣнка французской системы.

Тогда какъ римско-англійская система опеки надъ душевно-больными оставляетъ, такъ сказать, открытымъ вопросъ о дѣеспособности послѣднихъ, подчиняя его общимъ юридическимъ правиламъ и не ставя его ни въ какую зависимость отъ института опеки,—теорія, получившая свое начало во Франціи и господствующая нынѣ на континентѣ, основана, напротивъ того, на совершенно исключительныхъ началахъ, направленныхъ главнымъ образомъ къ тому, чтобы обезпечить прочность имущественнаго оборота и устранить по возможности споры о недѣйствительности актовъ по причинѣ умственнаго разстройства. Уваженіе къ личной свободѣ гражданъ оставлено тутъ совершенно въ сторонѣ. Законъ беретъ подъ свою опеку не только самихъ душевно-больныхъ, но и тѣхъ, которымъ дѣйствія ихъ могли-бы причинить какой-либо имущественный ущербъ. Въ этомъ отношеніи постановленія французскаго кодекса являются во многихъ случаяхъ ужъ черезъ-чуръ строгими и безусловными, что происходитъ отчасти вслѣдствіе ихъ рѣзко-категорической формулировки и вслѣдствіе старанія законодателя установить твердыя общія правила, которыя обнимали-бы собой и предупреждали-бы всевозможные частные случаи. Практикѣ удалось однако въ весьма значительной степени смягчить строгость закона и даже просто обойти тѣ постановленія

его, которыя оказались почему-либо несправедливыми и несоотвѣтствующими практическимъ потребностямъ; на направленіе судебной практики имѣли при этомъ существенное вліяніе труды ученыхъ юристовъ-комментаторовъ Наполеонова кодекса. Такое отношеніе французскаго правовѣдѣнія къ законодательству и къ юридической практикѣ кажется намъ чрезвычайно поучительнымъ; оно доказываетъ какъ нельзя яснѣе совершенную ошибочность обычныхъ представленій о безсиліи научной дѣятельности юристовъ при существованіи полнаго кодекса, исчерпывающаго всѣ стороны юридическаго быта.

Система, принятая во французскомъ code civil относительно сумасшедшихъ и слабоумныхъ, представляетъ съ психіатрической точки зрѣнія какъ будто шагъ впередъ въ сравненіи съ римской теоріей.

Между прочимъ кодексъ старается устранить затрудненіе въ отысканіи точной границы между здравымъ умомъ и помѣшательствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ между способностью и неспособностью къ юридическимъ дѣйствіямъ; трудность эта устраняется именно установленіемъ двухъ ступеней въ ограниченіи дѣеспособности душевно-больныхъ,—состоянія полной интердикціи, связанной съ опекой, и состоянія ограниченной дѣеспособности, подъ попечительствомъ особаго, назначаемаго судомъ, совѣта (conseil judiciaire).

Интердикція, по объясненію Демоломба, есть въ юридическомъ смыслѣ не что иное, какъ сдѣланное извѣстному лицу запрещеніе пользоваться самостоятельно принадлежащими ему гражданскими правами [1]). По римскому праву, какъ извѣстно, такого рода интердикція существовала только въ примѣненіи къ расточителямъ; дѣеспособность-же сумасшедшихъ зависѣла въ каждомъ данномъ случаѣ отъ состоянія воли и возможности согласія въ минуту совершенія акта. Во французскомъ правѣ наоборотъ: къ расточителямъ примѣняется только подчиненіе ихъ судебному совѣту (art. 513), между тѣмъ какъ полной интердикціи подвергаются всѣ безумные и сумасшедшіе. По статьѣ 489 code civil, «всякій *совершеннолѣтній*, находящійся въ постоянномъ состояніи безумія, слабоумія и бѣшенства, *долженъ* быть подвергнутъ интердикціи, хотя-бы со-

---

[1]) *Demolombe*, Cours de Code Napoléon, t. VIII (Paris 1861) p. 303.

стояніе это представляло свѣтлые промежутки». Такимъ образомъ по отношенію къ малолѣтнимъ и несовершеннолѣтнимъ интердикція не можетъ имѣть мѣста, въ томъ, конечно, предположеніи, что они и безъ того находятся подъ опекой и не нуждаются уже въ особомъ покровительствѣ закона на случай умственнаго разстройства; но на практикѣ это соображеніе оказалось, во-первыхъ, непримѣнимымъ къ несовершеннолѣтнимъ эманципированнымъ, и во-вторыхъ, несостоятельнымъ въ томъ отношеніи, что между опекою и интердикціею, по вліянію ихъ на дѣеспособность, существуетъ все-таки весьма значительная разница, вслѣдствіе которой опека, ограничивая дѣеспособность малолѣтняго только въ извѣстныхъ предѣлахъ, оказывается недостаточной для огражденія интересовъ подопечнаго, страждущаго помѣшательствомъ. Въ силу этихъ мотивовъ, французскіе юристы, не взирая на буквальный смыслъ закона, не допускающій повидимому никакихъ сомнѣній, придерживаются тѣмъ не менѣе того взгляда, что статья 489 должна имѣть примѣненіе и къ малолѣтнимъ, какъ эманципированнымъ, такъ и состоящимъ подъ опекою: взгляда этого держится отчасти и судебная практика [1]).

Интердикція составляетъ по французскому праву общеобязательную мѣру; право и вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность требовать ея установленія возлагается закономъ на родственниковъ всѣхъ безусловно, супруговъ, наконецъ на прокурорскую власть (ministère public). Когда дѣло идетъ лишь о слабоуміи (imbecillité) и безуміи (démence), то прокуроръ вообще не обязанъ возбуждать вопросъ о наложеніи интердикціи и *можетъ* дѣйствовать въ этомъ смыслѣ только при отсутствіи или неизвѣстности родныхъ сумасшедшаго (art. 491). Если-же помѣшательство является въ болѣе опасной формѣ бѣшенства (fureur), то власть *должна* начать процессъ объ интердикціи во всякомъ случаѣ, имѣются-ли у сумасшедшаго какіе-либо родные и остаются-ли они только въ бездѣйствіи, или-же ихъ вовсе не оказывается (art. 492).

Что касается самого производства дѣлъ объ интердикціи, то оно имѣетъ видъ обыкновеннаго судебнаго состязанія между сторонами, причемъ роль истца принадлежитъ лицу, возбудившему дѣло объ интердикціи, а роль отвѣтчика—предполагаемому психически-боль-

---

[1]) Весьма любопытное толкованіе статьи у *Demolombe'a*, t. VIII, p. 344 sq.

ному. Требованіе интердикціи предъявляется въ судѣ первой инстанціи вмѣстѣ съ письменнымъ изложеніемъ фактическихъ доказательствъ умственнаго разстройства и съ указаніемъ документовъ и свидѣтелей (art. 493); затѣмъ судъ предписываетъ организованному надлежащимъ образомъ семейному совѣту представить свое мнѣніе о состояніи лица, относительно котораго заявлено требованіе объ интердикціи. Если обнаруженныя этимъ путемъ данныя окажутся достаточно вѣскими для дальнѣйшаго производства дѣла, то судъ допрашиваетъ отвѣтчика, въ присутствіи прокурора. Свойство и характеръ вопросовъ, предлагаемыхъ больному, зависятъ вполнѣ отъ усмотрѣнія суда; но въ практикѣ и литературѣ считается общепризнаннымъ, что вообще вопросы должны касаться исключительно лишь обыденныхъ фактовъ гражданской жизни, а никакъ не отвлеченныхъ или спекулятивныхъ предметовъ, какъ напр., религіи, науки или политики [1]). Послѣ перваго допроса судъ можетъ, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла, назначить временную администрацію для попечительства надъ личностью и имуществомъ больнаго. Наконецъ самое рѣшеніе о наложеніи интердикціи постановляется судомъ въ *публичномъ* засѣданіи по выслушаніи сторонъ. Вмѣсто интердикціи, суду предоставлено, смотря по обстоятельствамъ, ограничиться лишь опредѣленіемъ къ лицу отвѣтчика особаго совѣтника, безъ согласія котораго онъ не вправѣ вступать въ какія-либо сдѣлки и обязательства (art. 499). Апелляція допускается по общимъ правиламъ. Само собою разумѣется, что признаніе или непризнаніе извѣстнаго лица сумасшедшимъ, какъ вопросъ факта, не подлежитъ повѣркѣ въ кассаціонномъ порядкѣ.

Существенный юридическій смыслъ и интересъ разсматриваемаго предмета заключается, конечно, не въ этой внѣшней процессуальной сторонѣ его, а главнымъ образомъ въ постановленіяхъ закона, опредѣляющихъ вліяніе интердикціи и помѣшательства на дѣеспособность подверженныхъ ей лицъ и на силу совершенныхъ послѣдними юридическихъ актовъ. Эта послѣдняя сторона вопроса разрѣшается французскимъ кодексомъ весьма полно и опредѣленно, хотя далеко не всегда согласно съ потребностями практики.

---

[1]) *Demolombe*, t. VIII. p. 374, ср. замѣчанія *Легранъ-дю-Солля* въ Annales d'hygiène publique et de médecine légale, 1872, Janvier, pp. 150 sq.

*

Положеніе лицъ, состоящихъ подъ интердикціею, по отношенію къ личности и имуществу ихъ, сравнено съ положеніемъ малолѣтнихъ (art. 509); но разница здѣсь та, что при интердикціи опека бываетъ только по назначенію (tutela dativa) и въ одномъ лишь случаѣ по закону (t. legitima) (art. 506). По юридическому значенію своему, интердиція весьма существенно отличается отъ опеки надъ малолѣтними. «Интердикція или назначеніе совѣта», говорится въ 502-й статьѣ, «начинаетъ свое дѣйствіе со дня объявленія состоявшагося о томъ судебнаго приговора. Всѣ акты, совершенные послѣ этого лицомъ, подвергнутымъ интердикціи, *юридически-ничтожны* (sont nuls de droit)».

Недѣйствительность актовъ не обусловливается тутъ тѣмъ правиломъ, какое существуетъ относительно несовершеннолѣтнихъ: restituitur minor, non tanquam minor, sed tanquam laesus; дѣйствія и акты сумасшедшаго признаются ничтожными ipso jure, въ силу самого факта интердикціи, независимо отъ фактическаго содержанія и характера своего.

Противъ этого постановленія вооружились французскіе юристы, утверждая, что оно дѣлаетъ изъ интердикціи не мѣру защиты и охраненія душевно-больнаго, а напротивъ того—мѣру притѣсненія. «Опека», говоритъ напр. Демоломбъ, «какова-бы она ни была, надъ малолѣтними-ли или сумасшедшими, составляетъ въ существѣ своемъ мѣру покровительства и защиты; она не имѣетъ своей цѣлью и не должна, конечно, имѣть своимъ результатомъ пораженіе покровительствуемаго ею лица чѣмъ-то въ родѣ гражданской смерти (mort civil)». Обязанности опеки, продолжаетъ тотъ-же авторъ, должны, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовать ограниченіямъ, установленнымъ для подопечныхъ; поэтому, такъ какъ опекунъ не можетъ заступать опекаемаго имъ въ дѣлахъ семейныхъ, брачныхъ, завѣщательныхъ и т. п., то слѣдуетъ заключить, что къ этимъ дѣламъ и интердикція не относится [1]). По мнѣнію Демоломба, раздѣляемому и другими писателями, чисто-личныя права сохраняются за сумасшедшимъ, такъ что въ свѣтлые промежутки послѣдній вправѣ, не смотря на существованіе интердикціи, вступить въ бракъ, усыновить кого-либо или быть усыновленнымъ, составить завѣщаніе или отмѣнить прежнее

[1]) *Demolombe*, p. 429 sq.

и т. п. [1]). Въ подтвержденіе такого толкованія ссылаются на римское право, на право древне-французское, на соображенія гуманности и интересовъ больнаго и наконецъ на психіатрію, которая признаетъ за душевно-больными способность въ свѣтлые промежутки дѣйствовать вполнѣ сознательно и разумно. Независимо отъ этого, къ завѣщаніямъ интердикція не имѣетъ примѣненія уже потому, что относительно завѣщательной способности существуетъ спеціальное постановленіе, въ силу котораго для дѣйствительности дареній и завѣщаній требуется наличность здраваго ума въ моментъ совершенія акта (art. 901). Такое-же чисто-фактическое условіе установлено, по толкованію комментаторовъ кодекса, и относительно вступленія въ бракъ (art. 146). Въ этихъ случаяхъ, вслѣдствіе соединеннаго съ интердикціей законнаго предположенія (présomption légale), обязанность доказать существованіе свѣтлаго промежутка лежитъ на томъ, кто утверждаетъ, что данный актъ имѣетъ силу [2]).

Относительно права оспаривать юридическія дѣйствія сумасшедшихъ, не подвергнутыхъ интердикціи, существуютъ во французскомъ кодексѣ двѣ весьма важныя статьи, возбудившія особенно сильныя возраженія со стороны юристовъ. Это именно статьи 503 и 504. Первая изъ нихъ распространяетъ дѣйствіе интердикціи и на время предшествовавшее ей, въ случаѣ если помѣшательство имѣло мѣсто еще прежде; тогда для уничтоженія относящихся къ прежнему времени актовъ достаточно только доказать фактъ умственнаго разстройства въ періодъ, къ которому относятся эти акты, не касаясь состоянія лица въ моментъ совершенія послѣднихъ. Вторая изъ указанныхъ статей постановляетъ, что «послѣ смерти лица, совершенные имъ акты не могутъ быть оспариваемы по причинѣ его сумасшествія, за исключеніемъ лишь того случая, когда интердикція была объявлена или требуема до его кончины, или когда безуміе его доказывается содержаніемъ оспариваемаго акта». Обѣ эти статьи имѣютъ очевидно своей цѣлью расширить примѣненіе интердикціи и затруднить вмѣстѣ съ тѣмъ оспариваніе дѣйствій душевно-больныхъ, свободныхъ отъ этой легальной мѣры прещенія и опеки. Судебной практикѣ удалось только отчасти смягчить буквальный смыслъ этихъ

---

[1]) *Dem.*, I. c.; *Legrand du Solle* (Annales d'hygiène publ. etc., 1872, avril) p. 390.

[2]) *Demolombe.* t. VIII, p. 441.

статей, особенно статьи 504, которая, по словамъ Демоломба, не примѣняется къ дареніямъ и завѣщаніямъ [1]).

Наконецъ, что касается т. н. судебнаго совѣта, то это остатокъ древне-французскаго института полу-интердикціи (demi-interdiction), примѣнявшейся при низшихъ степеняхъ умственнаго разстройства. [2]) Назначеніе совѣта, подчиняясь вообще тѣмъ-же правиламъ, что и интердикція, имѣетъ мѣсто только относительно расточителей и слабоумныхъ; слѣдствіемъ своимъ оно имѣетъ неспособность къ совершенію нѣкоторыхъ дѣйствій безъ согласія совѣта.

Приведенныя постановленія Наполеонова кодекса дополняются еще особымъ *закономъ о сумасшедшихъ*, изданнымъ 30 іюня 1838 года и заключающимъ въ себѣ правила объ учрежденіи домовъ для умалишенныхъ и о порядкѣ управленія и завѣдыванія ими.

Законъ этотъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя начала, видоизмѣняющія въ значительной мѣрѣ систему кодекса. Для вопроса о дѣеспособности особенно важна статья 39, въ силу которой акты лицъ, находящихся въ домахъ для умалишенныхъ и не подвергнутыхъ интердикціи, подлежатъ уничтоженію на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и при существованіи интердикціи. Такимъ образомъ помѣщеніе въ подобный домъ влечетъ за собою извѣстныя юридическія послѣдствія, напоминающія интердикцію; а между тѣмъ оно не обставлено никакими рѣшительно гарантіями. Для заключенія кого-либо въ домъ умалишенныхъ требуется только заявленіе заинтересованнаго лица съ приложеніемъ свидѣтельства медика (art. 8). Обширныя права предоставлены въ этомъ отношеніи органамъ правительственной власти. Префекты и даже полицейскіе комиссары и мэры обязаны ex officio помѣщать въ заведеніе для сумасшедшихъ всякаго, умственное состояніе котораго, по эластичному выраженію закона, «можетъ компрометировать общественный порядокъ и безопасность частныхъ лицъ» (art. 18). При такихъ условіяхъ нельзя не признать отчасти справедливымъ мнѣніе тѣхъ публицистовъ, которые утверждаютъ, что законъ 30 іюня 1838 года, подъ ложнымъ видомъ филантропіи, возстановилъ старыя lettres de cachet. [3])

---

[1]) *Demolombe* ib. p. 468.

[2]) *Gabriel Simon*, p. 223; Demolombe, p. 481 sq.

[3]) Revue critique de législation et jurisprudence, 1872, janvier, pp. 108—9; Ср. *Garsonnet*, Revue contemporaine, 1869, mars.

Неудивительно поэтому, что въ послѣднее время законъ этотъ сдѣлался предметомъ ожесточенныхъ споровъ и породилъ, можно сказать, цѣлую литературу. Съ одной стороны медики-психіатры стоятъ горою за законъ 1838 г., находя его чрезвычайно полезнымъ и даже необходимымъ въ интересахъ науки; юристы же ратуютъ за интересы гражданской свободы и требуютъ уничтоженія по крайней мѣрѣ тѣхъ статей закона, которыми ужъ слишкомъ безцеремонно стѣсняются права частныхъ лицъ. Медики довольны закономъ 1838 года между прочимъ потому, что „по введеніи его, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, число душевно-больныхъ секвестрованныхъ сильно возрасло, такъ какъ, при обязанности каждаго департамента заботиться о нихъ и помѣщать ихъ въ устроенные для нихъ домы, значительное количество лицъ, остававшихся до тѣхъ поръ на свободѣ, нашло пріютъ въ этихъ заведеніяхъ". [1]) Матеріалъ для наблюденій конечно увеличился и продолжаетъ возрастать при нынѣшней системѣ; по поводу этого именно наплыва (недобровольнаго конечно) сумасшедшихъ въ больничныя заведенія, юристы настаиваютъ на томъ, чтобы помѣщеніе лица въ подобное заведеніе, какъ мѣра, связанная неизбѣжно съ ограниченіемъ свободы и правоспособности, зависѣло исключительно отъ судебной власти или подчинено было по крайней мѣрѣ болѣе строгимъ правиламъ и формальностямъ.

Между тѣмъ медики требуютъ даже усиленія и распространенія существующихъ стѣснительныхъ мѣръ; такъ напр. Русленъ доказываетъ пользу секвестраціи въ самомъ началѣ болѣзни, отрицая притомъ компетентность юристовъ въ вопросѣ объ умственномъ разстройствѣ [2]); но очевидно самъ же авторъ, требуя установленія такой мѣры какъ секвестрація, вышелъ уже за предѣлы своей спеціальности.

---

[1]) *Ach. Foville.* Les aliénés, étude pratique sur la législation et l'assistance qui leur sont applicables, Paris 1870, p. 30. Изъ другихъ сочиненій, вызванныхъ тѣмъ-же вопросомъ, можно указать еще на слѣд.: *Motet*, Les aliénés devant la loi, Paris 1865; *Bonnet*, Les aliénés, P. 1866 (содерж. чисто-психіатрическое); *Thulié*, La folie et la loi, P. 1866.; *Huc*, Des aliénés et de leur capacité civile, Paris, 1869. Всѣ эти писатели, за исключеніемъ послѣдняго, — медики, такъ-же какъ и *Gabriel Simon*, авторъ цитированнаго нами выше весьма дѣльнаго *юридическаго* изслѣдованія.

[2]) Annales médico-psychologiques, 1865.

Другой медикъ, Легранъ дю-Солль, полагаетъ, что «если въ послѣдніе годы поднялись ожесточенныя нападки противъ закона 1838 г. *со стороны бывшихъ больныхъ* (!), то объясненіе этого факта слѣдуетъ искать не въ чемъ иномъ, какъ только въ той общеизвѣстной истинѣ, что неблагодарность есть неизбѣжное слѣдствіе помѣшательства». [1]).

Всѣ подобныя выходки, равно какъ и аргументы другихъ психіатровъ, не могли конечно ослабить силу доводовъ и соображеній, представленныхъ юристами противъ закона, о которомъ идетъ рѣчь.

Въ 1870 году споръ готовъ былъ уже повидимому разрѣшиться въ законодательномъ порядкѣ, перейдя изъ литературной арены на обсужденіе народныхъ представителей. Гамбетта и Маньенъ внесли въ палату (въ засѣданіи 11 марта) проэктъ закона, которымъ предполагалось дѣла о помѣщеніи въ домы для умалишенныхъ передать суду присяжныхъ, дѣеспособность-же сохранить за сумасшедшими съ тѣмъ, что тѣ только акты ихъ признаются недѣйствительными, относительно которыхъ доказано будетъ, что они писаны въ минуту безумія. [2]). Проэктъ этотъ не получилъ надлежащаго хода вслѣдствіе наступившихъ вскорѣ «чрезвычайныхъ» событій и послѣдовавшаго затѣмъ паденія законодательнаго корпуса вмѣстѣ съ имперіей.

Въ настоящее время вопросъ находится еще въ неопредѣленномъ положеніи, и передача упомянутыхъ дѣлъ въ вѣдѣніе судебной власти все еще составляетъ лишь pium desiderium. [3]). Того же тщетно домогался еще въ 1838 году, при самомъ обсужденіи дѣйствующаго нынѣ закона, извѣстный Одилонъ-Барро, говоря, что «во Франціи никто не долженъ быть лишаемъ своихъ гражданскихъ правъ и свободы своей, безъ опредѣленія надлежащей судебной власти». Вопросъ о положеніи сумасшедшихъ попалъ такимъ образомъ на чуждую ему политическую почву.

---

[1]) *Legrand du Solle*, pp. 130—1.

[2]) Впрочемъ и теперь Демоломбъ толкуетъ статью 39 закона 1838 г. въ томъ смыслѣ, что, по отсутствію законной презумиціи, onus probandi лежитъ на спорщикѣ, который слѣдовательно долженъ доказать, что въ моментъ выдачи спорнаго акта лицо, находившееся въ домѣ умалишенныхъ, страдало умственнымъ разстройствомъ (p. 591).

[3]) См. *Pierre de la Gorce*, Examen critique et sommaire de la loi de 30 juin 1838 sur les aliénés (Revue critique de legislat'on et jurisprudence 1872, janvier).

Послѣ всего сказаннаго не трудно уже отмѣтить существенныя черты, отличающія французскую систему опеки надъ душевно-больными отъ римско-англійской.

Институтъ интердикціи дѣлаетъ умственное разстройство изъ чисто-фактическаго препятствія къ сознательной дѣятельности какимъ-то оффиціальнымъ состояніемъ юридическаго безправія; сумасшедшій признается неспособнымъ къ совершенію юридическихъ дѣйствій уже не по недостатку здравой воли въ данный моментъ, а вслѣдствіе одного лишь наложенія интердикціи по судебному приговору. Фактическое значеніе помѣшательства отступаетъ на задній планъ и замѣняется искусственною юридическою оболочкою, которая во многихъ случаяхъ можетъ совершенно не соотвѣтствовать содержанію, будучи несравненно шире послѣдняго.

Законъ, какъ мы видѣли, предписываетъ наложеніе интердикціи и при существованіи свѣтлыхъ промежутковъ, такъ что дѣйствіе ея обнимаетъ и эти промежутки, въ продолженіе которыхъ больной оказывается такимъ образомъ юридически неправоспособнымъ при отсутствіи уже самой причины этой неправоспособности.

Другими словами, интердикція дѣйствуетъ всегда одинаково и безразлично, въ какомъ-бы фактическомъ состояніи ни находился подвергнутый ей субъектъ; даже теряя на время свое единственное основаніе, свое raison d'être, и не имѣя уже подъ собою почвы, она продолжаетъ однако висѣть, такъ сказать, въ воздухѣ, производя ничѣмъ не оправдываемое давленіе на личность и дѣятельность покровительствуемыхъ ею лицъ.

Законныя предположенія преобладаютъ тутъ надъ реальной дѣйствительностью; формѣ отдается предпочтеніе предъ содержаніемъ. Нельзя не припомнить здѣсь стараго римскаго начала, забытаго въ настоящемъ случаѣ составителями кодекса: plus est in re quam in existimatione.

Французскіе комментаторы, какъ мы видѣли, старались по возможности ослабить недостатки законодательства и примирить его съ классической римской теоріею, но успѣли въ этомъ только по отношенію къ частностямъ; основной характеръ интердикціи со всѣми ея юридическими послѣдствіями остается все-таки прежній и не допускаетъ, разумѣется, никакихъ измѣненій путемъ толкованія [1]).

---

[1]) Все, что сказано нами относительно постановленій французскаго кодекса

V.

Система Наполеонова кодекса въ другихъ законодательствахъ.—Прусское уложеніе.—Путаница въ законахъ и въ теоріи.—Австрійскій кодексъ и его недостатки.—Саксонское уложеніе.

Постановленія Наполеонова кодекса, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣютъ однако и свои достоинства: точность, опредѣленность, сжатость и вмѣстѣ съ тѣмъ полноту. Но и эти достоинства исчезаютъ совершенно въ германскихъ законодательствахъ, которыя, усвоивъ основныя начала французской системы, распустили ихъ, такъ сказать, въ нѣмецкой водѣ и возвели въ принципъ то, что существуетъ въ кодексѣ Наполеона только de facto.

Особеннымъ многословіемъ и неопредѣленностью отличаются въ этомъ отношеніи постановленія *прусскаго* законодательства.

Прусское земское право даетъ прежде всего теоретическое опредѣленіе безумія, сумасшествія и слабоумія и затѣмъ содержитъ въ себѣ подробныя правила о каждомъ изъ этихъ видовъ душевныхъ болѣзней. Безумные и сумасшедшіе, по юридическому положенію своему, приравнены къ дѣтямъ моложе семи лѣтъ, а слабоумные—къ несовершеннолѣтнимъ [1]). Такое отдѣленіе слабоумныхъ (Blödsinnige) отъ другихъ категорій умалишенныхъ не одобряется нѣмецкими юристами, ссылающимися при этомъ на римское право, подчиняющее, какъ мы видѣли выше, всѣ виды психическихъ болѣзней однимъ и тѣмъ же началамъ. Несостоятельность этого разграниченія видна

объ опекѣ надъ душевно-больными, относится въ полной мѣрѣ и къ кодексу итальянскому, который въ этомъ отношеніи составляетъ почти-что буквальный переводъ съ французскаго, съ тѣмъ только различіемъ, что въ немъ еще строже и послѣдовательнѣе проводится идея легальнаго умопомѣшательства въ связи съ интердикціей. По итальянскому уложенію, лица, состоящія подъ опекой по слабоумію, безусловно лишены дѣеспособности; это общее правило примѣняется одинаково какъ къ обыкновеннымъ юридическимъ сдѣлкамъ, такъ и къ завѣщаніямъ и къ праву вступать въ бракъ. См. *Зарудная*, Гражд. улож. ит. корол. и р. гр. законы, Спб. 1869, ст. 61 (стр. 37), ст. 355 (стр. 102) и ст. 763 (стр. 213).

[1]) Allgem. Landrecht für die preussischen Staaten, v. *Koch*, Th. I, tit. I §§ 27—29; tit. IV, § 23.

между прочимъ изъ того, что по опредѣленію закона «слабоумными признаются лица, лишенныя способности понимать послѣдствія своихъ дѣяній», [1]) т. е. другими словами, не имѣющія, подобно сумасшедшимъ, здравой юридической воли.

Наложеніе опеки не составляетъ по прусскому уложенію общеобязательной мѣры, принимаемой ex officio, какъ во французскомъ правѣ; но за то юридическое безправіе душевно-больныхъ, подвергнутыхъ уже опекѣ, выражено еще въ болѣе рѣзкой и безусловной формѣ, нежели въ кодексѣ Наполеона. Независимо отъ того, что по закону всѣ дѣйствія сумасшедшихъ и безумныхъ считаются юридически ничтожными, уложеніе постановляетъ еще, что «если больной подвергнутъ опекѣ, то не принимаются уже во все продолженіе ея никакія удостовѣренія о совершеніи даннаго акта въ свѣтлый промежутокъ.»

Такимъ образомъ для практики закрыта здѣсь даже та слабая возможность смягчить суровость интердикціи, которою пользовались французскіе юристы-комментаторы кодекса. Столь же безусловно-недѣйствительными признаются и завѣщанія «лицъ, подчиненныхъ опекѣ вслѣдствіе помѣшательства или слабоумія», хотя въ другомъ мѣстѣ законъ ставитъ здравый умъ только фактическимъ условіемъ завѣщательной способности [2]). Законное предположеніе неправоспособности, вопреки всякимъ юридическимъ правиламъ, распространяется и на время, предшествовавшее учрежденію опеки, хотя бы умственнаго разстройства тогда еще вовсе не существовало; такъ, если завѣщаніе написано въ теченіе года до наложенія опеки, то имѣющій выгоду отъ завѣщанія долженъ *доказать*, что во время составленія послѣдняго завѣщатель *былъ въ здравомъ умѣ* [3]).

Законодатель въ такой степени проникнутъ теоріей легальной презумпціи, что счелъ даже нужнымъ постановить въ особой статьѣ, что «относительно лицъ, страждущихъ припадками душевной болѣзни, но не подвергнутыхъ еще опекѣ, имѣетъ силу предположеніе, что дѣйствія ихъ совершены при полномъ умѣ и не въ припадкѣ болѣзни» [4]).

---

[1]) Ibid. tit. I, § 28.

[2]) Ibid. tit. IV., § 23 и 20, § 25; tit. XII, § 21. § 145 и сл.; ср. § 20.

[3]) Ibid. § 22 (tit. XII).

[4]) Ibid., tit. IV, § 4.

Это постановленіе, очевидно, не только совершенно излишне, но и не имѣетъ юридическаго смысла, такъ какъ ни о какомъ иномъ предположеніи не можетъ быть и рѣчи до тѣхъ поръ, пока умственное разстройство не получило легальнаго признанія съ наложеніемъ опеки. Но даже и это элементарное правило, выраженное въ приведенной статьѣ, нарушается, какъ указано выше, въ примѣненіи къ завѣщаніямъ.

Прусское право примѣняетъ теорію предположеній и къ другимъ случаямъ, въ которыхъ подобныя предположенія также точно неумѣстны. Такъ, подчиняя слабоумныхъ, по отношенію къ дѣеспособности, тѣмъ же правиламъ, что и несовершеннолѣтнихъ, законъ опредѣляетъ, что «если даже надъ слабоумнымъ не учреждено опеки, все-таки имѣетъ мѣсто *предположеніе обмана* со стороны лицъ, заключившихъ съ нимъ невыгодную для него сдѣлку.» [1]) Между тѣмъ подобныя сдѣлки и безъ того недѣйствительны въ силу другихъ статей того же уложенія [2]), такъ что приведенное постановленіе не можетъ уже имѣть смысла.

Путаница усиливается еще тѣмъ, что дѣйствія слабоумныхъ, какъ и несовершеннолѣтнихъ, сохраняютъ по закону свою силу, если они для нихъ выгодны, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ необходимымъ условіемъ дѣйствительности какихъ бы то ни было актовъ принимается «способность дѣйствовать разумно и обдуманно» [3]),— способность, которой, по опредѣленію самого закона, недостаетъ слабоумнымъ.

Въ своемъ стремленіи предусмотрѣть и разрѣшить всевозможныя практическія комбинаціи прусское уложеніе доходитъ уже до крайности и не только не разъясняетъ, но совершенно запутываетъ дѣло множествомъ частныхъ постановленій. Кромѣ официально-признанныхъ душевныхъ болѣзней, законъ различаетъ еще и многія другія состоянія, сопряженныя съ временнымъ помраченіемъ умственныхъ способностей, и о каждомъ изъ такихъ состояній даетъ особыя правила [4]). Всѣ эти правила только затемняютъ и усложняютъ

---

[1]) Ibid., § 27; см. крайне туманныя толкованія Коха, еще болѣе затемняющія смыслъ статьи.

[2]) Tit. IV, § 21, 22 и 27.

[3]) Ibid., §§ 2 и 3.

[4]) Тамъ же, § 28—о пьянствѣ, которое приравнивается сумасшествію, § 29— о страхѣ, гнѣвѣ и боязни и т. д.

безъ всякой нужды то простое юридическое начало, что всякое выраженіе воли должно быть свободное и сознательное, безъ чего оно недѣйствительно [1]).

Нѣмецкіе юристы, вмѣсто того, чтобы, подобно французскимъ комментаторамъ, стараться примирить опредѣленія закона съ требованіями теоріи и дѣйствительности, хлопочутъ только о приведеніи ихъ въ систему и о теоретическомъ оправданіи ихъ. «Пока лицо не находится еще подъ опекой», говоритъ между прочимъ Кохъ, «душевная болѣзнь можетъ служить лишь фактическимъ препятствіемъ къ выраженію юридически-дѣйствительной воли, и это обстоятельство, какъ всякій фактъ, должно быть положительно доказано. Съ учрежденіемъ-же опеки наступаетъ *юридическая* неправоспособность подвергнутыхъ этой мѣрѣ лицъ. Поэтому, при обсужденіи вопроса о силѣ даннаго выраженія воли подопечнаго, не имѣетъ уже никакого значенія то обстоятельство, существуетъ-ли въ то же время и *физическая* неспособность или нѣтъ. Находящійся подъ опекой вслѣдствіе душевной болѣзни остается, и по наступившемъ затѣмъ выздоровленіи, неправоспособнымъ до снятія интердикціи» [2]). Эти разсужденія Коха суть, очевидно, не что иное, какъ теоретизація французской системы.

Та же система принята и *австрійскимъ* кодексомъ, но уже въ болѣе смягченномъ видѣ. Для душевно-больныхъ, какъ и вообще для лицъ, неспособныхъ распоряжаться своимъ имуществомъ, назначается судомъ попечитель [3]). «Сумасшедшимъ или слабоумнымъ можетъ почитаться *только тотъ*, кто послѣ тщательнаго изслѣдованія его поведенія и по выслушаніи вызванныхъ для этого въ судъ врачей-экспертовъ, будетъ таковымъ объявленъ судебнымъ приговоромъ» (§ 273). Законъ создаетъ такимъ образомъ особое состояніе легальнаго умопомѣшательства, неизвѣстное въ такой формѣ даже праву французскому. Впрочемъ, и непризнанное офиціально сумасшествіе, если оно несомнѣнно доказано, влечетъ за собой недѣйствительность завѣщаній и другихъ выраженій воли душевно-больнаго [4]). Съ дру-

---

[1]) Это начало выражено въ § 3 tit. IV (I Th.).

[2]) *Koch*, прим. къ §§ 24 и 25 Tit. IV (п. 36 и 37).

[3]) Commentar zum Oesterreichischen Allgemeinen bürgerl. Gesetzb., v. *Kirchstetter*, 1872, § 270.

[4]) Ibid. § 566 и § 865.

гой стороны, состояніе подопечнаго представляется по австрійскому кодексу далеко не столь безправнымъ, какъ по прусскому уложенію; по крайней мѣрѣ законъ не ставитъ въ этомъ отношеніи никакихъ общихъ безусловныхъ правилъ, давая судебной практикѣ нѣкоторый просторъ въ такого рода дѣлахъ. Между прочимъ, относительно дѣеспособности душевно-больныхъ въ свѣтлые промежутки, существуетъ между комментаторами кодекса разногласіе. Унгеръ разрѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, допуская одно только исключеніе по отношенію къ завѣщаніямъ [1]); Кирхштетеръ же, напротивъ того, полагаетъ, что, при отсутствіи въ австрійскомъ правѣ положительнаго на этотъ счетъ постановленія, не представляется основанія отрицать у сумасшедшихъ способность къ совершенію юридическихъ дѣйствій въ свѣтлые промежутки. «Неправоспособность душевнобольныхъ», по вполнѣ основательному объясненію Кирхштетера, «имѣетъ свое основаніе не въ учрежденіи опеки, а въ самой природѣ умственнаго разстройства. Опека имѣетъ только цѣлью восполнить недостатокъ естественной дѣеспособности; она совершенно безцѣльна въ тѣхъ случаяхъ, когда больной снова вступилъ въ полное обладаніе своими умственными силами. Наименѣе сомнительнымъ представляется это въ примѣненіи къ предсмертнымъ распоряженіямъ» [2]). Далѣе, тотъ же комментаторъ, говоря о завѣщаніяхъ, утверждаетъ, что «частное помѣшательство (на одномъ пунктѣ) не исключаетъ дѣеспособности, и даже лица, страждущія постояннымъ и общимъ помѣшательствомъ, могутъ завѣщать въ свѣтлые промежутки» [3]). Такіе выводы могутъ, пожалуй, показаться слишкомъ смѣлыми, но они, какъ намъ кажется, болѣе соотвѣтствуютъ правиламъ юридической интерпретаціи, чѣмъ приведенное выше мнѣніе Унгера.

Замѣтимъ притомъ, что если прусское земское право отличается крайней казуистичностью и многостатейностью, то австрійскій кодексъ, свободный отъ этихъ недостатковъ, впалъ въ противоположную крайность: по чрезмѣрной общности и неопредѣленности своей, онъ оставляетъ безъ отвѣта многіе существенные вопросы и допускаетъ во многихъ случаяхъ самыя разнообразныя толкованія. Такъ,

---

[1]) *Unger*, System des Oesterreich. allg. Privatrechts, Bd. 2, S. 25 fg.
[2]) Commentar, S. 141.
[3]) Ibid., S. 297 fg.

онъ не даетъ ясныхъ указаній относительно того, составляетъ-ли официальное освидѣтельствованіе душевно-больныхъ и подчиненіе ихъ опекѣ общеобязательную мѣру или нѣтъ, при какихъ условіяхъ и по чьей иниціативѣ принимается эта мѣра и даже въ какомъ отношеніи находится опека къ вопросу о дѣеспособности, такъ что и по этому послѣднему вопросу оказываются возможными такія противоположныя между собою толкованія, какъ Унгера и Кирхштетера.

Несравненно точнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлесообразнѣе постановленія кодекса *саксонскаго*, который, хотя и держится системы официальной интердикціи, но обставляетъ ее весьма разумными правилами и ограниченіями, ослабляющими отчасти ея невыгодныя для подопечныхъ послѣдствія. Учрежденіе опеки надъ умалишенными признается обязательнымъ даже въ болѣе обширной мѣрѣ, нежели въ правѣ французскомъ [1]). Акты умалишенныхъ по общему правилу недѣйствительны (§ 89); но «въ свѣтлые промежутки сумасшедшій можетъ совершать юридическія дѣйствія, если опекунское учрежденіе на основаніи судебно-медицинскаго изслѣдованія найдетъ, что онъ находился въ это время въ здравомъ умѣ» (§ 1984). То же начало выражено и относительно завѣщательной способности (§ 2069).

Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что приведенныя правила, при всей своей теоретической разумности, едва-ли могутъ считаться практичными. Очевидно, они примѣнимы лишь къ такому періодическому помѣшательству, припадки котораго возвращаются черезъ болѣе или менѣе значительные промежутки времени; при не столь продолжительныхъ перерывахъ немыслимо уже прибѣгать каждый разъ къ официальному освидѣтельствованію и обращаться къ опекунской власти, рѣшеніе которой только и возвращаетъ больному дѣеспособность. Такимъ образомъ и въ саксонскомъ уложеніи естественная сторона помѣшательства вытѣсняется официально-юридической его оболочкою.

---

[1]) Das bürgerliche Gesetzb. für Königreich Sachsen, § 1981 (Lpz. 1863).

VI.

Оцѣнка двухъ главныхъ законодательныхъ системъ въ вопросѣ о дѣеспособности душевно-больныхъ. — Важность выводовъ и положеній психіатріи.—Отзывы Гризингера, Маудсли, Винслова, Сольбрига, Лимана, и другихъ.—Гдѣ норма здраваго ума?—Роль юриспруденціи въ этомъ вопросѣ.—Несостоятельность системы интердикціи.—Преимущества англійской теоріи.

Переходя къ критической оцѣнкѣ изложенныхъ нами постановленій западно-европейскихъ законодательствъ относительно умственнаго разстройства, мы встрѣчаемся прежде всего съ такою стороною вопроса, которая собственно выходитъ уже за предѣлы правовѣдѣнія и захватываетъ область совершенно чуждой послѣднему науки — психіатріи.

Вопросъ, которому посвящено настоящее изложеніе, есть, безъ сомнѣнія, вопросъ юридическій; но несомнѣнно съ другой стороны, что матеріальная подкладка его—чисто-психіатрическая и что такое или иное рѣшеніе его зависитъ въ значительной степени отъ такого или иного взгляда на сущность и значеніе психическаго разстройства. Понятно поэтому, что для надлежащей оцѣнки существующихъ въ настоящее время системъ опеки надъ душевно-больными необходимо справиться предварительно съ выводами науки, спеціально трактующей о душевныхъ болѣзняхъ и имѣющей конечно рѣшительный и во всякомъ случаѣ вѣскій голосъ въ занимающемъ насъ вопросѣ.

Мы видѣли, что относительно юридическаго значенія умственнаго разстройства существуютъ въ настоящее время двѣ системы: одна, принятая большинствомъ современныхъ кодексовъ, основана на фикціи легальнаго умопомѣшательства и связана съ весьма стѣснительными ограниченіями для психически-больныхъ; другая, преобладающая нынѣ въ Англіи, держится болѣе свободныхъ началъ и предоставляетъ судьямъ въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшать вопросъ о дѣеспособности сумасшедшаго въ моментъ совершенія спорнаго акта, независимо отъ того, подвергнутъ-ли больной опекѣ или нѣтъ.

Какая-же изъ этихъ системъ болѣе соотвѣтствуетъ выводамъ пси-

хіатріи? Составляетъ-ли помѣшательство такого рода болѣзнь, которая совершенно исключаетъ возможность сознательной юридической воли и которая должна влечь за собою безусловное лишеніе дѣеспособности, или-же психическое разстройство имѣетъ другой не столь абсолютный характеръ, допускающій по временамъ присутствіе здравой воли и способность къ разумной дѣятельности?

Поставленный въ такой формѣ, вопросъ этотъ уже самъ собою опредѣляетъ характеръ тѣхъ данныхъ, которыя мы должны заимствовать у психіатріи. Для насъ важны не какія-либо спеціально-медицинскія подробности, а основные взгляды психіатровъ на природу и значеніе умственнаго разстройства и на отношеніе послѣдняго къ психическому здоровью.

Въ особенности намъ важно знать, оправдывается-ли психіатріею то рѣзкое разграниченіе, которое проводится нѣкоторыми кодексами и отчасти юристами между умопомѣшательствомъ и нормальнымъ душевнымъ состояніемъ. Въ этомъ отношеніи психіатрія, въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ авторитетнѣйшихъ представителей своихъ, даетъ намъ прямой категорическій отвѣтъ, разрѣшающій какъ нельзя яснѣе интересующій насъ вопросъ.

Дилемма—«человѣкъ либо сумасшедшій, либо нѣтъ», говоритъ Гризингеръ, совершенно не вѣрна. Между здоровьемъ и болѣзнью нѣтъ опредѣленной границы; въ психіатріи, какъ и въ остальной патологіи, есть среднее состояніе нѣкотораго разстройства, которое однако не составляетъ еще дѣйствительной болѣзни и въ которомъ субъектъ представляетъ еще многіе признаки здоровья. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно приходится сказать, что субъекты находятся далеко не въ нормальномъ состояніи, но нельзя указать на признаки опредѣленной психической болѣзни, и можно высказать скорѣе какъ вѣроятіе, чѣмъ какъ увѣренность, что ихъ дѣйствія были вызваны болѣзненнымъ вліяніемъ организма или по крайней мѣрѣ въ значительной степени зависѣли отъ подобнаго вліянія. Даже въ ихъ проявленіяхъ нѣтъ рѣзкой границы между страшностью, страстностью, извращеніемъ склонностей, душевной тупостью съ одной стороны и душевной болѣзнью съ другой [1]).

Между самыми крайними случаями помѣшательства и идеальнымъ

---

[1]) Душевныя болѣзни, Спб. 1864, стр. 143.

душевнымъ здоровьемъ, замѣчаетъ Генри Маудсли, существуетъ безконечное число разностей, постепенно и нечувствительно переходящихъ одна въ другую. Никто поэтому не можетъ положительно опредѣлить крайнихъ границъ здоровья и начала болѣзни, и съ несомнѣнностью рѣшить въ каждомъ данномъ случаѣ, страдаетъ-ли помѣшательствомъ извѣстное лицо или нѣтъ [1]).

Еще съ большею откровенностью выражается другой, не менѣе извѣстный, англійскій психіатръ Винсловъ. Возможно-ли, спрашиваетъ онъ, пріобрѣсть точное познаніе о состояніи ума, разстроеннаго болѣзнью? Всѣ попытки, сдѣланныя до сихъ поръ—разрѣшить тайну помѣшательства, не оказались-ли совершенно безплодными? Признаемся, продолжаетъ Винсловъ, чистосердечно въ нашемъ полномъ невѣжествѣ относительно тонкихъ ненормальныхъ умственныхъ явленій, точно также, какъ и въ ограниченности нашихъ познаній о нормальной дѣятельности человѣческаго ума [2]).

Не только между психическимъ разстройствомъ и душевнымъ здоровьемъ во многихъ случаяхъ не оказывается точной границы, но даже нѣкоторые виды умопомѣшательства въ собственномъ смыслѣ съ трудомъ поддаются наблюденію, не обнаруживая существеннаго отличія отъ обыкновенныхъ личныхъ особенностей или странностей.

Очень можетъ быть, говоритъ Гризингеръ, что больная возбуждаемость мозговыхъ процессовъ и нѣкоторыя душевныя особенности, приводящія въ одномъ случаѣ къ странности, въ другомъ, при счастливыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ и хорошемъ физическомъ здоровьи, производятъ большую дѣятельность и энергію ума и оригинальность мысли [3]). Въ своихъ умѣренныхъ степеняхъ, измѣненіе, которому подвергается представленіе при бѣшенствѣ, является въ видѣ усиленія здоровой способности мышленія. Усиленное образованіе и быстрая смѣна вновь оживляютъ потокъ давно уснувшихъ воспоминаній; замѣчается усиленіе памяти, которое, напримѣръ, доказывается тѣмъ, что бѣшеный въ теченіе болѣзни можетъ повторять длинныя пѣсни, тогда какъ прежде и послѣ болѣзни не можетъ сдѣлать этого.

---

[1]) Физіологія и патологія души, Спб. 1870, стр. 305.
[2]) Болѣзни мозга и души, Спб. 1870, стр. 32.
[3]) *Гризингеръ*, тамъ же, стр. 181.

Появляются также по временамъ мысли, умозаключенія и сужденія, которыя выходятъ за обычный здоровый горизонтъ больнаго; онъ высказываетъ иногда, смотря по настроенію и внѣшнимъ побужденіямъ, чрезвычайно ѣдкія сравненія, необыкновенную остроту, чрезвычайную способность говорить, произносить также чрезвычайно вѣрно и смѣло сужденія, которыя очевидно образовались вслѣдствіе точнаго наблюденія необходимыхъ для этого моментовъ [1]).

Помѣшанные, по словамъ Винслова, обнаруживаютъ иногда больше ума, чѣмъ обыкновенные люди. Можетъ быть, столько-же геніевъ находится въ заключеніи въ домахъ для помѣшанныхъ, сколько на свободѣ, и почитатель талантовъ можетъ столько-же найти ихъ въ убѣжищахъ для душевно-больныхъ, сколько, такъ сказать, и на всякомъ другомъ театрѣ умственной выставки [2]). Винсловъ находитъ признаки умственнаго разстройства у такихъ политическихъ дѣятелей, какъ Фридрихъ Вильгельмъ I, Генрихъ VIII, Робеспьеръ, Лютеръ, Цвингли, Руссо и друг. [3]), а такихъ, какъ Калигула, Неронъ, Тиверій, Екатерина Медичи, онъ прямо объявляетъ сумасшедшими.

Что касается частнаго умопомѣшательства, то, по свидѣтельству французскаго психіатра Бріеръ-де-Буамона, помѣшанные могутъ разговаривать совершенно здраво и иногда даже краснорѣчиво въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, могутъ писать весьма толковыя письма въ промежуткѣ между двумя приступами своей болѣзни и въ самый день приступа, хотя никакая сила не въ состояніи исторгнуть изъ головы ихъ безумныхъ представленій [4]).

По мнѣнію Гризингера, господство одного безумнаго представленія, дѣлающагося центромъ всего мышленія, имѣетъ большое сходство съ одностороннимъ господствомъ исключительно одного круга идей у здороваго,—то болѣе съ упрямымъ пристрастіемъ къ какой-нибудь теоріи, дѣлающейся для человѣка уже личнымъ дѣломъ, то болѣе съ господствомъ извѣстныхъ страстей, напр. любви, ревности, гордости, сластолюбія, скупости и т. д., которыя въ высшихъ своихъ степеняхъ, вытѣсняя изъ души все остальное, точно также однообразятъ и обѣдняютъ духовную жизнь: многія изъ этихъ страстей

---

[1]) *Винсловъ*, стр. 50.

[2]) Тамъ же, стр. 329.

[3]) *Винсловъ*, стр. 141, 146 и др.

[4]) Архивъ суд. медицины, 1871, № 4, стр. 86.

уже въ своихъ проявленіяхъ, напр. во внѣшней разсѣянности при внутренней сосредоточенности, любви къ украшеніямъ и внѣшнему блеску, во многомъ очень схожи съ соотвѣтствующими формами сумасшествія [1]).

По словамъ другаго нѣмецкаго ученаго, проф. Сольбрига, можно представить положительныя доказательства того, что преобладаніе опредѣленнаго умственнаго направленія немедленно производитъ патологическое дѣйствіе на мозгъ, если ему не окажутъ своевременнаго и систематическаго противодѣйствія соотвѣтственные регуляторы: въ этомъ отношеніи «то, что въ средніе вѣка составляло патологическое достояніе цѣлыхъ поколѣній, въ настоящее время, благодаря просвѣщеннымъ воззрѣніямъ большинства, стало аттрибутомъ весьма ограниченнаго числа индивидовъ» [2]).

Приведенныхъ отзывовъ, кажется, вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что съ точки зрѣнія психіатріи между душевной болѣзнью и полнымъ здоровьемъ не существуетъ точно-опредѣленной пограничной черты; различныя душевныя состоянія, нормальныя и болѣзненныя, такъ переплетаются между собою и имѣютъ столько общихъ, всѣмъ имъ свойственныхъ чертъ, что во многихъ случаяхъ представляется весьма труднымъ и даже совершенно невозможнымъ отличить психическое разстройство отъ особенныхъ свойствъ характера, темперамента или отъ увлеченій и страстныхъ порывовъ.

Опытные спеціалисты могутъ конечно опредѣлить, болѣе или менѣе вѣрно, состояніе умственныхъ способностей даннаго лица, послѣ тщательнаго изслѣдованія послѣдняго въ продолженіе извѣстнаго времени; но нельзя не замѣтить, что психіатры очень часто склонны понятіе психическаго разстройства расширять далеко за предѣлы того, что разумѣется подъ разстройствомъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова.

Для примѣра укажемъ на д-ра Лимана, который между прочимъ высказалъ свое мнѣніе о сумасшествіи нѣкоего Бонвена на томъ основаніи, что послѣдній, владѣя повидимому совершенно

---

[1]) Гризингеръ, стр. 86.

[2]) Архивъ суд. мед. 1871 г. № 2, стр. 38. По замѣчанію редакціи архива, «такое патологическое дѣйствіе производится между прочимъ и *преобладаніемъ классическаго образованія*» (?).

здравымъ умомъ, что ясно видно изъ его письменныхъ заявленій изложенныхъ не только складно, но даже въ весьма изящной и отчасти поэтической формѣ, испортилъ тѣмъ не менѣе свою карьеру изъ-за любви къ публичной женщинѣ [1]).

Точно также преувеличены отзывы Винслова объ умственномъ разстройствѣ извѣстныхъ историческихъ дѣятелей: еслибъ мы стали дѣлать подобные выводы исключительно на основаніи того или другаго характера дѣятельности или убѣжденій лица, то мы должны были бы придти къ весьма страннымъ заключеніямъ. Мы должны были бы признать психически-больными и слѣдовательно невмѣняемыми громадное большинство населенія; всѣ существующія въ народѣ и иногда крайне-нелѣпыя суевѣрія и предразсудки, составляющіе въ нѣкоторомъ родѣ неискоренимыя idées fixes, могли бы быть принимаемы за признаки умственнаго разстройства. Такіе выводы могутъ конечно навести на глубокія соображенія и бросаютъ, быть можетъ, свѣтъ на многія темныя и непонятныя стороны общественной жизни; но, очевидно, это уже дѣло психологовъ и публицистовъ, а нисколько не психіатровъ, которые должны основывать свои заключенія не на произвольныхъ обобщеніяхъ, а на строго-научномъ изслѣдованіи болѣзненныхъ явленій, находящихся въ связи съ состояніемъ мозга.

Но и эти болѣзненныя явленія и симптомы сами по себѣ не доказываютъ еще существованія умственнаго разстройства. Такъ напр. падучая болѣзнь, находящаяся обыкновенно въ связи съ нарушеніемъ психическихъ отправленій, иногда напротивъ того соединяется съ необыкновенной энергіей и способностью къ умственной работѣ; то-же самое слѣдуетъ сказать и относительно галлюцинацій и другихъ явленій, считающихся обыкновенно признаками помѣшательства. По справедливому замѣчанію Лимана хотя-бы и существовали въ данномъ случаѣ подобные симптомы, но in foro слѣдуетъ прежде всего доказать существованіе умственнаго разстройства и тогда уже приводить объясняющій его происхожденіе этіологическій моментъ, но никогда не слѣдуетъ дѣлать обратнаго заключенія, т. е. изъ существованія такихъ моментовъ, которые могутъ имѣть, или обыкновенно имѣютъ, слѣдствіемъ ум-

---

[1]) Сомнительныя душевныя состоянія предъ судомъ. Спб. 1871.

ственное разстройство, выводить, что это послѣдствіе непремѣнно должно имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ (стр. 110).

Другими словами, для того, чтобы въ данномъ случаѣ придти къ правильному заключенію, необходимо принять въ разсчетъ исключительно только состояніе умственныхъ способностей лица, не увлекаясь физіологическими признаками или симптомами психической болѣзни, ибо для юридической вмѣняемости требуется не физическое, а душевное здоровье: integritas mentis, non corporis sanitas exigenda est.

Но здѣсь опять-таки выступаетъ на первый планъ вопросъ: какимъ образомъ разграничить между собою психическія состоянія, которыя, какъ мы видѣли, по природѣ своей не допускаютъ вовсе подобныхъ разграниченій? Если для гражданской дѣеспособности необходимо присутствіе *здраваго ума*, то что слѣдуетъ понимать подъ послѣднимъ? Куда должны мы относить тѣ личныя особенности, странности и эксцентричности, которыя не имѣютъ ничего общаго ни съ здравымъ умомъ, ни съ душевными болѣзнями въ собственномъ смыслѣ? Однимъ словомъ, гдѣ у насъ норма здраваго ума?

Понятно, впрочемъ, что этотъ послѣдній вопросъ можетъ имѣть для юриста только общій, чисто-теоретическій, такъ сказать, философскій интересъ. Дѣло въ томъ, что вопросъ объ умственномъ разстройствѣ, составляя точку соприкосновенія юриспруденціи съ психіатріею, вноситъ свѣжій, живой духъ въ сухую, чисто-схоластическую сферу правовѣдѣнія; этотъ свѣжій духъ долженъ, по нашему мнѣнію, разорвать во многихъ существенныхъ частяхъ сотканную нѣмцами паутину философско-юридическихъ теорій,—паутину, которую нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ юристовъ желали-бы перенести цѣликомъ на нашу почву [1]). Куда дѣваются, предъ лицомъ психіатріи, тѣ утонченныя, метафизическія идеи о разумѣ и волѣ человѣка, которыя юристами-теоретиками, преимущественно нѣмецкими,

---

[1]) Ср. положеніе г. Побѣдоносцева: «Воля, *по существу своему*, свободна и безгранична (!), сама себя опредѣляетъ, сама собою управляется». (Курсъ гр. пр. ч. 2, стр. 455). Любопытно-бы знать, что разумѣетъ почтенный авторъ подъ «существомъ» воли; не «эссенцію»-ли средневѣковыхъ философовъ? Приведенному положенію г. Побѣдоносцева можно-бы противопоставить одно довольно мѣткое замѣчаніе Маудсли: «Когда человѣкъ бываетъ наиболѣе убѣжденъ въ томъ, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ съ полною свободою воли? Когда онъ бываетъ пьянъ, или помѣшанъ, или во снѣ».

кладутся въ основаніе теоретической юриспруденціи [1]). Вся эта метафизика улетучивается при первомъ прикосновеніи трезваго научнаго взгляда, не оставляя послѣ себя ничего, кромѣ пустой схоластической пыли.

Психіатрія, какъ мы видѣли выше, не разрѣшаетъ положительно выставленнаго нами вопроса или лучше сказать разрѣшаетъ его въ отрицательномъ смыслѣ. Къ несчастію, замѣчаетъ Винсловъ, у насъ нѣтъ никакой психической пробы, къ которой мы могли бы обращаться съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея несомнѣнности, когда представляются сомнительныя, темныя и запутанныя состоянія умственныхъ способностей для врачебнаго и юридическаго анализа [2]). Какъ же поступать въ подобныхъ случаяхъ? И къ какимъ юридическимъ послѣдствіямъ должно вести то обстоятельство, что во многихъ случаяхъ невозможно опредѣлить, гдѣ кончается психическое здоровье и гдѣ начинается разстройство?

Въ этомъ отношеніи юриспруденція, безъ сомнѣнія, должна держаться строго-положительной почвы, не допуская никакихъ, хотя-бы повидимому и основательныхъ, обобщеній и признавая доказаннымъ исключительно лишь то, что дѣйствительно не подлежитъ спору, не только съ спеціально-медицинской, но и съ обще-человѣческой практической точки зрѣнія.

---

[1]) Ср. напр. разсужденія знаменитаго Іеринга о субъективномъ элементѣ права, не сознаваемомъ самими современниками и раскрывающемся только предъ потомствомъ, которое одно лишь имѣетъ возможность раскрыть истинный *духъ* (?) дѣйствовавшаго когда-то права. (Jhering, Geist des römischen Rechts, Lpzg, 1866 1 Thl, § 3, стр. 35 и 45). Относительно-же занимающаго насъ спеціальнаго вопроса, не можемъ не указать на теоретическія соображенія Лассаля о вліяніи психическихъ болѣзней на завѣщательную способность (активную), основанныя на чисто-схоластической игрѣ словомъ *«воля»* (Ferdinand Lassalle, System der erworbenen Rechte, 1861, Bd. 1, S. 492 и сл.). Лассаль считаетъ «разумную волю» какимъ-то абсолютомъ, присутствіе или отсутствіе котораго прямо и легко рѣшаетъ вопросъ о силѣ того или другаго акта. Здѣсь особенно бросается въ глаза незнакомство даже лучшихъ теоретиковъ-юристовъ съ самыми элементарными понятіями о психическихъ отправленіяхъ человѣка. Вмѣсто того, чтобы держаться реальной почвы, юристы-философы все еще витаютъ въ заоблачныхъ сферахъ личныхъ, болѣе или менѣе произвольныхъ, умозрѣній.

[2]) Винсловъ, стр. 109.

Поэтому указанныя нами стороны разсматриваемаго вопроса, представляя большой интересъ въ теоретическомъ смыслѣ, не должны имѣть существеннаго значенія для юридической практики. Право, при своемъ чисто-практическомъ характерѣ, не можетъ брать на себя рѣшеніе такихъ задачъ, которыя не подъ силу и наукамъ естественнымъ; оно должно довольствоваться тѣмъ матеріаломъ и тѣми данными, какія могутъ быть представлены психіатріею, не упуская при этомъ изъ виду общихъ юридическихъ правилъ о доказательствахъ.

Юриспруденція и психіатрія имѣютъ совершенно различныя цѣли и потому не всегда могутъ быть согласны въ своихъ положеніяхъ. Первая изъ этихъ наукъ имѣетъ въ виду исключительно практическіе интересы, между тѣмъ какъ вторая преслѣдуетъ цѣли чисто научныя, не стѣсняясь никакими практическими тенденціями; поэтому то, что представляется психіатру весьма важнымъ, можетъ не имѣть никакого значенія для юриста.

Еслибъ съ точки зрѣнія психіатріи было несомнѣнно доказано, что въ данномъ случаѣ готовность заключить извѣстную сдѣлку вызвана какимъ-либо измѣненіемъ въ состояніи мозга, то это само по себѣ не могло-бы нисколько поколебать то юридическое начало, что сила договора основана на согласіи сторонъ. Юристъ имѣетъ дѣло не съ мыслями, какъ таковыми, и не съ физіологическимъ процессомъ мышленія, а съ дѣйствіями, воплотившими въ себѣ тѣ или другія мысли; правильны-ли послѣднія или нѣтъ, зависятъ-ли они отъ такого или иного состоянія мозга, — это въ сущности безразлично для права, лишь бы только сами дѣйствія соотвѣтствовали общимъ юридическимъ правиламъ и не указывали бы явно на какую-либо ненормальность выраженной въ нихъ воли.

Правовѣдѣніе не требуетъ и не можетъ требовать установленія нормы здраваго ума для пользованія юридическою правоспособностью; это между прочимъ положительно высказано въ прусскомъ законодательствѣ, по которому «при вмѣненіи свободныхъ дѣйствій законъ не принимаетъ въ разсчетъ личныхъ особенностей или умственныхъ силъ даннаго лица» [1]).

---

[1]) Pr. Allgem. Landrecht, Thl. I, Tit. 3. § 24.

Таково должно быть въ общихъ чертахъ отношеніе права къ психіатріи въ виду современнаго состоянія послѣдней.

Обобщенія и гипотезы, въ родѣ тѣхъ, какія приведены нами выше, равно какъ и всѣ вообще психіатрическія данныя, приводятъ неизбѣжно къ тому заключенію, что законъ и судебная практика должны относиться съ крайней осторожностью къ факту психическаго разстройства, не давая въ подобныхъ случаяхъ слѣпой вѣры мнѣніямъ экспертовъ и поставляя разрѣшеніе относящихся сюда юридическихъ вопросовъ въ исключительную зависимость отъ вѣскости и доказательности доводовъ, представленныхъ въ пользу существованія болѣзни въ моментъ совершенія спорнаго юридическаго дѣйствія. Природа душевныхъ болѣзней, на сколько она выяснилась въ новѣйшее время, не допускаетъ относительно дѣеспособности никакихъ вообще абсолютныхъ правилъ и общихъ ограниченій, хотя бы примѣненіе послѣднихъ зависѣло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ тщательнаго предварительнаго освидѣтельствованія; всякое подобное изслѣдованіе должно имѣть силу лишь для того періода времени, къ которому оно относится, и не можетъ простирать свое дѣйствіе на предшествующую или послѣдующую дѣеспособность изслѣдованнаго субъекта.

Всему этому, очевидно, совершенно противорѣчитъ система *интердикціи*, втискивающая въ грубыя общія формулы такія вещи, которыя по самой природѣ своей не поддаются безцеремоннымъ манипуляціямъ и требуютъ крайне-деликатнаго и осторожнаго обращенія.

Интердикція ставитъ рѣзкую границу тамъ, гдѣ подобная граница невозможна; вмѣсто тщательной индивидуализаціи, предписываемой психіатріею, она установляетъ неизмѣнныя рубрики, подъ которыя подводитъ всевозможные виды психическихъ болѣзней. При этой системѣ законъ берется однимъ общимъ правиломъ разрѣшить вопросъ, отъ разрѣшенія котораго въ принципѣ отказывается психіатрія: на мѣсто науки ставится тутъ сила закона.

Установленіе интердикціи для лицъ, признанныхъ умалишенными, повидимому облегчаетъ и даже совсѣмъ устраняетъ необходимость разрѣшенія вопроса о дѣеспособности послѣднихъ въ каждомъ данномъ случаѣ; стоитъ только справиться, подвергнуто-ли извѣстное лицо интердикціи или нѣтъ,—и дѣло съ концомъ. Это практическое удобство и выставляютъ на видъ приверженцы французской системы.

Но, во-первыхъ, едва-ли позволительно, въ видахъ облегченія судебной практики, придумывать искусственныя мѣры, чрезвычайно отяготительныя для цѣлыхъ категорій частныхъ лицъ; притомъ-же подобныя мѣры носятъ на себѣ уже какой-то, чуждый юриспруденціи, полицейскій оттѣнокъ. Во-вторыхъ, указанія на практическія удобства интердикціи рѣшительно опровергаются тѣмъ враждебнымъ отношеніемъ, въ какое стали къ этому институту французскіе юристы-практики. Лучшимъ-же доказательствомъ того, что для рѣшенія вопроса о дѣеспособности душевно-больныхъ нѣтъ никакой надобности въ установленіи общей интердикціи, и что вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшаемъ самими судьями по извѣстнымъ строго-юридическимъ началамъ безъ всякаго ущерба для прочности имущественнаго оборота,—можетъ служить примѣръ Англіи.

Англійскіе юристы весьма тонко подмѣтили и анализировали юридическую сущность вопроса о вліяніи психическихъ болѣзней на гражданскую дѣеспособность; они выработали даже особый чисто-юридическій взглядъ на значеніе и характеръ самихъ этихъ болѣзней.

Англійское право различаетъ, какъ мы видѣли, два главные вида умственнаго разстройства: природное безуміе или идіотизмъ (dementia naturalis, idiocy) и 2) сумасшествіе въ собственномъ смыслѣ (dementia adventitia or accidentalis, lunacy); кромѣ того встрѣчается еще законный терминъ «unsound mind» (non compos mentis), относящійся къ случаямъ временнаго разстройства умственныхъ способностей, неразвившагося еще до настоящаго умопомѣшательства и не подходящаго поэтому ни подъ одну изъ указанныхъ двухъ категорій [1]). Отъ точнѣйшаго разграниченія различныхъ душевныхъ состояній англійскіе юристы обыкновенно воздерживаются, считая такую работу и невыполнимой съ точки зрѣнія психіатріи и совершенно излишней въ виду того, что принятыя въ законѣ и практикѣ категоріи, и особенно послѣдняя изъ нихъ (unsoundness of mind, insanity), при своей общности и неопредѣленности, обнимаютъ собою уже всевозможные виды психическихъ болѣзней, такъ что судъ, пользуясь въ такого рода дѣлахъ неограниченной свободой, не нуждается нисколько въ какихъ-либо дальнѣйшихъ разграниченіяхъ и указаніяхъ;

---

[1]) *Taylor*, p. 835.

подобныя указанія могли бы только стѣснять и парализировать плодотворную дѣятельность судебной власти.

Вмѣстѣ съ тѣмъ англійскіе юристы весьма искусно обходятъ то капитальное затрудненіе, на которое указано нами выше, — именно невозможность проведенія точной границы между психическимъ здоровьемъ и разстройствомъ. А развѣ легче, спрашиваютъ они, провести границу между виновностью и невинностью? Множествомъ неуловимыхъ оттѣнковъ и ступеней виновность переплетается съ невинностью, подобно тому какъ болѣзнь неотдѣлима отъ здоровья. И однако развѣ это служитъ препятствіемъ къ законному разграниченію этихъ двухъ понятій? [1]).

И дѣйствительно, вникая глубже въ предметъ, нельзя не признать, что англійская теорія, требующая въ каждомъ частномъ случаѣ выясненія причинной связи между душевной болѣзнью и спорнымъ юридическимъ дѣйствіемъ и признающая послѣднее ничтожнымъ только при несомнѣнной наличности этой связи, дѣлаетъ совершенно нечувствительнымъ указанное выше затрудненіе. Общей, легальной границы здѣсь дѣйствительно нѣтъ, да и быть не можетъ; но за то подобная граница проводится довольно точно въ отдѣльныхъ случаяхъ, смотря по свойству подлежащихъ обсужденію юридическихъ актовъ и по самому характеру болѣзни.

VI.

Отдѣленіе института опеки отъ вопроса о дѣеспособности.—Поводы и послѣдствія смѣшенія.—Условный характеръ ограниченій, связанныхъ съ опекою.

Юридическія послѣдствія помѣшательства могутъ быть двоякаго рода: 1) учрежденіе *опеки* надъ имуществомъ и личностью больнаго, и 2) лишеніе его гражданской *дѣеспособности*.

Во всемъ предшествующемъ изложеніи мы старались по возможности разграничить эти двѣ различныя по существу своему мѣры, имѣя въ виду главнымъ образомъ послѣднюю; но эти мѣры такъ ча-

---

[1]) *Law Magazine*, 1872, № 6, p. 499.

сто смѣшиваются и закономъ, и практикою, что мы считаемъ необходимымъ войти въ этомъ отношеніи въ нѣкоторыя подробности.

Въ пользу того, весьма распространеннаго между цивилистами, мнѣнія, что обѣ упомянутыя мѣры какъ бы дополняютъ одна другую и составляютъ лишь двѣ неразрывно-связанныя между собою стороны одного и того же института, могутъ быть приведены два аргумента: во-первыхъ, всѣ современныя законодательства, не исключая и англійскаго, предписываютъ учрежденіе опеки не только надъ имѣніемъ, но и надъ личностью душевно-больнаго, и во-вторыхъ, взятіе имущества въ опеку безъ лишенія больнаго дѣеспособности не имѣло бы практическаго смысла.

Всматриваясь однако въ эти аргументы, не трудно замѣтить, что въ сущности они основаны лишь на недоразумѣніи. Дѣло въ томъ, что по поступленіи имущества въ опекунское управленіе доходы съ этого имущества должны между прочимъ идти на содержаніе и удовлетвореніе потребностей больнаго; понятно поэтому, что опека должна простираться и на личность послѣдняго, безъ чего она не могла бы выполнять лежащія на ней по отношенію къ подопечному обязанности. Что таково именно назначеніе опеки относительно личности душевно-больныхъ, видно лучше всего изъ постановленій англійскаго права по этому предмету [1]); во всякомъ случаѣ вопросъ о дѣеспособности тутъ ни причемъ. Что же касается второго аргумента, то не подлежитъ сомнѣнію, что относительно имущества, взятаго въ опеку, больной лишается права непосредственнаго управленія и распоряженія, чѣмъ и обезпечивается сохраненіе имущества въ цѣлости, такъ что и это обстоятельство собственно не имѣетъ отношенія къ вопросу о дѣеспособности вообще.

Связь учрежденія опеки съ потерей дѣеспособности есть чисто внѣшняя, случайная, имѣющая свое основаніе единственно только въ томъ, что обѣ эти мѣры вызываются одною и тою же причиною—умопомѣшательствомъ; но никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ смыслѣ наложенія опеки причина эта дѣйствуетъ совершенно иначе, чѣмъ на дѣеспособность.

Для отобранія имѣнія въ опеку достаточно только констатировать фактъ неспособности извѣстнаго лица къ правильному управ-

---

[1]) *Broom and Hadley*, v. III, p. 86.

ленію своимъ имуществомъ вслѣдствіе умственнаго разстройства, причемъ послѣднее имѣетъ здѣсь такое же общее, такъ сказать неопредѣленное значеніе, какъ напр. склонность къ расточительности, также вызывающая наложеніе опеки; [1]) поэтому и способъ доказательства и условія принятія означенной мѣры не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, какія требуются для рѣшенія вопроса о силѣ того или другаго частнаго акта, совершеннаго душевно-больнымъ.

Наложеніе опеки по самой сущности своей основано на *предположеніи*; мѣра эта принимается лишь въ виду предполагаемой, болѣе или менѣе вѣроятной возможности растраты имущества во вредъ роднымъ и близкимъ сумасшедшаго или расточителя. Выражаясь точнѣе, наложеніе опеки въ такихъ случаяхъ имѣетъ характеръ предупредительно-полицейскій; вопросъ-же о дѣеспособности лица есть вопросъ чисто-юридическаго свойства. Въ этомъ и состоитъ коренное различіе между опекой и лишеніемъ дѣеспособности,—различіе, игнорируемое обыкновенно и законодательствами и юристами, вслѣдствіе чего и происходитъ то *вторженіе полицейскаго элемента въ сферу гражданскаго права*, которое характеризуетъ въ этомъ отношеніи кодексы французскій, итальянскій и нѣмецкіе.

Отграничивъ такимъ образомъ вопросъ о дѣеспособности душевно-больныхъ отъ института опеки, мы считаемъ уже лишнимъ прибавить, что указанное нами различіе необходимо всегда имѣть въ виду при юридической оцѣнкѣ умственнаго разстройства и что

---

[1]) Сопоставляя расточительность съ сумасшествіемъ, необходимо имѣть въ виду, что мотивъ учрежденія опеки въ сущности не совсѣмъ одинаковъ въ обоихъ случаяхъ: умалишенный устраняется отъ управленія своимъ имуществомъ по недостатку одного изъ существенно-необходимыхъ для этого условій, а расточитель потому, что онъ пользуется своими правами во-зло, въ ущербъ своимъ семейнымъ и гражданскимъ обязанностямъ; для послѣдняго опека есть средство ограничить проявленіе его порочныхъ наклонностей и поставить предѣлъ его юридической дѣятельности, оказавшейся вредною, тогда какъ относительно душевнобольнаго необходимость опеки вызывается естественною причиною, независимою ни отъ воли и склонностей подопечнаго, ни отъ того, хорошо-ли или дурно управляетъ онъ своими дѣлами. Поэтому-то римское право напр. подчиняетъ расточителей общей интердикціи, между тѣмъ какъ умалишенные, состоящіе подъ опекою, только фактически предполагаются недѣеспособными. Замѣтимъ еще, что умопомѣшательство, быть можетъ, столь-же часто ведетъ къ неумѣренной скупости, какъ и къ расточительности: скупость въ родѣ Плюшкинской есть тоже своего рода душевная болѣзнь.

всякое смѣшеніе этихъ разнородныхъ по существу своему вещей составляетъ само по себѣ абсурдъ съ юридической точки зрѣнія.

Къ какимъ практическимъ результатамъ ведетъ подобное смѣшеніе, можно видѣть между прочимъ изъ того, что опека налагается обыкновенно только при наличности какого-либо имущества, принадлежащаго сумасшедшему; если съ опекой соединяется и полная интердикція, то выходитъ, что изъ всей массы душевно-больныхъ лишены дѣеспособности только тѣ, которые имѣютъ за собою какое-либо имущество, преимущественно недвижимое. Такой порядокъ вещей дѣйствительно и существуетъ въ тѣхъ государствахъ, которыя держатся французской системы. На чемъ же, спрашивается, основана эта привиллегія неимущихъ больныхъ? Неужели то, въ сущности совершенно постороннее, обстоятельство, что за лицомъ числится извѣстное имущество, должно оказывать такое рѣшительное вліяніе на силу заключенныхъ этимъ лицомъ сдѣлокъ и актовъ? Отвѣчать на эти вопросы конечно не трудно; но мы ставимъ ихъ только потому, что они какъ нельзя рѣзче освѣщаютъ юридическія достоинства отвергаемой нами теоріи.

Между прочимъ во французской практикѣ неоднократно возбуждался вопросъ: можетъ-ли помѣшательство на одномъ пунктѣ служить достаточнымъ основаніемъ для наложенія интердикціи? По мнѣнію Демоломба, вопросъ этотъ слѣдуетъ рѣшить отрицательно, между тѣмъ какъ медики держатся большею частью противоположнаго взгляда [1]). Вопросъ этотъ, конечно, весьма важенъ въ виду тѣхъ тяжелыхъ юридическихъ послѣдствій, которыя влечетъ за собою интердикція по Наполеонову кодексу; съ нашей-же точки зрѣнія онъ рѣшается гораздо проще и вѣрнѣе, такъ какъ, отдѣляя вопросъ о дѣеспособности отъ института опеки, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ возможность наложенія опеки, какъ предупредительно-полицейской мѣры, и въ такихъ случаяхъ, когда о безусловномъ лишеніи дѣеспособности не должно быть и рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится понятнымъ, что въ дѣлахъ объ опекѣ надъ душевно-больными иниціатива можетъ и должна принадлежать правительственнымъ органамъ (напр. прокурорской власти), между тѣмъ какъ въ вопросѣ

---

[1]) *Demolombe*, t. VIII, p. 315.

о юридической дѣеспособности частныхъ лицъ, хотя бы и помѣшанныхъ, власть должна оставаться вполнѣ нейтральной.

Само собою разумѣется, что учрежденіе опеки надъ умалишеннымъ не можетъ не быть связаннымъ съ нѣкоторыми юридическими ограниченіями для подопечнаго; но эти ограниченія не должны заключать въ себѣ ничего безусловнаго и должны всегда уступать предъ дѣйствительностью. Такъ, съ опекою при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть соединяемо предположеніе неправоспособности, — предположеніе, вслѣдствіе котораго, въ случаѣ спора о силѣ какого-либо дѣйствія сумасшедшаго, бремя доказательствъ (onus probandi) лежитъ на томъ, кто на такомъ дѣйствіи основываетъ свое право.

VIII.

Три элемента въ вопросѣ о недѣйствительности актовъ, совершенныхъ душевно-больными. — Необходимость причинной связи между помѣшательствомъ и спорнымъ дѣйствіемъ. — Требованіе здраваго ума относительно актовъ дарственныхъ и завѣщательныхъ. — Сомнительность предсмертныхъ распоряженій.

Всякій споръ о недѣйствительности акта, выданнаго душевнобольнымъ, предполагаетъ необходимо три элемента: 1) фактъ помѣшательства даннаго лица, 2) совершеніе въ этомъ состояніи спорнаго акта и 3) причинную связь между обоими этими фактами. Третій членъ обыкновенно предполагается самъ собою при совпаденіи момента разстройства съ моментомъ заключенія сдѣлки, такъ-что для уничтоженія послѣдней требуется только доказать, что актъ совершенъ въ то именно время, когда лицо страдало помѣшательствомъ. Но къ такому взгляду слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью.

Для примѣра приведемъ слѣдующій случай. Дѣвушка, вообще совершенно здоровая и не обнаруживавшая ни въ разговорахъ, ни въ дѣйствіяхъ своихъ, никакихъ признаковъ психической болѣзни, тотчасъ-же оказывалась помѣшанной, чуть только ей задавали вопросъ о происхожденіи ея: она начинала длинный разсказъ о томъ, что она изъ фамиліи Маріи Стюартъ и Генриха IV, что это скрывается

по секретнымъ соображеніямъ и т. п. [1]). Такого рода помѣшательство (частное) исключаетъ, собственно говоря, существованіе свѣтлыхъ промежутковъ: фактъ разстройства находится на лицо въ каждый данный моментъ времени, хотя и выступаетъ наружу лишь вслѣдствіе возбужденія со стороны. Предположимъ теперь, что упомянутая дѣвушка за лючила какую-нибудь обыкновенную сдѣлку, напр. по предмету найма или купли-продажи: можно-ли считать подобныя дѣйствія безусловно недѣйствительными? Очевидно,—нѣтъ, не смотря на наличность двухъ изъ указанныхъ нами трехъ элементовъ. Въ такихъ случаяхъ является необходимость выяснить связь помѣшательства съ спорнымъ юридическимъ дѣйствіемъ. Если такой связи не оказывается, тогда дѣйствія сохраняютъ свою силу; связь эта выступила-бы напр. въ томъ случаѣ, когда та-же дѣвушка дѣлала-бы какія-либо распоряженія, соотвѣтственныя ея мнимому происхожденію.

Руководящимъ началомъ при обсужденіи всѣхъ такого рода случаевъ должно служить то соображеніе, что психическое разстройство имѣетъ юридическое значеніе единственно только по своему пертурбаціонному вліянію на волю и согласіе лицъ, вступающихъ между собою въ сдѣлки. Гдѣ такого вліянія не видно, тамъ душевная болѣзнь не существуетъ для юриста. Съ этой точки зрѣнія представляется весьма важнымъ различіе общаго помѣшательства отъ частнаго: первое по характеру своему предполагается имѣющимъ неразрывную связь со всѣми вообще дѣйствіями одержимаго имъ лица, между тѣмъ какъ относительно втораго необходимо установленіе этой связи въ каждомъ частномъ случаѣ [2]).

---

[1]) Annales d'hygiène publique et de médecine légale, 1872, janvier, p. 151.

[2]) Замѣтимъ, что и здѣсь, какъ въ предыдущемъ изложеніи, мы не говоримъ о природномъ безуміи, которое вообще не можетъ подавать повода ни къ какимъ сомнѣніямъ или спорамъ и которое одно только удовлетворяетъ условіямъ полной интердикціи.

Относительно терминовъ, употребляемыхъ современными кодексами для обозначенія душевныхъ болѣзней, легко усмотрѣть существенное различіе между старыми уложеніями и новѣйшими. Такъ, кодексы французскій и прусскій различаютъ нѣсколько точно-опредѣленныхъ категорій умалишенныхъ; въ уложеніи австрійскомъ замѣтно отчасти преобладаніе болѣе общихъ, отрицательныхъ признаковъ (§ 21). Наконецъ, въ саксонскомъ кодексѣ о помѣшательствѣ говорится ужъ исключительно съ отрицательной стороны, въ смыслѣ потери или поврежденія раз-

Въ частности, по отношенію къ различнымъ юридическимъ дѣйствіямъ, психическія условія вліяютъ на дѣеспособность далеко не въ одинаковой степени и должны имѣть поэтому и неодинаковыя юридическія послѣдствія. Мы видѣли, что почти всѣ европейскія законодательства выдѣляютъ *предсмертныя распоряженія* изъ круга другихъ актовъ и подчиняютъ завѣщательную способность спеціальнымъ правиламъ, облегчающимъ оспариваніе завѣщаній въ случаѣ ненормальности умственнаго состоянія завѣщателей.

Отъ послѣднихъ требуется не только отрицательное условіе — отсутствіе психической болѣзни, но и положительное — наличность здраваго ума. Это послѣднее условіе, очевидно, гораздо ши эластичнѣе перваго: извѣстное лицо можетъ въ данное время не обладать здравымъ разсудкомъ, не страдая нисколько и умопомѣшательствомъ. Граница, отдѣляющая умственное разстройство отъ полнаго психическаго здоровья, оказывается тутъ отодвинутой нѣсколько отъ области болѣзни и захватываетъ уже область нормальнаго душевнаго состоянія; спорщикъ обязанъ здѣсь доказать не существованіе какой-либо опредѣленной душевной болѣзни, а лишь то обстоятельство, что при составленіи завѣщанія лицо находилось не въ полномъ обладаніи своими умственными силами, вслѣдствіе болѣзни или другихъ причинъ. Понятно, что положеніе спорщика въ такихъ случаяхъ несравненно благопріятнѣе, чѣмъ при оспариваніи какихъ-либо другихъ актовъ.

Вообще къ предсмертнымъ распоряженіямъ, а также ко всякаго рода дарственнымъ актамъ, законодательства относятся обыкновенно съ замѣтной осторожностью и даже недовѣрчивостью, — что объясняется конечно самимъ характеромъ этихъ актовъ, какъ мы имѣли случай замѣтить между прочимъ при разсмотрѣніи относящихся къ этому предмету постановленій римскаго права. По справедливому замѣчанію Демоломба, «договоры онерозные (т. е. съ болѣе

судка (§ 81, § 1981 и др.), причемъ всѣ вообще психически-больные обозначаются однимъ общимъ терминомъ «лишенные употребленія ума» («des Vernunftgebrauchs-beraubte»). Введеніе такой отрицательной терминологіи, вмѣсто прежней положительной, объясняется вліяніемъ психіатріи. Извѣстно, что попытки прежнихъ психіатровъ, напр. Пинеля, Эскироля и др., привести всѣ существующія душевныя болѣзни къ извѣстнымъ основнымъ типамъ, признаны въ настоящее время несоотвѣтствующими характеру психическаго разстройства, и новѣйшіе ученые не придаютъ значенія подобнымъ попыткамъ.

или менѣе равномѣрнымъ распредѣленіемъ правъ и обязанностей между обоими контрагентами) составляютъ въ сущности лишь мѣновыя сдѣлки, тогда какъ другіе односторонніе акты лишаютъ выдавшее ихъ лицо имущества безъ полученія эквивалента; при заключеніи перваго рода сдѣлокъ контрагенты хлопочутъ только объ избѣжаніи убытка (certant de damno vitando), между тѣмъ какъ лица одаряемыя и легатаріи стараются о полученіи даровой имущественной выгоды (certant de lucro captando). Далѣе, обыкновенные двухсторонніе акты, въ родѣ купли-продажи, найма, раздѣла и т. п., необходимы во всякомъ обществѣ и должны быть гарантированы отъ всякихъ колебаній и случайностей: отъ этого зависитъ прочность имущественнаго оборота. Другое дѣло — акты дарственные и завѣщательные; они не только не вызываются необходимостью, но даже нарушаютъ обычный ходъ юридической жизни, почему и нуждаются въ каждомъ случаѣ въ особомъ оправданіи и должны вообще подлежать болѣе строгимъ правиламъ сравнительно съ другими юридическими актами [1]..

Отъ этихъ началъ отступаетъ только англійское право, которое не дѣлаетъ относительно завѣщаній никакихъ изъятій, и на практикѣ принципъ завѣщательной свободы доходитъ въ Англіи нерѣдко до утрировки. Такъ, нѣкто сдѣлалъ распоряженіе не только относительно своего имущества, но и относительно различныхъ частей своего тѣла: все имѣніе свое завѣщалъ домохозяину, а части тѣла различнымъ лицамъ. Завѣщаніе, не смотря на заявленный противъ него споръ, было утверждено судомъ, хотя въ самомъ актѣ имѣлись слѣды ненормальности психическаго состоянія завѣщателя. Въ другомъ случаѣ, завѣщатель, во время составленія завѣщанія, потерялъ рѣчь вслѣдствіе апоплексическаго удара и слѣдовательно не имѣлъ уже возможности выразить свою волю; однако завѣщаніе, написанное при такихъ условіяхъ, признано было дѣйствительнымъ [2]. Въ Англіи постоянно утверждаются предсмертныя распоряженія чрезвычайно эксцентричныя и странныя по своему содержанію, и признаются ничтожными только при явной нелѣпости или невыполнимости ихъ (напр. нѣкто назначилъ наслѣдникомъ самого себя). Та-

---

[1]) *Demolombe*, p. 469.

[2]) *Taylor*, pp. 870 *sq.*

кое отношеніе англійскаго права къ завѣщаніямъ представляется вполнѣ естественнымъ при существующей въ Англіи безусловной свободѣ и неприкосновенности частной дѣятельности гражданъ; къ тому же, при свойственной вообще англичанамъ эксцентричности, и завѣщанія эксцентричныя кажутся имъ весьма обыкновенными и не обращаютъ на себя особеннаго вниманія. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ отношеніи англійское право не можетъ служить примѣромъ для другихъ законодательствъ, которыя въ виду приведенныхъ выше соображеній должны руководствоваться началами римской юриспруденціи.

Наибольшія сомнѣнія возбуждаются завѣщаніями, составленными in extremis т. е. уже въ послѣднія минуты жизни завѣщателя; относительно такихъ завѣщаній слѣдовало-бы всегда держаться предположенія, что они составлены не въ здравомъ умѣ. Положеніе человѣка, чувствующаго приближеніе своей смерти, уже само по себѣ не можетъ быть нормальнымъ; находясь подъ непреодолимымъ давленіемъ самыхъ тяжелыхъ чувствъ и мыслей, онъ не можетъ сохранить въ надлежащей мѣрѣ способность къ совершенію серьезныхъ юридическихъ дѣйствій. Къ тяжкому психическому состоянію присоединяется въ этомъ случаѣ и болѣзненное разслабленіе физическихъ силъ, предшествующее обыкновенно предсмертной агоніи; завѣщаніе, составленное въ такія минуты, хотя-бы повидимому при полномъ сознаніи, не можетъ не вызывать значительныхъ сомнѣній. Случаи такого рода не предусмотрѣны однако, насколько намъ извѣстно, ни въ одномъ изъ европейскихъ кодексовъ, хотя судебная практика можетъ, конечно, имѣть въ виду указанныя особенности предсмертныхъ распоряженій и сообразно съ этимъ допускать нѣкоторыя облегченія при оспариваніи завѣщаній, составленныхъ in extremis.

IX.

Возможныя возраженія противъ юридической теоріи, отдѣляющей частное помѣшательство отъ общаго. — Различіе между взглядами врачей и юристовъ. — Медицинскія обобщенія, необязательныя для правовѣдѣнія и судебной практики. — Ложныя и безумныя идеи у людей здоровыхъ. — Строгое отдѣленіе юридической точки зрѣнія отъ медицинской. — Примѣръ вліянія сумасшествія на дѣйствія здороваго человѣка. — Свободное убѣжденіе судей при оцѣнкѣ идей ложныхъ и безумныхъ. — Примѣры изъ англійской практики.

Мы объяснили между прочимъ, что въ случаяхъ частнаго помѣшательства необходимо при оцѣнкѣ дѣйствій больнаго обращать вниманіе на отношеніе послѣднихъ къ предмету умопомѣшательства.

Противъ этого требованія можно съ медицинской точки зрѣнія выставить два возраженія.

Во-первыхъ, такъ назыв. помѣшательство на одномъ пунктѣ есть въ сущности ничто иное, какъ общая душевная болѣзнь, выражающаяся въ извѣстной частной формѣ. Психическія отправленія не составляютъ отдѣльныхъ, разграниченныхъ между собою и независимыхъ одна отъ другой, областей; напротивъ, всѣ они находятся въ неразрывной связи между собою, такъ-что разстройство одной какой-либо группы отправленій необходимо отражается на остальныхъ.

Во-вторыхъ, выясненіе связи спорнаго дѣйствія съ предметомъ помѣшательства является во многихъ случаяхъ совершенно невозможнымъ. «Развѣ можно»,—спрашиваетъ авторъ одной весьма дѣльной статьи о невмѣняемости — «чтобы здоровый умъ, зная одно только желаніе совершить извѣстное дѣйствіе, могъ въ обратномъ направленіи пробѣжать всѣ тѣ ложные пути мышленія, чрезъ которые проходилъ умалишенный, и добраться по нимъ до ложныхъ представленій, служившихъ ему исходной точкой. Какъ искать и добиваться логической связи между мыслями, которыхъ самая характеристическая черта именно и состоитъ въ безсвязности? Требовать отъ врача, чтобы онъ въ каждомъ подобномъ случаѣ указалъ на

всю цѣпь умственныхъ процессовъ, совершившихся въ головѣ умалишенныхъ, — значитъ требовать отъ него, чтобы онъ былъ еще геніальнѣе Шекспира или Поэ, или чтобы онъ мыслилъ такъ же ненормально, какъ и самъ умалишенный» [1]).

Не трудно, однако, доказать, что эти и подобныя имъ соображенія не могутъ считаться вѣскими въ юридическомъ смыслѣ и не должны быть принимаемы въ разсчетъ при разсмотрѣніи общаго вопроса о вліяніи различныхъ психическихъ ненормальностей на дѣеспособность страждущихъ ими субъектовъ.

Бываютъ, конечно, случаи, когда состояніе лица, одержимаго какими-либо безумными идеями, не вызываетъ никакихъ сомнѣній и когда о способности такого лица къ совершенію юридическихъ дѣйствій не можетъ быть и рѣчи; но эти случаи обыкновенно подходятъ уже подъ понятіе общаго помѣшательства, къ которому высказанныя нами замѣчанія не относятся.

Говоря о частномъ помѣшательствѣ, мы имѣемъ въ виду преимущественно тѣ случаи, когда заключеніе о психической болѣзни лица основано на существованіи у него ложныхъ идей, причемъ внѣ этихъ идей не замѣчается ни въ поведеніи, ни въ образѣ мыслей субъекта никакихъ ненормальныхъ особенностей, которыя давали бы право считать его вообще помѣшаннымъ. Многіе психіатры разсуждаютъ объ этой формѣ психическаго разстройства такимъ образомъ, какъ будто между ложными идеями сумасшедшихъ и заблужденіями людей здоровыхъ не существуетъ принципіальнаго различія. Намъ кажется, что, какъ психологи, они правы, но, какъ медики, они несомнѣнно ошибаются.

Душевной болѣзнью въ медицинскомъ смыслѣ можетъ считаться только патологическое разстройство мозга, обнаруживающееся извѣстными внѣшними признаками и сопровождающееся между прочимъ нарушеніемъ психическихъ отправленій; только на эту область болѣзненныхъ явленій распространяется компетентность медика-психіатра. Для медика психическое разстройство означаетъ собою болѣзнь мозга; гдѣ мозгъ вполнѣ здоровъ и дѣйствуетъ нормально, тамъ душевная болѣзнь для него немыслима, каковы бы ни были особенности умственной жизни субъекта.

---

[1]) «Суд. Вѣстникъ» 1869, № 76, см. также № 71 и 86.

Совершенно иначе относится къ дѣлу психологъ; ему, напротивъ того, нѣтъ вовсе дѣла до состоянія мозга, и все вниманіе свое онъ обращаетъ на внѣшнія проявленія и результаты психической дѣятельности.

Медикъ смотритъ дальше и глубже психолога; не останавливаясь на видимомъ характерѣ психическихъ процессовъ, онъ сквозь эту нерѣдко обманчивую оболочку, старается проникнуть до самаго источника ихъ — до органа мысли — мозга, чтобы по имѣющимся на лицо симптомамъ разгадать состояніе послѣдняго.

Этимъ объясняется то различіе взглядовъ, которое, какъ указано нами выше, неизбѣжно существуетъ въ этомъ отношеніи между медикомъ и юристомъ. Гдѣ юристъ, стоящій, разумѣется, на психологической почвѣ, ничего не замѣчаетъ, тамъ психіатръ можетъ видѣть, или, по крайней мѣрѣ, предполагать возможность мозговаго разстройства; и наоборотъ, юристъ можетъ относиться подозрительно къ тому, что съ медицинской точки зрѣнія не имѣетъ ничего рѣшительно общаго съ душевной болѣзнью.

Отсюда, съ одной стороны, тѣ видимыя преувеличенія, въ которыя нерѣдко впадаютъ медики въ своихъ разсужденіяхъ объ умственномъ разстройствѣ; съ другой стороны, отсюда-же происходитъ склонность юристовъ и вообще психологовъ смѣшивать съ явленіями психическихъ болѣзней личныя особенности и ложныя идеи людей вполнѣ здоровыхъ. Если перваго рода преувеличенія вполнѣ понятны со стороны медиковъ, то преувеличенія втораго рода приличны только юристамъ и психологамъ, а нисколько не медикамъ, которые на подобные обобщающіе взгляды должны смотрѣть какъ на ученую ересь. Поэтому мы и говоримъ, что психіатры не вправѣ распространять понятіе частнаго помѣшательства на однородныя-же явленія у людей съ здоровымъ мозгомъ, тогда какъ съ психологической точки зрѣнія такія обобщенія представляются, напротивъ того, вполнѣ возможными и законными.

Чтобы точнѣе объяснить нашу мысль, мы должны еще остановиться нѣсколько на мнѣніяхъ, высказываемыхъ по этому предмету нѣкоторыми писателями по психіатріи.

«Мы должны», говоритъ Морель, «убѣдить судей, что и поступки людей, повидимому вполнѣ разсудительныхъ, нерѣдко служатъ признакомъ ихъ умственнаго разстройства; есть умалишенные, обладающіе остротою памяти; другіе могутъ вести разумный разговоръ,

какъ здоровые, такъ-что, какъ уже Павелъ Закхіасъ замѣтилъ, ихъ сумасшествіе обнаруживается болѣе въ поступкахъ, чѣмъ въ словахъ» [1]). По словамъ Крафтъ-Эбинга, «есть такіе люди, которые страдаютъ только психическою угнетенностью, безъ безумныхъ представленій, и повидимому вполнѣ обладаютъ умственными способностями, но здоровье которыхъ потрясено гораздо глубже, чѣмъ полагаютъ судьи и врачи: они гораздо опаснѣе, какъ для себя, такъ и для общества, чѣмъ явно помѣшанные, которыхъ отличитъ каждый профанъ» [2]).

Оба эти ученые, указывая на случаи скрытаго психическаго разстройства, незамѣтные для профановъ, правы, безъ сомнѣнія, какъ медики; но они ошибаются, полагая, что ихъ спеціально-медицинская точка зрѣнія обязательна и для юристовъ.

Гризингеръ, конечно, правъ, предлагая совершенно выбросить введенный Пинелемъ терминъ—«mania sine delirio», какъ «вызывающій только пустое любопытство юристовъ и другихъ профановъ» [3]); но не менѣе правы будутъ и юристы, если они не согласятся въ обозначаемыхъ этимъ терминомъ явленіяхъ видѣть душевную болѣзнь, безусловно исключающую вмѣненіе. Точно также научно-основательны, безъ сомнѣнія, указанія Гризингера на характеристическія особенности умственнаго разстройства, не позволяющія смѣшивать его проявленія съ странностями, замѣчаемыми нерѣдко у людей умственно здоровыхъ,—хотя эти указанія, которыхъ не вправѣ игнорировать медикъ, могутъ быть во многихъ случаяхъ безъ ущерба игнорируемы юристомъ.

«Всѣ ложныя сужденія психически-больныхъ», говоритъ Гризингеръ, «относятся всегда къ самому больному или по крайней мѣрѣ всегда выработались изъ ложныхъ идей, относящихся къ нему; этимъ онѣ если не совершенно, то *большею частью* отличаются отъ ошибокъ здоровыхъ людей. Больной можетъ, напр., считать всѣхъ евреевъ проклятыми, но только потому, что, по его мнѣнію, они *ему* повредили, или потому, что *онъ* наложилъ на нихъ это наказаніе; онъ можетъ вѣрить въ существованіе моста, идущаго отъ земли на луну,

---

[1]) Traité de médecine légale des aliénés, Paris 1866.

[2]) Болѣзненныя настр. души, М. 1866; ср. Лиманъ, сомнит. душ. сост., стр. 4 и сл.; Винсловъ, стр. 125 и сл.

[3]) Гризингеръ, стр. 353.

но только потому, что *онъ* хотѣлъ пройти по этому мосту, или что *онъ*, построивъ его, хочетъ доказать свою творящую силу и т п.» (стр. 84).

Представимъ себѣ двухъ субъектовъ, изъ которыхъ одинъ утверждаетъ, напр., что евреи прокляты Богомъ и что въ нихъ живетъ нечистая сила, а другой,—что противъ *него* именно евреи всего міра строятъ козни (случай, бывшій, кажется, съ композиторомъ Рихардомъ Вагнеромъ). Въ глазахъ психіатра первый изъ этихъ субъектовъ, при отсутствіи другихъ ненормальностей, будетъ человѣкъ здоровый, а второй—помѣшанный; для юриста-же и вообще для психолога оба они должны считаться находящимися въ вполнѣ одинаковыхъ условіяхъ, такъ какъ характеръ и вліяніе ложной идеи нисколько не измѣняются отъ разницы въ способѣ ея происхожденія.

«Безумныя представленія больныхъ», продолжаетъ Гризингеръ, «отличаются отъ ошибочныхъ воззрѣній здоровыхъ не только этимъ отношеніемъ ихъ къ самому больному, но еще многими другими существенными особенностями. Они всегда находятся въ связи съ разстройствомъ всей совокупности психическихъ процессовъ (съ волненіями, безсвязностью и т. п.), или выходя изъ подобнаго состоянія или производя ихъ какъ послѣдствія; они *часто* совершенно противорѣчатъ всѣмъ прежнимъ воззрѣніямъ больнаго, который не можетъ произвольно освободиться отъ нихъ; напротивъ того, они противустоятъ свидѣтельству чувствъ и разсудка, повѣркѣ и доказательствамъ, и слѣдовательно относятся совершенно иначе къ душѣ и волѣ; они происходятъ отъ разстройства мозга, которое *очень часто* проявляется и въ другихъ нервныхъ симптомахъ. Отсюда видно, какъ *поверхностно* и въ сущности ложно сравнивать заблужденія и «безумія» цѣлыхъ историческихъ эпохъ (напр. вѣры въ вѣдьмъ, колдуновъ и т. п.) съ психическими болѣзнями». Между тѣмъ подобную поверхностность, какъ мы видѣли, обнаруживаютъ такіе психіатры, какъ Винсловъ, Сольбригъ и др., такъ что повидимому далеко не всѣмъ ученымъ она представляется поверхностностью и притомъ ложною. «Когда мозгъ здоровъ», говорится въ другомъ мѣстѣ,—«всегда возможны еще противоположныя представленія, сомнѣніе, шаткость. Но помѣшанный, не смотря на то, что онъ не находится болѣе въ состояніи волненія, которое въ началѣ не позволяло ему убѣдиться въ нелѣпости своихъ безумныхъ идей, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ случахъ онъ даже вѣрно разсуждаетъ, не въ состояніи

уже подвергнуть сомнѣнію свои безумныя идеи. Теченіе нелѣпыхъ идей не нарушается съ этихъ поръ уже ничѣмъ, потому что ничего болѣе не противополагается имъ, нѣтъ болѣе никакого внутренняго противорѣчія, а это, *какъ мнѣ кажется*, зависитъ сколько отъ общаго разслабленія прежней степени разсудка, такъ и отъ угасанія цѣлыхъ рядовъ разумныхъ представленій» (стр. 378).

Извѣстно, однако, что не у однихъ больныхъ субъектовъ существуетъ idées fixes, относительно которыхъ невозможны уже никакія сомнѣнія или колебанія. Весьма многіе, повидимому вполнѣ нормальные люди, имѣютъ такія-же идеи, не поддающіяся никакимъ, хотя бы самымъ очевиднымъ, доводамъ разсудка; эти идеи чаще всего касаются предметовъ религіознаго и отчасти политическаго характера.

Поразительная легкость и вмѣстѣ съ тѣмъ упорство, съ какими распространяются и поддерживаются самыя нелѣпыя суевѣрія, показываютъ съ достаточной наглядностью, что каждому человѣку присуща въ большей или меньшей мѣрѣ склонность увлекаться ложными идеями, которыя при извѣстныхъ условіяхъ совершенно овладѣваютъ имъ, исключая уже всякую возможность противорѣчія или сомнѣнія. Припомнимъ паломническіе подвиги и фанатическія выходки французскихъ клерикаловъ при министерствѣ Брольи (въ 1873 г.), нѣкоторые члены котораго сдѣлали изъ идеи «нравственнаго порядка» настоящій пунктъ помѣшательства; припомнимъ изувѣрства нашихъ сектантовъ-фанатиковъ, не останавливающихся ни предъ чѣмъ въ видахъ спасенія душъ своихъ. Припомнимъ фактъ, случившійся, если не ошибаемся, въ Костромской губерніи: при открытіи желѣзной дороги толпа крестьянъ вышла, съ образами въ рукахъ и молитвами на устахъ, на встрѣчу поѣзду, чтобы остановить его, какъ проявленіе нечистой силы. Мы утверждаемъ, что всѣ подобныя ложныя идеи, какъ ни различны онѣ для психіатра, вполнѣ одинаковы въ психологическомъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, по отношенію къ тѣмъ видамъ умственнаго разстройства, которые извѣстны подъ названіемъ частнаго помѣшательства, folie raisonnante, mania sine delirio etc., слѣдуетъ отличать точку зрѣнія медицинскую отъ психологической; поэтому интересующій насъ вопросъ сводится къ тому: какой изъ этихъ двухъ точекъ зрѣнія долженъ придерживаться юристъ при разрѣшеніи вопроса о вліяніи психической болѣзни на юридическую дѣеспособность лица?

Послѣ того, что сказано нами выше объ отношеніи психіатріи къ юриспруденціи, отвѣтъ на этотъ вопросъ разумѣется уже самъ собою.

Фактъ душевнаго разстройства важенъ для юриста не самъ по себѣ, а только какъ причина, исключающая, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣеспособность и вмѣняемость, причемъ одинаковое съ этимъ фактомъ значеніе имѣетъ вообще все то, что нарушаетъ разумную сознательность и свободу воли.

Всякій человѣкъ, достигшій совершеннолѣтія, считается вполнѣ способнымъ къ совершенію юридическихъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока противное не будетъ несомнѣнно доказано; а чтобы доказать противное, недостаточно еще констатировать фактъ психической болѣзни лица, если изъ этого факта не вытекаетъ съ достаточной очевидностью неспособность къ сознательной дѣятельности.

Съ другой стороны, всякая idée fixe, каковы бы ни были ея происхожденіе и характеръ, можетъ вліять на юридическую дѣеспособность субъекта, независимо отъ того, слѣдуетъ ли послѣдняго считать больнымъ или здоровымъ въ медицинскомъ смыслѣ.

Психіатры сами сознаются, что область психическихъ отправленій есть для нихъ отчасти еще совершенная terra incognita, допускающая самыя разнообразныя гипотезы и догадки; поэтому они и не вправѣ ожидать, чтобы юристы принимали на вѣру ихъ предположенія и чтобы послѣдними руководствовалась судебная практика.

Если же, какъ указываетъ авторъ цитированной выше статьи «Судебнаго Вѣстника», выясненіе связи предмета помѣшательства или безумной идеи съ содержаніемъ спорной сдѣлки представляется во многихъ случаяхъ невозможнымъ, то это нисколько еще не обязываетъ насъ принимать эту связь за доказанную въ этихъ затруднительныхъ для спорщика случаяхъ; невозможность доказать существованіе связи говоритъ всегда въ пользу того, что этой связи не существуетъ, такъ какъ onus probandi лежитъ на спорщикѣ.

Въ заключеніе, для болѣе нагляднаго подтвержденія нашей теоріи, приведемъ еще одинъ примѣръ.

«Умалишеннымъ», по словамъ Гризингера, «чрезвычайно часто слышатся голоса съ неба, которые то требуютъ принесенія въ жертву человѣка, то возлагаютъ на бѣднаго безумнаго роль мессіи; содержаніе ихъ измѣняется со степенью образованности, и многое зависитъ здѣсь отъ того, придерживался-ли человѣкъ прежде болѣе

апокалипсиса или Уранiи Тидге, Байроновскихъ идеаловъ или новѣйшихъ «медiумовъ». Въ нашемъ вѣкѣ вообще мало вѣрятъ въ дѣйствительность болѣзненныхъ видѣній, но однако еще въ 1816 г. въ Парижѣ одинъ галлюцинированный былъ принятъ не только народомъ за вдохновеннаго, но архiепископъ и министръ полицiи сочли его за посланнаго Богомъ, и на этомъ основанiи король (Людовикъ XVIII) совѣщался съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ» (стр. 113).

Спрашивается теперь: если подъ вліяніемъ галлюцинацій этого сумасшедшаго совершены какъ имъ самимъ, такъ и повѣрившими ему лицами, извѣстныя юридическiя дѣйствiя, то имѣютъ-ли силу эти дѣйствiя?

Если держаться спеціально-медицинской точки зрѣнiя, то лишеннымъ дѣеспособности оказывается здѣсь только самъ сумасшедшiй; дѣйствiя-же другихъ лицъ, хотя и вызванныя его же безумными идеями, должны-бы оставаться въ своей силѣ, такъ что одна и та же причина имѣла бы для разныхъ лицъ различныя послѣдствiя вопреки здравому смыслу и основнымъ юридическимъ началамъ.

На нашъ же взглядъ центръ тяжести заключается здѣсь вовсе не въ болѣзни даннаго лица, до которой юристу нѣтъ никакого дѣла, а въ томъ, что извѣстныя дѣйствiя совершены вслѣдствiе тѣхъ или другихъ безумныхъ идей, безъ которыхъ они не имѣли бы мѣста; кѣмъ они совершены и при какихъ условiяхъ—это для юриста совершенно безразлично.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ отнесенiе извѣстныхъ ложныхъ идей къ разряду безумныхъ должно зависѣть вообще отъ усмотрѣнiя судей, которые при этомъ должны по необходимости принимать за норму свой собственный умъ [1]).

---

[1]) Не можемъ не указать здѣсь на два весьма поучительныхъ случая изъ новѣйшей англiйской практики. Нѣкто Джонъ Нэйтъ завѣщалъ свое имущество, помимо дѣтей, какому-то постороннему лицу—сосѣду Боутону, съ которымъ онъ былъ очень мало знакомъ; къ дѣтямъ своимъ имѣлъ онъ, какъ оказалось, какое-то болѣзненное отвращенiе и недовѣрiе по той причинѣ, что ему не удалось вполнѣ подчинить ихъ себѣ въ умственномъ отношенiи. Идея завѣщателя—требовать отъ дѣтей полнѣйшаго нравственнаго подчиненiя—была признана судомъ болѣзненною (delusion), уничтожающею силу совершеннаго подъ ея вліяніемъ акта, хотя о

Главные выводы, къ которымъ мы пришли до сихъ поръ, могутъ быть формулированы въ видѣ слѣдующихъ положеній:

I) Изъ существующихъ въ настоящее время системъ юридической опеки надъ душевно-больными несомнѣнное преимущество принадлежитъ системѣ римско-англійской, которая одна только удовлетворяетъ основнымъ требованіямъ какъ современной психіатріи, такъ и юриспруденціи.

II) Наложеніе опеки не должно быть соединяемо и смѣшиваемо съ полнымъ лишеніемъ дѣеспособности: первая изъ этихъ мѣръ, по своему полицейскому характеру, подлежитъ особаго рода правиламъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣми, по которымъ долженъ рѣшаться вопросъ о юридической дѣеспособности лица.

III) Общая безусловная интердикція примѣнима только къ природному или полному безумію, которое можетъ считаться равносильнымъ совершенному отсутствію юридической воли. Общее болѣзненное умопомѣшательство допускаетъ интердикцію условную, съ допущеніемъ въ отдѣльныхъ случаяхъ возраженій и споровъ противъ

душевной болѣзни въ собственномъ медицинскомъ смыслѣ и рѣчи не было по отношенію къ завѣщателю. Замѣчательна по этому дѣлу рѣчь судьи Джемса Ганнена къ присяжнымъ; между прочимъ судья высказалъ мысль, что «какова бы ни была степень здраваго ума, требуемая какъ для уголовной вмѣняемости, такъ и для способности къ совершенію юридическихъ сдѣлокъ, ко вступленію въ бракъ и къ дачѣ свидѣтельскихъ показаній, но самая большая степень необходима безъ сомнѣнія для завѣщательныхъ распоряженій» (*Law Times Reports*, June 21, 1873, p. 562 sq. Boughton and Marston v. Knight and others). Слѣдуетъ притомъ замѣтить, что англійскіе судьи вообще строго относятся къ такъ наз. завѣщаніямъ неофиціознымъ.

Не менѣе любопытно дѣло о завѣщаніи баронессы Вельдъ, составленномъ въ пользу нѣкоторыхъ представителей католической церкви, въ ущербъ роднымъ покойной; противъ этого завѣщанія предъявленъ былъ споръ на томъ основаніи, что оно написано было подъ «*незаконнымъ вліяніемъ*» (indue influence) духовника, всѣ внушенія котораго всегда безпрекословно исполнялись завѣщательницею. Завѣщаніе признано было дѣйствительнымъ, чему не мало содѣйствовало то обстоятельство, что у покойной не было дѣтей и законныхъ наслѣдниковъ, кромѣ лишь родственниковъ восходящей и боковыхъ линій; тѣмъ не менѣе *Law Magazine* находитъ, что въ данномъ случаѣ несомнѣнно имѣло мѣсто «незаконное вліяніе», исключающее сознательность и свободу воли (См. Law Magazine, 1873, № VIII, august, art. «Undue influence»).

связанной съ нею презумпціи недѣеспособности. Всѣ другіе виды умственнаго разстройства имѣютъ вліяніе на дѣеспособность только въ томъ случаѣ, когда положительно доказано будетъ: a) что актъ выданъ или совершенъ въ моментъ психическаго разстройства и b) что послѣднее отразилось на содержаніи или мотивахъ спорнаго акта.

IV) По отношенію къ вопросу о вліяніи душевной болѣзни на дѣеспособность, дарственные и завѣщательные акты должны быть отдѣляемы отъ другихъ юридическихъ сдѣлокъ: эти акты, по характеру своему, требуютъ спеціальныхъ юридическихъ правилъ, болѣе строгихъ сравнительно съ тѣми, какія обязательны для обычнаго имущественнаго оборота.

V) Медицинская точка зрѣнія не имѣетъ и не должна имѣть обязательной силы для судей и юристовъ при рѣшеніи вопроса о дѣеспособности лица въ отдѣльныхъ случаяхъ.

VI) Полная свобода судебной практики въ дѣлахъ объ умственномъ разстройствѣ составляетъ общее правило, даже при самомъ полномъ и всестороннемъ законодательствѣ. Судебная практика сама вырабатываетъ и должна вырабатывать правила, которыхъ слѣдуетъ придерживаться въ чисто-фактическомъ вопросѣ о вліяніи душевныхъ болѣзней на дѣеспособность.

II. Юридическое положеніе душевно-больныхъ по русскимъ законамъ.

«Удовлетворительное отправленіе правосудія зависитъ болѣе отъ достоинства судей, чѣмъ отъ совершенства законовъ».

Суд. Уставы, Изд. Госуд. Канц. ч. 3, стр. XXXVI.

X.

Законы и ихъ примѣненіе.—Несостоятельность судебной практики.—Отдѣленіе института опеки отъ вопроса о дѣеспособности.—Недоразумѣнія законодательныя и судебныя.

Нашъ сводъ законовъ представляетъ столько матеріала для юридической критики, что для юриста, желающаго изслѣдовать какой-либо вопросъ съ точки зрѣнія русскаго законодательства, нѣтъ ничего легче, какъ занять по отношенію къ послѣднему критическую позицію и доказать несостоятельность его положеній. Эта именно легкость критики очень часто соблазняетъ нашихъ юристовъ, удерживая ихъ отъ болѣе положительныхъ и самостоятельныхъ работъ и побуждая ихъ довольствоваться разсужденіями на тему объ отсталости и непригодности тѣхъ или другихъ постановленій свода. Практическая юриспруденція получаетъ такимъ образомъ совершенно фальшивое направленіе, подъ вліяніемъ котораго юристы привыкаютъ винить во всемъ законодательство и ожидать всего сверху, не предпринимая ничего самимъ. Между тѣмъ, подъ покровомъ извѣстныхъ всѣмъ недостатковъ нашихъ законовъ находятъ нерѣдко пріютъ самыя вопіющія нарушенія не только общихъ юридическихъ началъ одинаково обязательныхъ при всякомъ законодательствѣ, но и тѣхъ именно законовъ, на несостоятельность которыхъ ссылаются, такъ что въ этихъ случаяхъ, прикрывая себя авторитетомъ закона, наши практики въ сущности сваливаютъ съ больной головы на здоровую.

Вмѣсто того, чтобы примирять требованія закона съ жизнью и понимать его въ смыслѣ, наиболѣе соотвѣтствующемъ интересамъ

общества, практика нашихъ судовъ, напротивъ, во многихъ случаяхъ еще создаетъ стѣснительныя для частныхъ лицъ формальности и правила, которыхъ законъ совсѣмъ не знаетъ. Между прочимъ таково отчасти отношеніе нашей судебной практики къ вопросу о юридической дѣеспособности душевно-больныхъ.

Законодательство наше относится къ этому вопросу точно такъже какъ и англійское право, не ставя съ своей стороны никакихъ легальныхъ предположеній и предоставляя судьямъ въ такого рода дѣлахъ полнѣйшую свободу; практика же установила у насъ нѣчто въ родѣ французской интердикціи, совершенно непримѣнимой ни къ нашимъ законамъ, ни къ условіямъ нашего юридическаго быта. Несостоятельность такого пониманія нашихъ законовъ объ опекѣ надъ душевно-больными сознавалась, впрочемъ, нерѣдко самими судьями, которые поэтому выражали часто взгляды совершенно противоположные и вообще обнаруживали въ этомъ отношеніи замѣчательную шаткость и неопредѣленность понятій. Рѣзкія колебанія и противорѣчія, замѣтныя въ практикѣ нашихъ старыхъ и новыхъ судовъ по отношенію къ занимающему насъ вопросу, показываютъ какъ нельзя яснѣе, какъ непроченъ и шатокъ тотъ фундаментъ, на которомъ строятъ свои заключенія наши практическіе юристы. При всей этой шаткости взглядовъ преобладаніе все-таки остается за тѣмъ воззрѣніемъ, въ силу котораго буква закона расширяется, хотя и въ ущербъ ея дѣйствительному смыслу; вопросъ о дѣеспособности душевно-больныхъ у насъ все-таки ставятъ въ неразрывную связь съ фактомъ опеки, хотя законъ не даетъ къ тому никакихъ основаній.

Въ нашемъ законодательствѣ мы замѣчаемъ одну особенность, которая не встрѣчается ни въ одномъ изъ иностранныхъ кодексовъ: институтъ опеки надъ душевно-больными разсматривается у насъ совершенно независимо отъ вопроса о дѣеспособности ихъ, тогда какъ въ другихъ законодательствахъ съ постановленіями объ опекѣ соединены обыкновенно правила, подробно опредѣляющія юридическое положеніе подопечныхъ. Объ опекѣ надъ безумными и сумасшедшими говорится въ особой главѣ, въ которой собственно о юридическихъ послѣдствіяхъ умственнаго разстройства не сказано ни слова; объ этихъ послѣдствіяхъ идетъ рѣчь въ другихъ отдѣлахъ свода, безъ всякой связи съ вопросомъ объ опекѣ.

Какъ наложеніе опеки, такъ и предшествующее ему оффиціальное освидѣтельствованіе, не составляетъ нисколько общеобязательной мѣры, которая принималась-бы ex officio по отношенію ко всѣмъ вообще лицамъ, страждущимъ разстройствомъ умственныхъ способностей; напротивъ того, эти мѣры могутъ имѣть мѣсто исключительно только по желанію ближайшихъ родственниковъ больнаго, для учрежденія надъ нимъ опеки. Въ силу статьи 367-й, «каждому семейству, въ коемъ находится безумный или сумасшедшій, *предоставляется* предъявить о томъ мѣстному начальству», а въ примѣчаніи къ статьѣ 375 сказано, что «безумные и сумасшедшіе, не совершившіе преступленія и отдаваемые для излеченія въ частныя лечебныя заведенія, могутъ быть свидѣтельствуемы, установленнымъ порядкомъ, *только по требованію о томъ ихъ родственниковъ, опекуновъ, попечителей или наслѣдниковъ*».

Ясно, что у насъ опека совершенно чужда того исключительнаго характера, который придается ей нѣкоторыми иностранными кодексами; она не только не связана у насъ съ фикціей легальнаго умопомѣшательства, но и сама по себѣ составляетъ лишь случайное, зависящее отъ воли заинтересованныхъ лицъ, послѣдствіе душевнаго разстройства. Такое же случайное, безразличное вообще для вопроса о дѣеспособности, значеніе имѣетъ и предшествующее наложенію опеки оффиціальное освидѣтельствованіе и признаніе лица помѣшаннымъ; по крайней мѣрѣ законъ не соединяетъ съ этими мѣрами никакихъ безусловныхъ ограниченій и даже презумпцій, которыми стѣснялась-бы общая юридическая дѣеспособность подверженнаго опекѣ субъекта.

Единственное и существенное дѣйствіе опеки состоитъ въ томъ, что «имущество признанныхъ безумными или сумасшедшими отдается въ управленіе ихъ наслѣдникамъ, съ запрещеніемъ продавать или закладывать что-либо изъ онаго при жизни владѣльца, и съ обязанностью остающіеся за законными издержками доходы сохранять въ цѣлости» (ст. 376); но эта статья, очевидно, не касается общаго вопроса о дѣеспособности подопечныхъ и, заключая въ себѣ запрещеніе *наслѣдникамъ* распоряжаться имуществомъ при жизни владѣльца, не совсѣмъ даже исключаетъ для послѣдняго возможность дѣлать въ свѣтлые промежутки какія-либо распоряженія относительно взятаго въ опеку имущества.

Что же касается тѣхъ постановленій, которыми собственно опре-

дѣляется вліяніе умственнаго разстройства на силу юридическихъ актовъ, то они, ни по содержанію своему, ни по мѣсту, занимаемому ими въ сводѣ, не имѣютъ ничего общаго съ институтомъ опеки и съ связанными съ нимъ мѣрами. Такъ, законъ между прочимъ запрещаетъ «писать и совершать отъ имени безумныхъ и сумасшедшихъ всякіе вообще акты о имѣніи или займѣ» (ст. 770), объявляетъ недѣйствительною «продажу, учиненную лицами, состоящими подъ законнымъ прещеніемъ, какъ-то: безумными, сумасшедшими и расточителями, когда имѣнія сихъ послѣднихъ состоятъ въ опекѣ» (ст. 1383), признаетъ ничтожными завѣщанія душевно-больныхъ, «когда они составлены ими во время помѣшательства» (ст. 1017), и вообще ставитъ присутствіе здраваго ума необходимымъ условіемъ дѣйствительности всякаго рода актовъ и въ частности завѣщаній (ст. 809 п. 2 и 1016). Ни въ одной изъ этихъ статей (кромѣ только ст. 1383, о которой рѣчь впереди) мы не находимъ ни малѣйшаго намека на какую-либо разницу, по отношенію къ дѣеспособности, между сумасшедшими, признанными таковыми оффиціально, и подобными же больными, не подвергнутыми ни освидѣтельствованію, ни опекѣ. Нѣкоторыя выраженія закона могутъ, правда, подать поводъ къ толкованіямъ, противоположнымъ нашему, но эти выраженія, какъ увидимъ ниже, нисколько въ сущности не колеблятъ того взгляда, который мы постараемся развить подробно въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Не подлежитъ конечно сомнѣнію, что указанныя статьи свода, отличаясь свойственною послѣднему казуистичностью, представляютъ собою лишь частныя положенія, не приведенныя къ единству и находящіяся отчасти во взаимномъ между собою противорѣчіи; однѣ изъ этихъ статей какъ будто предполагаютъ то, что повидимому прямо отрицается другими. Не мало также замѣшательства вносятъ въ общую систему правилъ объ опекѣ надъ душевно-больными постановленія, заключающіяся во второмъ томѣ свода и касающіяся обязанностей администраціи по отношенію къ лицамъ, нуждающимся въ опекѣ. «Въ отношеніи къ назначенію опекъ надъ слабоумными и умалишенными», говорится напримѣръ въ статьѣ 533 ч. I т. II, «губернаторъ, получивъ о томъ просьбу отъ семейства, въ которомъ находится слабоумный или сумасшедшій, *или-же инымъ образомъ достовѣрное свѣдѣніе*, что сіи лица опасны въ общежитіи или по крайней мѣрѣ не могутъ управлять имѣніемъ, распоряжается объ освидѣтельствованіи ихъ на основаніи законовъ». Подчеркнутыя нами

слова допускаютъ повидимому возможность наложенія опеки и помимо согласія родственниковъ больнаго, вопреки приведенному выше примѣчанію къ статьѣ 375; но если здѣсь и существуетъ противорѣчіе, то оно не можетъ имѣть практическаго значенія въ виду ясной, исключающей всякія сомнѣнія, редакціи статей, опредѣляющихъ условія производства дѣлъ объ освидѣтельствованіи безумныхъ и сумасшедшихъ съ цѣлью подчиненія ихъ опекѣ.

Каковы бы вообще ни были недоразумѣнія, вызываемыя неточностью дѣйствующихъ у насъ законовъ объ опекѣ надъ умалишенными, они не принадлежатъ во всякомъ случаѣ къ числу тѣхъ, которыя способны затруднять разумную практику. Общій смыслъ нашего законодательства таковъ, что при разрѣшеніи дѣлъ, связанныхъ съ вопросомъ объ умственномъ разстройствѣ, судьи наши ничѣмъ рѣшительно не стѣснены и имѣютъ полную возможность руководствоваться своимъ личнымъ усмотрѣніемъ въ сужденіи какъ о фактѣ психическаго разстройства, такъ и о юридическихъ его послѣдствіяхъ. Наша-же судебная практика, вмѣсто того, чтобы надлежащимъ образомъ воспользоваться предоставленною ей въ этомъ отношеніи свободой, почему-то отказалась отъ нея, сообщивъ оффиціальному освидѣтельствованію душевно-больныхъ такое значеніе, какого оно совсѣмъ не имѣетъ и имѣть у насъ не можетъ.

Характеръ нашей практики по вопросу о юридическомъ положеніи душевно-больныхъ даетъ намъ право утверждать, что отвѣтственность за многіе существенные недуги нашей правовой жизни падаетъ не столько на законъ, сколько на практику, которая не только оказывается неспособной справиться даже съ самыми незначительными затрудненіями, представляемыми буквой закона, но еще сама какъ-будто старается по возможности усиливать и усложнять и безъ того крупные недостатки законодательства.

XI.

Порядокъ освидѣтельствованія и его недостатки. — Законные термины. — Дѣла Богдановой и Чарнецкой. — Способъ освидѣтельствованія. — Примѣры изъ практики. — Неудобства существующей системы. — Выводы.

Вопросъ объ умственномъ разстройствѣ и его юридическихъ послѣдствіяхъ можетъ разсматриваться у насъ или въ порядкѣ *административномъ*, когда дѣло идетъ о наложеніи опеки, или въ порядкѣ *судебномъ*, когда возбуждается споръ о дѣеспособности лица по отношенію къ данному частному акту. Мы говоримъ ниже только о первомъ порядкѣ, административномъ, какъ о болѣе общемъ и болѣе важномъ въ гражданскомъ правѣ.

Мы уже замѣтили выше, что правила объ опекѣ надъ безумными и сумасшедшими не имѣютъ у насъ ни внѣшней, ни внутренней связи съ законами о юридической дѣеспособности душевно-больныхъ. Этотъ взглядъ нашъ подтверждается тѣми особенностями, которыми отличается порядокъ освидѣтельствованія и признанія умственнаго разстройства, установленный въ 368—375 статьяхъ I ч. X т., сравнительно съ порядкомъ, принятымъ въ этомъ отношеніи въ другихъ государствахъ.

Изъ сдѣланнаго нами очерка иностранныхъ законодательствъ касательно опеки надъ душевно-больными, можно видѣть, что вопросъ объ учрежденіи надъ кѣмъ-либо опеки по причинѣ умственнаго разстройства, возникаетъ-ли онъ по иниціативѣ прокуратуры или же вслѣдствіе заявленій родныхъ больнаго, разрѣшается вездѣ и всегда судебною властью, при содѣйствіи экспертовъ-спеціалистовъ по психіатріи. Никакой другой порядокъ, очевидно, немыслимъ тамъ, гдѣ имѣетъ силу то основное начало, въ силу котораго никто не можетъ быть стѣсняемъ въ пользованіи какими-либо гражданскими правами безъ надлежащаго о томъ судебнаго приговора; учрежденіе надъ кѣмъ-либо опеки влечетъ за собою во всякомъ случаѣ для личности и дѣятельности лица столь важныя юридическія послѣдствія, что возможность примѣненія подобной мѣры къ кому-бы то ни было, помимо суда, составляла-бы явное нарушеніе одной изъ

самыхъ существенныхъ гарантій гражданской свободы. Въ Англіи дѣла объ опекахъ надъ умалишенными разсматриваются не только судебной властью вообще, но и судомъ присяжныхъ въ частности; во Франціи требуютъ даже, чтобы отдача кого-либо въ заведеніе для душевно-больныхъ зависѣла исключительно отъ суда. Если вообще подвергать совершеннолѣтнихъ лицъ опекѣ вправѣ только судъ послѣ обычнаго разбирательства, при участіи заинтересованныхъ сторонъ и врачей-экспертовъ, то тѣмъ болѣе необходимо это въ тѣхъ случаяхъ, когда опека имѣетъ не только полицейское, но и юридическое значеніе, лишая подопечнаго дѣеспособности.

Съ этой точки зрѣнія существующій у насъ порядокъ свидѣтельствованія душевно-больныхъ и учрежденія надъ ними опеки представляется крайне ненормальнымъ. Безумные и сумасшедшіе свидѣтельствуются въ особомъ присутствіи губернскаго правленія чрезъ врачебную управу; составъ присутствія различенъ отчасти, смотря по состоянію свидѣтельствуемаго (ст. 368 и сл.). Признаніе-же подвергнутаго освидѣтельствованію лица помѣшаннымъ зависитъ отъ сената, на разсмотрѣніе котораго представляются собранныя губернскимъ присутствіемъ данныя. Такимъ образомъ освидѣтельствованіе производится у насъ въ одномъ мѣстѣ — административномъ, безъ обязательнаго участія психіатровъ, хотя и чрезъ членовъ врачебной управы; признаніе же помѣшательства вмѣстѣ съ наложеніемъ опеки предоставлено другому, высшему учрежденію и слѣдовательно происходитъ, такъ сказать, заочно. Центръ тяжести въ такого рода дѣлахъ лежитъ, очевидно, въ тѣхъ результатахъ, къ которымъ приводитъ допросъ, производимый предполагаемому сумасшедшему въ губернскомъ присутствіи; на основаніи этихъ именно результатовъ разрѣшаетъ дѣло сенатъ, такъ что такое или иное направленіе дѣла во всякомъ случаѣ зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстной администраціи.

Прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ самого способа освидѣтельствованія, необходимо сказать нѣсколько словъ о значеніи *терминовъ*, употребляемыхъ въ законѣ для обозначенія психическаго разстройства.

Безуміе и сумасшествіе, о которыхъ говорится главнымъ образомъ въ главѣ второй третьяго раздѣла, опредѣлены въ статьяхъ 365 и 366; но опредѣленія эти лишены строго-юридическаго характера и имѣютъ значеніе только теоретическое, на столько-же обязательное для практики, какъ и всякія другія общія опредѣленія.

Въ указанныхъ статьяхъ законъ какъ-будто объясняетъ свой взглядъ на душевныя болѣзни, причемъ характеромъ послѣднихъ мотивируетъ необходимость извѣстныхъ мѣръ для огражденія общества и самихъ больныхъ отъ вреда, могущаго произойти вслѣдствіе ихъ помѣшательства. Такъ, въ статьѣ 366 говорится, что «*сумасшедшими* почитаются тѣ, коихъ *безуміе* происходитъ отъ случайныхъ причинъ и составляя болѣзнь, доводящую иногда до бѣшенства, *можетъ наносить обоюдный вредъ обществу и имъ самимъ и потому требуетъ особеннаго за ними надзора*». Уже изъ этой статьи несомнѣнно видно, что съ одной стороны законъ не придаетъ безусловнаго значенія устанавливаемому имъ различію между безуміемъ и сумасшествіемъ, и что съ другой стороны, опредѣляя признаки этихъ двухъ видовъ душевныхъ болѣзней, законъ тѣмъ самымъ какъ будто оправдываетъ только дальнѣйшія постановленія, изложенныя въ 367 и слѣдующихъ статьяхъ. Что таковъ именно смыслъ приведенныхъ опредѣленій, видно также изъ того, что на ряду съ указанными двумя терминами законъ употребляетъ еще и другіе, повидимому совершенно равносильные; такъ въ ст. 371 и др. говорится объ умалишенныхъ и слабоумныхъ и т. п.

Вопросъ о значеніи этихъ терминовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ о смыслѣ статей 365 и 366 возникалъ нерѣдко на практикѣ и рѣшался обыкновенно въ пользу высказаннаго нами только-что взгляда. Особенно подробно разсмотрѣнъ этотъ вопросъ въ рѣшеніяхъ стараго сената по дѣламъ Богданова и Чарнецкой.

Въ дѣлѣ Богданова сенату предстояло разъяснить легальное значеніе слабоумія, вслѣдствіе возникшаго въ низшихъ инстанціяхъ сомнѣнія о томъ, подлежатъ ли разсмотрѣнію правительствующаго сената акты о признаніи свидѣтельствуемыхъ лицъ слабоумными. Сенатъ высказалъ при этомъ слѣдующія соображенія. «Хотя въ ст. 374 т. X ч. I, предписывающей представлять на разсмотрѣніе правительствующему сенату объ освидѣтельствованіи сумасшествія или безумія, не упоминается собственно о слабоуміи, но соображеніе всѣхъ статей объ опекѣ надъ безумными и сумасшедшими (ст. 365—380) приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что законъ не дѣлаетъ строгаго различія между состояніемъ безумія и слабоумія и для опредѣленія одного и того же понятія употребляетъ безразлично и то и другое выраженіе; такъ напр.; несмотря на то, что въ самомъ заглавіи означенной главы упомянуто только объ опекѣ надъ безум-

ными и сумасшедшими и затѣмъ въ первыхъ двухъ статьяхъ этой главы содержится опредѣленіе только этихъ двухъ понятій, въ статьѣ 371, опредѣляющей составъ присутствія для освидѣтельствованія умственныхъ способностей въ портовыхъ городахъ новороссійскаго края, свидѣтельствуемыя лица названы уже не безумными и сумасшедшими, но умалишенными и слабоумными. Наконецъ, въ томъ, что и надъ слабоумными учреждается опека, убѣждаютъ какъ прим. къ ст. 377, такъ и въ особенности ст. 534 т. II, ч. I, изъ коихъ въ первомъ опредѣляются послѣдствія для родственниковъ, въ случаѣ учрежденія опеки не только надъ безумными, но и надъ слабоумными, а въ послѣдней именно предписывается представлять правительствующему сенату объ опредѣленіи опеки къ лицамъ, признаннымъ отъ природы слабоумными» [1]).

Подобныя же соображенія сенатъ примѣнилъ къ дѣлу Чарнецкой, хотя и не высказалъ ихъ прямо. Помѣщица Чернецкая была два раза свидѣтельствуема въ присутствіи губернскаго правленія и кромѣ того подвергнута была двухнедѣльному медицинскому наблюденію, вслѣдствіе чего члены врачебной управы заключили, что «Чарнецкая *слабоумна*, и хотя душевное страданіе ея, находящееся въ періодѣ развитія, не обозначено рѣзкими признаками, но значительное ослабленіе умственныхъ способностей, при нервическомъ разстройствѣ и мрачномъ расположеніи духа, легко можетъ служить поводомъ къ безотчетнымъ дѣйствіямъ и поступкамъ,» вслѣдствіе чего присутствующіе опредѣлили, что Чарнецкая нуждается въ назначеніи для нея попечительства и опеки для ея имѣнія. Сенатъ съ своей стороны нашелъ, что «изъ совокупности всѣхъ отвѣтовъ Чарнецкой и въ особенности изъ заключенія членовъ врачебной управы явствуетъ, что она въ настоящее время *не вполнѣ владѣетъ умственными способностями*, а слѣдовательно опасно было-бы ввѣрить ей безотчетное управленіе имѣніемъ своимъ, равно и самое воспитаніе малолѣтней дочери ея Юліи Чарнецкой; посему въ настоящемъ случаѣ необходимо принять закономъ предписанныя мѣры въ отношеніи лицъ, кои по разстроенному состоянію здоровья и инымъ причинамъ заслуживаютъ особаго попеченія со стороны правительства». При этомъ сенатъ ссылается не на общія правила объ опекахъ, а на частныя

---

[1]) Сборникъ рѣшеній, т. II, ч. 3, № 1096.

постановленія, опредѣляющія обязанности дворянскихъ опекъ и губернаторовъ. «На основаніи ст. 3867 т. II и 2200 т. X», —говорится далѣе въ разсматриваемомъ рѣшеніи сената, — «дворянскимъ опекамъ вмѣнено въ обязанность имѣть попеченіе не только о сиротахъ, но и о вдовахъ дворянскаго происхожденія, и назначать имъ для защиты въ извѣстныхъ случаяхъ попечителей, а по смыслу статьи 466 т. II, начальники губерній обязаны имѣть попеченіе о всѣхъ тѣхъ лицахъ, кои, по разстроенному своему состоянію, болѣзни и другимъ причинамъ, заслуживаютъ особаго призрѣнія правительства». Въ силу этихъ соображеній сенатъ рѣшилъ дѣло въ томъ смыслѣ, чтобы имѣніе Чарнецкой взято было въ опеку, а къ личности ея — назначенъ былъ попечитель [1]). Въ этомъ дѣлѣ съ особенной рельефностью выступаетъ административный или, лучше сказать, полицейскій характеръ нашихъ законовъ объ опекѣ, — характеръ, выражающійся между прочимъ въ крайней эластичности и неопредѣленности этихъ законовъ. Такимъ образомъ и встрѣчающіеся въ послѣднихъ термины и теоретическія опредѣленія оказываются лишенными юридической точности и силы [2]).

Относительно сущности освидѣтельствованія постановлено въ статьѣ 373, что оно «заключается въ строгомъ разсмотрѣніи отвѣтовъ на предлагаемые вопросы, до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящіеся»; какъ вопросы эти, такъ и объясненія на оные записываются въ составляемый по сему случаю актъ (тамъ-же). Больной, слѣдовательно, подвергается нѣкотораго рода экзамену

---

[1]) Сборникъ рѣш., тамъ-же, № 770; ср. также рѣш. по дѣлу Брудзевскаго (т. I, ч. 1, № 508).

[2]) Поэтому было-бы крайне ошибочно придавать особенное значеніе тому обстоятельству, что въ статьѣ 1017 говорится не только о безумныхъ и сумасшедшихъ, но и умалишенныхъ; всѣ дѣлаемые отсюда выводы не имѣютъ никакого основанія въ законѣ, который для обозначенія психическаго разстройства употребляетъ безразлично то тотъ, то другой терминъ (подобные поверхностные выводы дѣлаетъ между прочимъ г. Е. Карновичъ въ статьѣ «объ умственныхъ способностяхъ завѣщателя по русскимъ законамъ» въ «Журн. мин. юстиціи», 1868, т. 2-й, стр. 531 и сл.). Ср. дѣльныя замѣчанія г. Дюкова на эту статью въ «Архивѣ судебной медицины» 1869 г. № 3 (стр. 539). Замѣтимъ, что въ проектѣ устава объ опекахъ, изданномъ въ 1865 г. комиссіей, учрежденной при министерствѣ внутр. дѣлъ, опредѣленія безумія и сумасшествія выпущены. (Труды комиссіи, стр. 50 и сл.)

по напередъ составленной программѣ; смотря потому, удовлетворительны-ли его отвѣты или нѣтъ, его объявляютъ здоровымъ или помѣшаннымъ.

Ставя изслѣдованіе душевно-больныхъ въ такія узкія рамки и не давая свидѣтельствующимъ никакого простора въ этомъ отношеніи, законъ повидимому исходитъ изъ того первобытнаго взгляда, который отождествляетъ умопомѣшательство съ состояніемъ явнаго очевиднаго для всѣхъ, безсмыслія, соединеннаго съ совершенной неспособностью къ самымъ элементарнымъ психическимъ отправленіямъ. Нечего и говорить о томъ, что такой взглядъ идетъ въ разрѣзъ съ основными началами психіатріи. Обширная категорія душевныхъ болѣзней, связанныхъ съ разстройствомъ не столько процесса мышленія, сколько области чувствъ и нравственности (напр. т. н. moral insanity), остается какъ-бы внѣ законнаго контроля и едва-ли можетъ вести къ опекѣ, такъ какъ въ такихъ случаяхъ отвѣты больнаго бываютъ нерѣдко вполнѣ раціональны. Человѣкъ можетъ быть несомнѣнно помѣшанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ сохранить способность отвѣчать удовлетворительно на вопросы, касающіеся «обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни»; съ другой стороны, и человѣкъ умственно-здоровый въ состояніи смѣшаться и спутаться въ своихъ объясненіяхъ при той торжественной обстановкѣ, которою окружается производимый свидѣтельствуемымъ допросъ. При всемъ томъ эта система допроса могла-бы, въ хорошихъ рукахъ, давать сносные результаты, еслибъ рѣшеніе вопроса о состояніи умственныхъ способностей изслѣдуемыхъ субъектовъ зависѣло отъ тѣхъ мѣстъ и лицъ, которыми производится и самое освидѣтельствованіе. Врачи-эксперты, равно какъ и члены присутствія, могли-бы въ такомъ случаѣ руководствоваться не однимъ лишь смысломъ даваемыхъ больнымъ отвѣтовъ, но и другими болѣе существенными данными, а также характеромъ его поведенія во время допроса. Обязывая губернскія присутствія ограничиваться лишь чисто-пассивною ролью, — именно внесеніемъ отвѣтовъ свидѣтельствуемаго субъекта въ составляемый по этому поводу протоколъ, законъ тѣмъ самымъ совершенно уничтожаетъ значеніе личнаго изслѣдованія и наблюденія, которыя въ большинствѣ случаевъ несравненно важнѣе какихъ-бы то ни было отвѣтовъ, могущихъ имѣть вѣсъ лишь въ связи съ освѣщающими ихъ побочными обстоятельствами.

Отдѣленіе освидѣтельствованія отъ оцѣнки его результатовъ и

отъ признанія или непризнанія факта помѣшательства противорѣчитъ, очевидно, здравому смыслу; на практикѣ оно ведетъ къ чрезвычайно-страннымъ несообразностямъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Петръ I счелъ нужнымъ поручить, между прочимъ, созданному имъ сенату свидѣтельствованіе «дураковъ»—дворянъ, которыхъ для этого должны были изъ всѣхъ мѣстъ имперіи привозить въ столицу (см. указъ 6 апр. 1722 г.), сенатъ оставался и остается по настоящее время верховнымъ и единственнымъ рѣшителемъ дѣлъ объ опекахъ надъ умалишенными. Но указы 1815 и 1835 годовъ совершенно измѣнили въ этомъ отношеніи характеръ сенатской дѣятельности. До указа 8-го іюня 1815 г. безумные и сумасшедшіе свидѣтельствовались въ самомъ сенатѣ; затѣмъ до 1835 г. этотъ порядокъ существовалъ только относительно безумныхъ отъ рожденія, тогда какъ душевно-больные въ собственномъ смыслѣ, должны были свидѣтельствоваться на мѣстѣ [1]). Съ того времени т. е. съ 1835 г., когда отъ сената отнято было активное, фактическое участіе въ свидѣтельствованіи душевно-больныхъ и когда за нимъ все-таки оставлено было право рѣшать дѣла объ умопомѣшательствѣ и объ опекахъ,—съ того времени порядокъ, установленный въ этомъ отношеніи Петромъ, потерялъ свой прежній смыслъ и превратился въ пустую по содержанію, хотя и чрезвычайно важную по послѣдствіямъ, формальность, въ ущербъ самымъ очевиднымъ интересамъ житейской правды и дѣйствительности.

Если есть вопросы, разъясненіе которыхъ невозможно безъ тщательнаго изученія матеріальной, фактической подкладки ихъ, то къ такимъ именно вопросамъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, вопросъ объ умственномъ разстройствѣ; поэтому-то въ иностранныхъ государствахъ, напр. во Франціи, вопросъ этотъ не допускаетъ кассаціонной повѣрки. У насъ-же матеріальная сторона дѣла совершенно почти улетучивается при переходѣ его въ сенатъ, и только безжизненные обрывки ея остаются и выступаютъ на сцену въ видѣ протоколовъ, которые и служатъ единственнымъ основаніемъ и матеріаломъ при разрѣшеніи дѣлъ объ умалишенныхъ.

---

[1]) Тогда именно и установилось то различіе между безумными и сумасшедшими, которое понынѣ еще удержалось въ законѣ, хотя оно давно уже потеряло свое прежнее практическое значеніе.

Разрѣшать вопросъ о психическомъ состояніи лица не только въ его отсутствіи, но и безъ всякихъ иныхъ свѣдѣній о немъ, кромѣ лишь нѣсколькихъ, внесенныхъ въ протоколъ, отвѣтовъ его на нѣкоторые ничего не значущіе вопросы—задача довольно мудреная, и нашъ сенатъ, выполняя ее, принужденъ поневолѣ выжимать изъ кипы бумагъ такія вещи, констатированіе которыхъ немыслимо безъ личнаго наблюденія.

Это заочное, такъ сказать, бумажное свидѣтельствованіе душевнобольныхъ, имѣющее своею цѣлью и своимъ результатомъ признаніе или непризнаніе ихъ таковыми, составляетъ одну изъ самыхъ странныхъ аномалій, какія только могутъ быть вызваны игрою законодательныхъ случайностей.

При такихъ условіяхъ сенатъ могъ-бы придерживаться двоякой системы: онъ могъ бы или ограничиваться лишь утвержденіемъ результатовъ, полученныхъ мѣстными присутствіями, или-же основывать свои сужденія на самостоятельной оцѣнкѣ изложенныхъ въ актѣ освидѣтельствованія данныхъ. Въ первомъ случаѣ сенатъ, очевидно, не выполнялъ-бы возложенной на него закономъ обязанности и оказывался-бы только излишнимъ тормазомъ въ подобнаго рода дѣлахъ; поэтому приходится слѣдовать другой системѣ, которой сенатъ и слѣдуетъ въ дѣйствительности.

Въ силу статьи 374, «по освидѣтельствованіи сумасшествія или безумія, *если присутствіе признаетъ оное дѣйствительнымъ*, то не налагая само собою опеки, все имъ найденное представляетъ на разсмотрѣніе правительствующему сенату, и до полученія отъ него окончательнаго разрѣшенія, пріемлетъ токмо законныя мѣры къ призрѣнію страждущаго и къ сохраненію его имѣнія». Такъ какъ въ сенатъ дѣло поступаетъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда фактъ помѣшательства *признанъ* уже губернскимъ правленіемъ [1]), то указанныя нами неудобства нынѣшняго порядка въ сущности выгодны для душевно-больныхъ, гарантируя ихъ, повидимому, отъ злоупотребленій и замедляя вообще ходъ дѣла; въ ихъ-же пользу идутъ и разногласія, возможныя въ этомъ отношеніи между сенатомъ и мѣстными присутствіями, ибо разногласія эти могутъ заключаться лишь въ

---

[1]) Это разъяснено впервые въ 1841 г. по дѣлу Бекляка (указъ 15 окт., въ П. с. з. № 14932).

томъ, что сенатъ признаетъ здоровымъ такого субъекта, который на мѣстѣ признанъ былъ сумасшедшимъ. Такіе случаи встрѣчаются на практикѣ весьма часто; приведемъ два-три примѣра.

Дворянка П., по освидѣтельствованіи въ губернскомъ правленіи, была признана сумасшедшею; сенатъ-же призналъ ее здоровою. Разногласіе объясняется здѣсь тѣмъ, что губернское правленіе, освидѣтельствовавъ П. при участіи членовъ врачебнаго отдѣленія и директора дома для умалишенныхъ, наблюдавшаго ее въ теченіе 18 мѣсяцевъ, также имѣло вѣроятно въ виду и факты изъ ея жизни, изложенные въ дѣлѣ о ней, и такимъ путемъ пришло къ убѣжденію, что П. сумасшедшая. Сенатъ-же руководился точнымъ смысломъ 373-й статьи I ч. X т., гдѣ положительно сказано, что для рѣшенія вопроса о томъ, сумасшедшій-ли или нѣтъ свидѣтельствуемый индивидъ, должно руководствоваться его отвѣтами на письменные вопросы, касающіеся обыкновенной жизни—и только; стало быть, если отвѣты П. были болѣе или менѣе удовлетворительны, то она должна была быть признана душевно-здоровою [1]). Сообщая этотъ случай, г. Шергандтъ замѣчаетъ, что въ уголовныхъ дѣлахъ врачъ-экспертъ можетъ требовать врачебнаго наблюденія надъ подсудимымъ, можетъ требовать свѣдѣній изъ предыдущей жизни обвиняемаго, что согласуется съ закономъ; не то бываетъ въ гражданскихъ дѣлахъ: въ законѣ говорится только—«соображаться съ отвѣтами», и если врачъ скажетъ, что для опредѣленія степени психическаго состоянія свидѣтельствуемаго надо имѣть надъ нимъ медицинское наблюденіе, то прокуроръ вправѣ сказать, что это несогласно съ закономъ, что слѣдуетъ разбирать отвѣты изслѣдуемаго и больше ничего. Положеніе врачей, заключаетъ г. Шергандтъ, въ этомъ случаѣ незавидно [2]). Тотъ-же авторъ приводитъ еще другой однородный примѣръ: дворянка Л., страдавшая маніей величія, признана сенатомъ здоровою, такъ какъ, «судя по даннымъ ею отвѣтамъ на предложенные вопросы, нѣтъ причинъ считать Л. сумасшедшею» [3]). По

---

[1]) Сборникъ сочиненій по суд. медицинѣ и пр., 1873, т. 2, ст. врача Шергандта, стр. 25 и сл.

[2]) Тамъ-же.

[3]) См. далѣе вполнѣ вѣрныя замѣчанія г. Шергандта о невозможности по однимъ лишь занесеннымъ въ протоколъ отвѣтамъ судить о душевномъ состояніи свидѣтельствуемаго, стр. 27 и сл.

мнѣнію д—ра Штейнберга, отвѣты сами по себѣ ничего рѣшительно не доказываютъ: смыслъ ихъ можетъ быть удовлетворителенъ, тогда какъ особенныя условія и способъ ихъ произнесенія могутъ указывать на несомнѣнные слѣды умопомѣшательства [1]). Такъ напр. больной, давая повидимому вполнѣ правильные отвѣты на предлагаемые ему вопросы, можетъ при этомъ дѣлать разнаго рода гримасы, ужимки и т. п. нелѣпыя выходки, которыя между тѣмъ не вносятся въ актъ и во всякомъ случаѣ теряются безслѣдно для сената, до котораго доходитъ лишь мертвая оболочка допроса безъ живаго его содержанія.

Сложность и медленность процедуры свидѣтельствованія душевно-больныхъ и учрежденія надъ ними опеки ведутъ къ тому, что въ большинствѣ случаевъ законъ не достигаетъ своей цѣли; человѣкъ признается умалишеннымъ и подвергается опекѣ нерѣдко уже послѣ многихъ годовъ помѣшательства, когда послѣднее успѣло уже принести свои плоды въ области имущественныхъ отношеній больнаго. Не говоря уже о томъ, что между первымъ освидѣтельствованіемъ и признаніемъ или непризнаніемъ факта умственнаго разстройства со стороны губернскаго правленія проходитъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени, въ теченіе котораго больной находится на «испытаніи», вопросъ объ опекѣ можетъ цѣлые годы оставаться въ совершенно неопредѣленномъ положеніи, прежде чѣмъ дѣло дойдетъ до разрѣшенія его сенатомъ; медленность производства подобныхъ дѣлъ вошла уже въ пословицу.

Въ практикѣ судебныхъ мѣстъ встрѣчаются въ этомъ отношеніи любопытныя указанія, которыя могутъ отчасти содѣйствовать правильной оцѣнкѣ существующей у насъ системы опеки надъ душевнобольными. Нѣкто Иванъ Брудзевскій былъ въ 1837 году освидѣтельствованъ въ умственныхъ способностяхъ и тогда уже признанъ губернскимъ правленіемъ страждущимъ частнымъ помѣшательствомъ;

---

[1]) Руков. къ суд. медицинѣ Каспера (прилож. къ Сборнику соч. по суд. мед. 1873 т. 2), отдѣлъ второй о душевныхъ болѣзняхъ, стр. 322; ср. дѣло Николая Мосолова, который, подвергшись въ 1850 г. освидѣтельствованію, былъ найденъ сумасшедшимъ, но, вопреки заключенію губ. присутствія, не былъ признанъ таковымъ сенатомъ по несоблюденію нѣкоторыхъ формальностей; къ какимъ послѣдствіямъ повело отрицательное рѣшеніе сената, можно видѣть отчасти изъ рѣш. гражд. касс. деп. 1869 № 235.

затѣмъ онъ подвергался вторичному изслѣдованію въ 1851 году, причемъ найденъ былъ помѣшаннымъ на томъ же предметѣ, какъ и въ 1837 году, и только въ ноябрѣ 1852 года состоялся указъ сената объ учрежденіи надъ личностью и имѣніемъ его опеки [1]). Точно также дѣло о помѣщикѣ Шелеховскомъ, начатое въ 1836 году, окончено было только въ пятидесятыхъ годахъ [2]). Куликовъ, страдавшій помѣшательствомъ съ 1852 года, признанъ сумасшедшимъ только въ 1863 году [3]). По словамъ г. Штейнберга, многіе больные свидѣтельствовались разъ 10—14 присутствіемъ губернскаго правленія, иные даже—до 16 разъ, безъ достиженія какихъ-либо опредѣленныхъ результатовъ. Часто случается, что даже предварительное «испытаніе» больнаго, предшествующее формальному его освидѣтельствованію, длится цѣлые годы; такъ въ московской преображенской больницѣ одинъ больной находился въ такомъ положеніи съ 1859 г. по настоящее время [4]). Положеніе испытуемыхъ, по неопредѣленности своей, отражается весьма вредно какъ на нихъ самихъ, такъ и на ихъ семействахъ, а между тѣмъ не только во время испытанія, но и вообще во все время производства дѣла объ опекѣ, личность и имущество больнаго остаются безъ надлежащаго надзора и призрѣнія [5]), такъ что во многихъ случаяхъ опека является уже слишкомъ поздно.

Если еще принять во вниманіе, что примѣненіе установленныхъ закономъ опекунскихъ мѣръ зависитъ отъ доброй воли родственниковъ умалишеннаго, то въ общемъ выводѣ окажется, что нашъ институтъ опеки, при своей крайне-неуклюжей и своеобразной формѣ, вовсе повидимому не предназначенъ ограждать душевно-больныхъ отъ ихъ собственныхъ дѣйствій и имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, состоящее главнымъ образомъ въ обезпеченіи перехода наслѣдствен-

---

[1]) Сборникъ, т. 2, № 612.

[2]) Сборникъ рѣш. прав. сената, т. I, ч. I, № 508.

[3]) «Юридич. Вѣстникъ», 1867—1868, кн. 6, стр. 55.

[4]) Штейнбергъ, 1. с., стр. 231.

[5]) Законъ, правда, предписываетъ губернскимъ правленіямъ принимать «законныя мѣры къ призрѣнію страждущаго и къ сохраненію его имѣнія» (ст. 374) впредь до разрѣшенія дѣла сенатомъ, но въ чемъ состоятъ эти мѣры,—законъ умалчиваетъ; къ тому же во время нахожденія больнаго на «испытаніи» и во все вообще время до признанія помѣшательства губернскимъ правленіемъ не имѣютъ мѣста даже и эти неопредѣленныя мѣры.

наго имущества къ наслѣдникамъ, что также, впрочемъ, достигается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. О какой-либо связи опеки съ вопросомъ о дѣеспособности не можетъ быть, очевидно, и рѣчи при приведенныхъ выше условіяхъ.

Не заботясь, повидимому, нисколько о правильности и быстротѣ производства дѣлъ объ умалишенныхъ, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не обезпечиваетъ послѣднихъ отъ возможныхъ злоупотребленій со стороны родныхъ, такъ какъ отдача кого-либо въ домъ сумасшедшихъ, равно какъ и начатіе дѣла объ учрежденіи надъ кѣмъ-либо опеки, не подчинены никакому контролю со стороны представителей власти и предоставлены вполнѣ усмотрѣнію лицъ, могущихъ имѣть интересъ въ томъ, чтобы упрятать куда-либо человѣка, имущество котораго должно перейти къ нимъ въ случаѣ наложенія опеки. По свидѣтельству людей компетентныхъ, какъ напримѣръ главнаго врача московской преображенской больницы г. Штейнберга, выдача здоровыхъ субъектовъ за помѣшанныхъ, насильственнымъ помѣщеніемъ ихъ въ домъ для умалишенныхъ, несомнѣнно возможна при нынѣшнихъ порядкахъ [1]). У насъ не только не существуетъ по этому предмету никакихъ общихъ законодательныхъ правилъ, въ родѣ французскаго закона 30 іюня 1838 года, но и въ административномъ порядкѣ не установлено у насъ никакого рѣшительно единства между различными лечебными заведеніями относительно условій пріема душевно-больныхъ. Такъ, въ столицахъ принимаютъ психическибольныхъ безъ всякихъ формальностей, тогда какъ въ Кіевѣ, напримѣръ, требовалось до послѣдняго времени предварительное оффиціальное освидѣтельствованіе; за то обратная отдача паціентовъ роднымъ, наперекоръ здравой логикѣ, сопряжена обыкновенно съ разнаго рода затрудненіями [2]).

Резюмируя сказанное, мы приходимъ къ заключенію, что недостатки существующей у насъ системы свидѣтельствованія душевнобольныхъ и опеки надъ ними сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ: 1) дѣла объ опекахъ разсматриваются и рѣшаются не судебными мѣстами, а административными, что со-

---

[1]) Штейнбергъ, I. c. (Руков. къ суд. мед. по Касперу), стр. 326. Ср. «Суд. Вѣстникъ» 1870, № 318 («случай изъ жизни дома умалишенныхъ въ Могилевѣ»).

[2]) Тамъ же, стр. 311, 323.

ставляетъ нарушеніе одного изъ существенныхъ принциповъ современнаго юридическаго порядка; 2) актъ признанія освидѣтельствованныхъ лицъ безумными отдѣленъ, вопреки здравому смыслу, отъ акта освидѣтельствованія и совершается сенатомъ заглазно, на основаніи лишь внѣшнихъ, обыкновенно крайне-обманчивыхъ, данныхъ и безъ знакомства съ матеріальной подкладкой и обстановкой дѣла; 3) больные свидѣтельствуются, хотя чрезъ врачей, но не чрезъ психіатровъ, и затѣмъ признаются помѣшанными или умственно-здоровыми, безъ всякаго уже участія спеціалистовъ, учрежденіемъ, хотя и стоящимъ весьма высоко въ ряду правительственныхъ властей, но во всякомъ случаѣ рѣшительно некомпетентнымъ въ вопросахъ психіатріи; 4) положеніе душевно-больныхъ во время длинной, иногда многолѣтней процедуры констатированія ихъ психическаго разстройства, оказывается совершенно неопредѣленнымъ и ничѣмъ не обезпеченнымъ отъ посягательствъ на ихъ личность и имущество; равнымъ образомъ не существуетъ никакихъ гарантій относительно правильности помѣщенія лицъ въ дома для умалишенныхъ [1]).

Если, не взирая на всѣ особенности этой оригинальной системы и не смотря на молчаніе закона о значеніи ея для вопроса о дѣеспособности душевно-больныхъ, иные изъ нашихъ практиковъ ухитрились однакожъ возвести «актъ оффиціальнаго освидѣтельствованія и признанія» въ *единственное*, обязательное для суда, доказательство сумасшествія, то это показываетъ лишь, какъ смѣла и изобрѣтательна бываетъ подчасъ наша практика, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы свалить на «законъ» часть лежащаго на ней бремени.

---

[1]) Можно бы указать еще на сословный характеръ нашихъ «освидѣтельствованій и признаній»,—что также составляетъ немалый абсурдъ; такъ умалишенные изъ крестьянъ подвергаются опекѣ самими губернскими правленіями безъ представленія сенату (ст. 369, 374). Смотря по состоянію, къ которому принадлежитъ свидѣтельствуемый, измѣняется также составъ присутствія, производящаго освидѣтельствованіе; см. ст. 368, 371, 372 и указъ 26 мая 1869 г. (собр. узак. 1839 г., № 59, ук. 17 іюня).

XII.

Старая судебная практика. — Дѣла Плошековой, Раецкой, Ковалевскаго, Раковицъ и Домбровской. — Кассаціонная практика; разборъ рѣшеній по дѣламъ Карасева, Мосолова и Куликова.

Чтобы уяснить вопросъ о юридической дѣеспособности психически-больныхъ съ точки зрѣнія нашихъ законовъ, мы находимъ цѣлесообразнымъ привести здѣсь и разобрать нѣсколько относящихся къ этому предмету рѣшеній нашихъ судебныхъ мѣстъ.

Въ старой практикѣ нашей не соблюдалось различія, относительно условій оспариванія актовъ вслѣдствіе умственнаго разстройства совершившихъ послѣдніе лицъ, между завѣщаніями и другими юридическими дѣйствіями; какъ тѣ, такъ и другія обсуждались по однимъ и тѣмъ же началамъ и признавались недѣйствительными обыкновенно только въ случаѣ наличности акта оффиціальнаго освидѣтельствованія и признанія. Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду только выяснить отношеніе нашей практики къ институту опеки надъ умалишенными, то мы можемъ пока игнорировать упомянутое различіе, хотя оно и существуетъ въ законѣ.

Укажемъ прежде всего на три однородныхъ рѣшенія, обращающія на себя вниманіе по замѣчательной уклончивости и двойственности ихъ мотивировки.

По дѣлу Плошековой въ 1861 г. сенатъ призналъ, что «свидѣтельство частныхъ лицъ о томъ, что лицо страдало разстройствомъ умственныхъ способностей, *не можетъ имѣть силы*, и что только признаніе лица умственно-страждущимъ указомъ сената, можетъ имѣть означенныя въ законахъ послѣдствія» (т. е. учрежденіе опеки?) [1]).

Ошибочность этого положенія заключается въ томъ, что изъ недостаточности частныхъ свидѣтельствъ *для наложенія опеки* нисколько еще не слѣдуетъ, что они не имѣютъ силы вообще и въ

---

[1]) Любавскій, Юридич. монографіи, Спб. 1867, т. 1, стр. 227.

частности при оспариваніи тѣхъ или другихъ дѣйствій лица; тутъ очевидно смѣшаны двѣ различныя вещи, причемъ смѣшеніе это прикрыто неопредѣленной ссылкой на «означенныя въ законахъ послѣдствія», тогда какъ законъ никакихъ иныхъ послѣдствій, кромѣ учрежденія опеки, не связываетъ съ актомъ сенатскаго признанія.

Болѣе уклончиво высказался государственный совѣтъ въ высочайше утвержденномъ мнѣніи 2 января 1861 г. по дѣлу Раецкой, умственное разстройство которой доказываемо было свидѣтельствами лечившихъ ее медиковъ, а также показаніями предводителя дворянства и 18 мѣстныхъ помѣщиковъ. «Эти свидѣтельства врачей и лицъ, знавшихъ Раецкую», — говорится въ приведенномъ мнѣніи — «*хотя* и не составляютъ по закону положительнаго доказательства тому, что Раецкая дѣйствительно во время составленія духовнаго завѣщанія была въ разстройствѣ ума, *тѣмъ не менѣе* представляютъ достаточно основаній къ *сомнѣнію* о здравомъ умѣ и твердой памяти Раецкой при составленіи завѣщанія» [1]).

Обставляя свою мысль такими оговорками, какъ «хотя», «тѣмъ не менѣе», государственный совѣтъ, очевидно, не рѣшался высказать опредѣленный взглядъ на силу юридическихъ дѣйствій душевно-больнаго, не подвергнутаго опекѣ.

Подобное-же колебаніе замѣтно въ рѣшеніи сената по дѣлу Ковалевскаго. Черниговская гражданская палата, основываясь на словахъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, что Ковалевскій имѣлъ поврежденный разсудокъ, опредѣлила въ 1836 г. оставить завѣщаніе его безъ утвержденія. Сенатъ призналъ это рѣшеніе неправильнымъ въ силу двоякаго рода соображеній: во-первыхъ, потому что «наслѣдники Якова Ковалевскаго о разстройствѣ въ его умственныхъ способностяхъ *своевременно, какъ бы слѣдовало* по силѣ 340 ст. X. т. изд. 1842 г., ни въ какихъ присутственныхъ мѣстахъ не заявляли, и потому имѣніе его, долженствовавшее въ случаѣ обнаруженія въ немъ слабоумія, по установленному порядку поступить, по 346 и 347 ст. того же свода, въ опеку, подвергнуто оной не было».

Судя по смыслу приведеннаго соображенія, можно бы подумать, что, по мнѣнію сената, родственники умалишеннаго *обязаны* о болѣзни его заявлять своевременно подлежащему начальству и что

[1]) Тамъ же, т. 2, стр. 89.

въ противномъ случаѣ они лишаются права оспаривать впослѣдствіи дѣйствительность актовъ, совершенныхъ больнымъ въ состояніи умопомѣшательства; но откуда сенатъ почерпнулъ такой выводъ — неизвѣстно: въ законѣ по крайней мѣрѣ нѣтъ и намека на что-либо подобное.

Не ограничиваясь однако указаніемъ на отсутствіе въ данномъ случаѣ легальнаго освидѣтельствованія и признанія, сенатъ самъ же входитъ вслѣдъ затѣмъ въ оцѣнку психическаго состоянія Ковалевскаго, по поводу ссылки истцовъ на просьбу, поданную имъ въ 1833 г. въ гражданскую палату; по мнѣнію сената, просьба эта «нисколько не доказываетъ отсутствія здраваго разсудка, а напротивъ того, еще болѣе удостовѣряетъ, что онъ, Ковалевскій, былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, ибо онъ этою просьбою, подтверждая о составленномъ имъ актѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ на время жизни своей права свои насчетъ призрѣнія его со стороны Бѣлова (наслѣдника по завѣщанію)» [1]). Такимъ образомъ сенатъ въ одно и тоже время дѣлаетъ съ одной стороны, такъ сказать, отводъ противъ иска законныхъ наслѣдниковъ Ковалевскаго, а съ другой — входитъ въ обсужденіе самого существа дѣла, что, очевидно, нелогично. Надо было остановиться на чемъ либо опредѣленномъ, и сенатъ повидимому затруднился сдѣлать это въ виду отсутствія точнаго на этотъ предметъ закона.

Совершенно другимъ характеромъ отличаются рѣшенія стараго сената по двумъ одинаково замѣчательнымъ и интереснымъ дѣламъ — Раковицъ и Домбровской. Рѣшенія эта, по силѣ и логичности положенной въ ихъ основаніе аргументаціи, заслуживаютъ особеннаго вниманія съ нашей стороны; въ частности по дѣлу Домбровской сенатъ какъ нельзя яснѣе и убѣдительнѣе выразилъ тотъ именно взглядъ, который мы считаемъ единственно вѣрнымъ и основательнымъ.

Дѣло Раковицъ любопытно въ томъ отношеніи, что оно выдвигаетъ на первый планъ требованіе здраваго ума, какъ условія юридической дѣеспособности, по отношенію ко всѣмъ вообще юридическимъ актамъ, хотя бы совершаемымъ крѣпостнымъ порядкомъ, каковы напримѣръ купчія крѣпости. Дворянка Зоица Раковицъ вы-

---

[1]) Сборникъ рѣше[redacted] правит. сената, Спб. 1864, т. 1, ч. 1, № 134 (1844 г.).

дала Петру Доничу довѣренность на продажу ея имѣнія; на основаніи этой довѣренности Доничъ продалъ вотчину Гоянъ нѣкоему Прибыльскому. При совершеніи купчей гражданская палата, въ виду нѣкоторыхъ имѣвшихся въ дѣлѣ данныхъ, усомнилась въ дѣеспособности Раковицъ и въ силѣ совершенной отъ ея имени довѣренности; дознаніе, произведенное затѣмъ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ, оправдало сомнѣніе палаты. Вслѣдствіе этого гражданскій судъ заключилъ, что, «какъ обстоятельствами настоящаго дѣла и въ особенности актомъ, составленнымъ областнымъ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ (дѣло было въ Бессарабіи) при бытности понятыхъ, обнаруживается, что у дворянки З. Раковицъ недостаетъ твердой памяти и здраваго разсудка и что она отъ старости лѣтъ совершенно выжила изъ ума и отъ нея нельзя ничего добиться положительнаго и твердаго, то посему, за силою 624 ст. изд. 1842 г., судъ, и нынѣ признавая невозможнымъ приступить къ совершенію купчей крѣпости на проданную Доничемъ, по довѣренности ея, Прибыльскому вотчину Гоянъ, полагаетъ учинить зависящее распоряженіе объ освидѣтельствованіи З. Раковицъ въ умственныхъ способностяхъ на точномъ основаніи ст. 340 т. X изд. 1842 г.» Это послѣднее распоряженіе суда было, очевидно, незаконно, ибо, какъ указало справедливо областное правленіе, «по приведенной гражданскимъ судомъ статьѣ закона подвергаются освидѣтельствованію только тѣ лица, о сумасшествіи или безуміи коихъ послѣдуютъ объявленія отъ ихъ семейства, чего изъ постановленія гражданскаго суда не видно.» Съ областнымъ правленіемъ согласился, конечно, и сенатъ, который, впрочемъ, по жалобамъ сторонъ отмѣнилъ рѣшеніе суда и въ остальныхъ частяхъ; общее же собраніе сената рѣшило спорный вопросъ согласно съ мѣстнымъ судомъ. Общее собраніе нашло, что «судъ, усматривая, что З. Раковицъ вслѣдствіе глубокой старости не имѣетъ памяти и возбуждаетъ сомнѣніе насчетъ твердости разсудка, обязанъ былъ отъ имени такого лица никакихъ актовъ не совершать, а потому весьма правильно отказалъ Доничу и Прибыльскому въ совершеніи купчей крѣпости», такъ какъ «законъ не только запрещаетъ писать и совершать акты отъ имени безумныхъ (ст. 770 ч. I т. X), но требуетъ также, чтобы лица, приступающія къ совершенію актовъ, были въ умѣ и памяти (809 п. 2)» [1]).

[1]) Сборникъ рѣшеній, т. 1, ч. I, № 719.

Второе изъ упомянутыхъ выше дѣлъ, дѣло Домбровской, имѣетъ болѣе непосредственное отношеніе къ занимающему насъ предмету. Наслѣдники помѣщицы Домбровской оспаривали силу выданныхъ ея повѣреннымъ (мужемъ) заемныхъ писемъ на томъ основаніи, что она страдала умопомѣшательствомъ. Низшія инстанціи не допускали спора; сенатъ же и общее собраніе признали Д. сумасшедшею (послѣ ея смерти). Общее собраніе находило, что разстройство умственныхъ способностей Люцинды Домбровской, во время совершенія отъ ея имени довѣренности, на основаніи которой мужемъ ея выданы оспариваемыя заемныя письма,—положительно доказывается произведеннымъ по дѣлу слѣдствіемъ, при которомъ четыре сосѣднихъ съ имѣніемъ ея помѣщика, 12 бывшихъ ея крестьянъ и три дворовыхъ человѣка, равно какъ и приходскій священникъ и лечившій ее медикъ, показали, что Домбровская была сумасшедшая. «Такія положительныя удостовѣренія»,— продолжаетъ общее собраніе,—«не могутъ оставлять никакого сомнѣнія въ дѣйствительности нахожденія Домбровской въ состояніи умопомѣшательства во время совершенія отъ ея имени въ 1851 г. довѣренности. Хотя же Люцинда Домбровская при жизни своей не была подвергнута освидѣтельствованію въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 368 т. X ч. I, но обстоятельство это, при существованіи положительныхъ доказательствъ о сумасшествіи ея, не можетъ лишать судебныя мѣста права признать, что она находилась въ такомъ состояніи, потому что въ законахъ нигдѣ не выражено, чтобы освидѣтельствованіе чрезъ губернское правленіе составляло единственное доказательство сумасшествія и чтобы послѣ смерти лица, неподвергнутаго таковому освидѣтельствованію, наслѣдники его, въ огражденіе правъ своихъ, лишены были возможности доказывать состояніе умственныхъ его способностей. Напротивъ того, изъ соображенія 367 и послѣдующихъ статей законовъ гражданскихъ обнаруживается, что освидѣтельствованіе въ установленномъ тѣми статьями порядкѣ, производимое въ случаѣ предъявленія о томъ ходатайства отъ семейства, въ коемъ находится безумный или сумасшедшій, требуется закономъ *лишь для учрежденія надъ имуществомъ его опеки и принятія мѣръ относительно личности его.* При обсужденіи же силы и дѣйствительности актовъ, выданныхъ лицомъ, наслѣдники котораго доказываютъ нахожденіе его въ состояніи умопомѣшательства, судъ долженъ руководствоваться законами, опредѣляющими, какія доказа-

тельства принимаются въ спорахъ по дѣламъ гражданскимъ; а въ числѣ таковыхъ доказательствъ пріемлются и показанія свидѣтелей»... [1]). Выразить сущность дѣла лучше и точнѣе, чѣмъ какъ это сдѣлано сенатомъ въ приведенномъ рѣшеніи, было бы трудно; поэтому намъ не остается ничего прибавить здѣсь къ доводамъ сената, — доводамъ, столь яснымъ и простымъ, что игнорированіе или непониманіе ихъ представляется, повидимому, совершенно невозможнымъ.

Казалось бы, что недоразумѣнія, существовавшія еще въ старой практикѣ относительно дѣеспособности душевно-больныхъ, должны были-бы разсѣяться съ установленіемъ новой кассаціонной практики, направленной по существу своему къ охраненію неприкосновенности закона отъ всякихъ произвольныхъ толкованій, напр. такихъ, какъ тѣ, которымъ подверглись наши законы объ опекѣ надъ безумными и сумасшедшими.

Между прочимъ, относительно завѣщаній сенатъ сразу сталъ на ту точку зрѣнія, которая проведена въ изложенномъ выше рѣшеніи по дѣлу Домбровской. Такъ, по дѣлу Карасева московская судебная палата не допускала спора по поводу умственнаго разстройства завѣщателя, на томъ основаніи, что формальнаго освидѣтельствованія въ данномъ случаѣ не было; кассаціонное-же рѣшеніе по этому дѣлу (1868, № 331) признаетъ, что дѣйствительность завѣщанія, оставленнаго душевно-больнымъ, можетъ быть оспариваема свидѣтельскими показаніями, хотя-бы при жизни не было оффиціальнаго признанія безумнымъ или сумасшедшимъ, ибо «тотъ фактъ, что завѣщатель былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти, удостовѣряется ничѣмъ инымъ какъ показаніями подписавшихся подъ завѣщаніемъ свидѣтелей», почему допускается и опроверженіе этого факта свидѣтельскими показаніями (ст 409 уст. гр. суд.) [2]). Такъ какъ при совершеніи другихъ юридическихъ актовъ никакого особаго удостовѣренія о здравомъ умѣ контрагентовъ не полагается, то очевидно, относительно этихъ актовъ право оспаривать, посредствомъ свидѣтелей, ихъ дѣйствительность, вслѣдствіе душевной болѣзни одного изъ участвовавшихъ въ нихъ совер-

---

[1]) Журн. Мин. Юстиціи, 1866, № 4, стр. 320 и сл.

[2]) Рѣш. гр. кассац. деп., 1868, т. 1, стр. 710.

мнѣніи лицъ, не можетъ уже навѣрное подлежать какимъ-либо ограниченіямъ; если же правоспособность субъекта удостовѣряется нотаріусомъ [1]) или какимъ-либо другимъ должностнымъ лицомъ или присутственнымъ мѣстомъ, то такое удостовѣреніе имѣетъ не больше значенія, чѣмъ свидѣтельство какого-либо частнаго лица, ибо нотаріусъ напр. не считается по закону болѣе кого-либо иного компетентнымъ въ вопросахъ психіатріи [2]). Однако изъ приведеннаго соображенія сената можно-бы вывести также совершенно другого рода заключеніе, — именно, что наличность свидѣтельскихъ показаній, подтверждающихъ присутствіе здраваго ума въ завѣщателѣ, не только не обезпечиваетъ прочности завѣщательнаго акта, но даже открываетъ путь къ оспариванію его, — путь, закрытый по отношенію къ другимъ актамъ и сдѣлкамъ, совершаемымъ безъ подобныхъ свидѣтельствъ; но этотъ взглядъ могъ-бы считаться вѣрнымъ только въ томъ случаѣ, еслибъ по нашимъ законамъ присутствіе здраваго ума требовалось при составленіи однихъ лишь завѣщаній и не составляло-бы общаго условія, одинаково необходимаго при совершеніи какихъ-бы то ни было юридическихъ дѣйствій. Къ сожалѣнію, какъ ни нелогичнымъ является подобный выводъ, онъ однакожъ сдѣланъ былъ впослѣдствіи — и отчасти самимъ сенатомъ.

При разсмотрѣніи дѣла Мосоловыхъ въ кассаціонномъ департаментѣ, товарищъ оберъ-прокурора Бэръ, по поводу ссылки кассатора на дѣло Карасева, объяснилъ, что «правительствующій сенатъ, именно въ тѣхъ видахъ, что умопомѣшательство и безуміе можетъ быть доказываемо *только* (!) формальнымъ освидѣтельствованіемъ при жизни лица, сдѣлалъ *исключеніе* изъ этого правила относительно духовныхъ завѣщаній, потому что законъ требуетъ отъ завѣщателя здраваго ума и твердой памяти и дозволяетъ доказывать такое положеніе его свидѣтельскими показаніями...» [3]). Въ словахъ г. Бэра,

---

[1]) Полож. о нот. части, ст. 83.

[2]) Ср. замѣчаніе Коха: «Судебная или нотаріальная форма сборнаго акта нисколько не исключаетъ спора, ибо дѣло идетъ здѣсь не о подлинности акта, а объ объективной вѣрности выраженнаго въ немъ мнѣнія должностнаго лица о предметѣ, котораго оно (т. е. лицо) не обязано знать по закону». *Koch*, Allgem. Landrecht, I Th. IV tit. прим. къ § 24 (п. 36).

[3]) «Судебный Вѣстникъ», 1869, № 54, засѣд. гражд. кассац. деп. по дѣлу Мосоловыхъ (6 марта).

скрѣпленныхъ послѣдовавшимъ затѣмъ рѣшеніемъ сената, есть доля правды, но весьма незначительная. Между завѣщаніями и другими актами дѣйствительно существуетъ разница относительно условій оспариванія ихъ, но совсѣмъ не та, на которую указываетъ г. Бэръ. Что въ рѣшеніи по дѣлу Карасева сенатъ будто-бы сдѣлалъ лишь для завѣщаній изъятіе изъ общаго правила, не позволяющаго будтобы доказывать умопомѣшательство лица, не подвергнутаго освидѣтельствованію и опекѣ,—это положительно опровергается тѣми мотивами и соображеніями, на которыхъ основано упомянутое рѣшеніе, и вообще прямымъ смысломъ этого послѣдняго. Въ этомъ рѣшеніи сенатъ указываетъ на то, что «ни въ 1017, ни въ какой-либо другой статьѣ не сказано, чтобы завѣщанія такихъ (душевно-больныхъ) лицъ были недѣйствительны въ томъ только случаѣ, когда они признаны безумными, сумасшедшими или умалишенными въ порядкѣ, установленномъ статьями 368 и 373—378; съ другой стороны, какъ законъ не обязываетъ непремѣнно представлять къ освидѣтельствованію всякаго безумнаго, сумасшедшаго или умалишеннаго, а напротивъ, оставляетъ это на волю семейства больныхъ (ст. 367), вслѣдствіе чего многіе изъ безумныхъ и сумасшедшихъ могутъ не быть представляемы и дѣйствительно не представляются къ освидѣтельствованію, то съ допущеніемъ вышеприведеннаго разсужденія палаты слѣдовало-бы такихъ безумныхъ и сумасшедшихъ, какъ формально непризнанныхъ страждущими умственнымъ разстройствомъ, считать не ограниченными по закону въ правѣ распоряжаться имуществомъ на случай смерти»... Очевидно,—прибавляетъ сенатъ,—что это явно противорѣчило-бы 1017 ст. X т. 1 ч., по которой завѣщанія безумныхъ и сумасшедшихъ безусловно недѣйствительны [1]). Изъ этихъ словъ сената несомнѣнно вытекаетъ выводъ, что также точно недопущеніе спора противъ какихъ-либо другихъ дѣйствій душевно-больныхъ, не освидѣтельствованныхъ оффиціально, составляло-бы очевидное нарушеніе статьи 770, безусловно запрещающей совершать какіе-либо акты отъ имени безумныхъ и сумасшедшихъ.

Приведенныя только-что соображенія сената, высказанныя по поводу дѣла Карасева, относятся, очевидно, не къ однимъ только завѣщаніямъ, но и ко всѣмъ вообще юридическимъ актамъ, заклю-

---

[1]) Рѣш. № 331, стр. 709.

чал въ себѣ общій взглядъ сената на значеніе оффиціальнаго свидѣтельствованія психически-больныхъ по нашимъ законамъ.

Впослѣдствіи сенатъ, какъ мы видѣли, отступилъ отъ этого вполнѣ вѣрнаго взгляда по отношенію къ вопросу о дѣеспособности душевно-больныхъ вообще, отдѣливъ такимъ образомъ завѣщанія отъ другихъ юридическихъ актовъ. Въ дѣлѣ Коняева съ Будаевскимъ (1869, № 19) сенатъ нашелъ, что тверской мировой съѣздъ призналъ недѣйствительною продажу Будаевскимъ своей кареты Коняеву на томъ основаніи, что послѣдній находился въ умопомѣшательствѣ, причемъ объ этомъ фактѣ съѣздъ заключилъ изъ свидѣтельскихъ показаній. По мнѣнію сената, «лицо, непризнанное безумнымъ или сумасшедшимъ подлежащею правительственною властью, не можетъ быть стѣсняемо въ правѣ распоряжаться своимъ имуществомъ; посему съѣздъ не имѣлъ права входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, былъ-ли дѣйствительно Коняевъ безумнымъ, и, заключивъ объ умопомѣшательствѣ Коняева изъ свидѣтельскихъ показаній, въ то время, когда Коняевъ еще не былъ освидѣтельствованъ въ умственныхъ способностяхъ чрезъ надлежащія присутственныя мѣста и не признанъ правительствующимъ сенатомъ въ умопомѣшательствѣ, тверской мировой съѣздъ нарушилъ тѣмъ самымъ статьи 368, 376 и 1383» [1]). Повидимому сенатъ упустилъ здѣсь изъ виду то, что имъ же разъяснено было по дѣлу Карасева: такъ какъ освидѣтельствованіе у насъ не обязательно, то выходитъ, что, по мнѣнію сената, законъ въ сущности признаетъ умалишенныхъ дѣеспособными въ юридическомъ смыслѣ, такъ-что совершаемые ими акты должны имѣть полную силу, хотя бы умопомѣшательство ихъ не подлежало сомнѣнію, — выводъ, очевидно ни съ чѣмъ не сообразный и противорѣчащій не только основнымъ началамъ права, но и простому здравому смыслу.

При такомъ пониманіи закона необходимо было, конечно, придумать какой нибудь способъ обойти вытекающія отсюда для практики явныя несообразности и затрудненія; такой способъ указанъ отчасти въ состоявшемся въ томъ же 1869 г. рѣшеніи по дѣлу Мосоловыхъ. По этому дѣлу сенатъ, между прочимъ, коснулся мимоходомъ вопроса о юридическомъ значеніи опеки надъ умалишенными, причемъ

---

[1]) Рѣш. гражд. кассац. деп. 1869, т. 1, стр. 54.

высказалъ объ этомъ предметѣ нѣкоторыя мысли, заслуживающія съ вашей стороны особеннаго вниманія. «Для освидѣтельствованія лицъ, одержимыхъ душевною болѣзнью, и для учрежденія надъ ними опеки,» — говоритъ сенатъ, — «установленъ законный порядокъ, указанный въ 373 и послѣдующихъ статьяхъ I ч. X т. Симъ порядкомъ удостовѣряется общая неправоспособность сихъ лицъ къ совершенію гражданскихъ актовъ и къ распоряженію имуществомъ, такъ что со времени признанія ихъ въ семъ состояніи оно уже законно предполагается существующимъ и не требуетъ особаго на каждый случай удостовѣренія, но *всѣ акты, лично совершаемые въ семъ состояніи, признаются по закону недѣйствительными*».

Къ сожалѣнію, сенатъ не указываетъ здѣсь того закона, въ которомъ выражено приведенное начало; это было бы тѣмъ болѣе необходимо, что въ I ч. X т. подобнаго закона не существуетъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что такія вещи, какъ безусловная интердикція, о которой говоритъ сенатъ, не могутъ никакимъ образомъ предполагаться сами собою и не могутъ быть сочиняемы практикой, если онѣ положительно не установлены закономъ; да и въ послѣднемъ случаѣ постановленіе закона подлежитъ возможно осторожному, ограничительному толкованію. Поэтому мнѣніе сената объ «общей неправоспособности» лицъ, признанныхъ оффиціально душевно-больными, кажется намъ ужъ черезчуръ смѣлымъ; устанавливать подобныя неизвѣстныя закону общія ограниченія и правила, — значитъ уже выходить за предѣлы судебной интерпретаціи и вторгаться въ сферу законодательной дѣятельности, что разумѣется, не можетъ считаться умѣстнымъ со стороны учрежденія, призваннаго охранять точный смыслъ закона отъ всякаго рода нарушеній и произвольныхъ толкованій.

«Независимо отъ сего общаго, формально удостовѣряемаго состоянія неправоспособности,» — продолжаетъ сенатъ, — «законъ допускаетъ возможность *временнаго или случайнаго, отъ различныхъ причинъ, отсутствія свободной воли* и сознанія въ минуту совершенія акта въ лицѣ, которое въ ономъ участвовало, и по сему поводу актъ, въ силу 700 и 701 ст. I ч. X т., можетъ быть признанъ недѣйствительнымъ, но для сего надлежитъ, буде не было признанной общей неправоспособности сего лица, доказать, что оно именно въ минуту совершенія акта лишено было вышеупомянутыхъ качествъ, съ отсутствіемъ коихъ несовмѣстно вступленіе акта въ законную силу;

въ настоящемъ же дѣлѣ отвѣтчики опровергали обязательство Николая Мосолова, въ іюнѣ 1851 г. выданное, не особыми обстоятельствами, которыми выдача его сопровождалась, и не сими обстоятельствами доказывали отсутствіе воли и сознанія въ лицѣ Николая Мосолова, но ссылались на общую его неправоспособность, доказывая, что она, бывъ признана Высочайшимъ повелѣніемъ въ 1856 г., должна быть предполагаема и въ 1851 г., въ силу освидѣтельствованія, Николаю Мосолову въ 1850 г. произведеннаго» [1]).

Не трудно замѣтить, что такая аргументація мало помогаетъ дѣлу: примѣнять къ дѣйствіямъ сумасшедшихъ статьи 700 и 701 и допускать оспариваніе этихъ дѣйстві только въ случаѣ отсутствія воли и сознанія въ моментъ совершенія ихъ — значитъ опять-таки въ принципѣ признавать умалишенныхъ вполнѣ дѣеспособными, что видно и изъ дѣла Мосолова, обязательства котораго были признаны дѣйствительными не смотря на то, что еще до выдачи ихъ онъ былъ найденъ сумасшедшимъ по освидѣтельствованіи въ присутствіи губернскаго правленія. Состояніе душевной болѣзни и отсутствіе сознанія и воли — двѣ вещи разныя, и смѣшивать ихъ между собою — значитъ не понимать природы психическаго разстройства; притомъ же на практикѣ констатированіе такого или иного душевнаго состоянія сумасшедшаго *въ минуту* совершенія спорнаго акта должно въ большинствѣ случаевъ оказываться рѣшительно невозможнымъ, особенно по прошествіи болѣе или менѣе значительнаго промежутка времени, какъ это имѣло мѣсто напр. въ дѣлѣ Мосоловыхъ. Несостоятельность взгляда, высказаннаго сенатомъ по поводу этого дѣла, не могла, конечно, не обнаружиться на практикѣ, и въ концѣ концовъ сенату пришлось все-таки допустить возможность оспариванія юридическихъ дѣйствій сумасшедшаго уже не по одному только предполагаемому отсутствію воли и сознанія въ моментъ совершенія ихъ, но также и вслѣдствіе нахожденія лица въ состояніи общаго психическаго разстройства въ періодъ, къ которому относятся спорные акты.

Въ этомъ отношеніи поворотнымъ пунктомъ кассаціонной практики служатъ рѣшенія по дѣламъ Куликова (1870, № 1680 и 1886) [2]).

---

[1]) Рѣшенія гражд. касс. деп. 1869 г., т. I, стр. 526.

[2]) Въ рѣшеніи по дѣлу князя Грузинскаго (1870—878) высказывается еще старый взглядъ: между прочимъ сенатъ нашелъ, что «московская судебная палата

Поручикъ Куликовъ былъ по указанію своихъ родныхъ освидѣтельствованъ въ 1863 году и признанъ сумасшедшимъ въ концѣ того-же года; московская судебная палата допустила споръ противъ заемныхъ писемъ, выданныхъ имъ еще въ 1862 г., равно какъ и противъ счета, подписаннаго имъ въ февралѣ 1863, причемъ, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, пришла къ заключенію, что Куликовъ и прежде былъ сумасшедшій, вслѣдствіе чего оспариваемые его наслѣдниками документы были признаны палатой недѣйствительными. Сенатъ призналъ это рѣшеніе правильнымъ, «ибо палата не на томъ одномъ основала свое заключеніе о недѣйствительности счета, подписаннаго Куликовымъ, что онъ признанъ впослѣдствіи умалишеннымъ, но на изслѣдованіи о болѣзненномъ состояніи Куликова за все то время, къ коему спорный счетъ относится» [1]). Еще яснѣе выражена та-же мысль во второмъ рѣшеніи—по дѣлу Куликовыхъ съ Соколовымъ (№ 1886); въ этомъ рѣшеніи сказано, что «палата допрашивала свидѣтелей не въ опроверженіе содержанія заемныхъ писемъ, противъ чего наслѣдники Куликова не спорили, а для разъясненія лишь того обстоятельства, *обладалъ-ли Куликовъ при выдачѣ тѣхъ заемныхъ писемъ здравымъ разсудкомъ* и не находился-ли въ такомъ состояніи, при которомъ по закону лицо не можетъ считаться правоспособнымъ къ совершенію гражданскихъ сдѣлокъ; законъ же не воспрещаетъ допускать свидѣтельскія показанія въ разъясненіе событій, предшествовавшихъ совершенію сдѣлки или сопровождавшихъ оное, независимо отъ того, какимъ порядкомъ совершена сдѣлка, въ формѣ-ли домашняго, крѣпостнаго или нотаріальнаго акта». При этомъ сенатъ ссылается на свое рѣшеніе по дѣлу Мосоловыхъ, замѣняя однако употребленное въ послѣднемъ выраженіе «временное отсутствіе сознанія и воли» словомъ «помѣшательство»: «существова-

---

неправильно примѣнила къ сему дѣлу 770 ст. ч. I т. X», такъ какъ «безумными или сумасшедшими, по смыслу 365 и 366 ст., признаются неимѣющіе здраваго разсудка съ младенчества или лишившіеся его отъ случайныхъ причинъ и *признанные въ семъ состояніи, согласно 368 и 374 ст., по надлежащемъ освидѣтельствованіи*». Подчеркнутая нами прибавка совершенно произвольна; такъ-же произвольно выраженное затѣмъ мнѣніе сената, что «доказательствомъ состоянія сумасшествія служитъ актъ освидѣтельствованія и признанія, но свидѣтельство частнаго врача къ сему недостаточно». (Рѣш. гр. к. деп. 1870, т. I, стр. 1474). Въ такомъ-же духѣ рѣш. 1873, № 1139.

[1]) Рѣш. гражд. кас. деп. 1870 т. 2, стр. 2742.

мѣ же сего послѣдняго событія т. е. временнаго или случайнаго *помѣшательства* можетъ быть доказываемо по закону и помимо формальныхъ письменныхъ документовъ свидѣтельскими показаніями и другими обстоятельствами дѣла» [1]).

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что взглядъ, усвоенный новѣйшей кассаціонной практикой относительно дѣеспособности душевно-больныхъ, отнимаетъ практическую важность у того основнаго недоразумѣнія, которое, какъ красная нить, проходитъ черезъ всѣ почти касающіяся этого вопроса рѣшенія нашихъ судебныхъ мѣстъ,—недоразумѣнія, состоящаго, какъ мы видѣли, въ томъ, что вопросъ о дѣеспособности смѣшиваютъ у насъ, безъ всякаго къ тому основанія, съ вопросомъ объ опекѣ. Понятно между тѣмъ, что это недоразумѣніе во всякомъ случаѣ влечетъ за собой невыгодныя для практики послѣдствія: съ одной стороны, съ опекой соединяютъ у насъ понятіе о безусловной интердикціи, хотя законъ не даетъ на это никакого права, такъ что въ этомъ отношеніи нарушается, въ ущербъ подвергнутымъ опекѣ лицамъ, одно изъ элементарнѣйшихъ правилъ толкованія и примѣненія законовъ; съ другой стороны, устанавливая неизвѣстное закону различіе между «временнымъ или случайнымъ помѣшательствомъ» и другими видами душевныхъ болѣзней, сенатская практика по прежнему придерживается того взгляда, что безуміе и сумасшествіе въ собственномъ смыслѣ нуждаются въ оффиціальномъ признаніи со стороны правительства для того, чтобы имѣть присвоенное имъ юридическое значеніе, тогда какъ законъ, не придавая свидѣтельствованію душевно-больныхъ характера общеобязательной мѣры, уже по тому самому не ставитъ и не могъ очевидно ставить юридическое дѣйствіе умопомѣшательства въ какую-либо зависимость отъ принятія или непринятія мѣръ, установленныхъ закономъ для учрежденія надъ умалишеннымъ опеки по желанію его родныхъ. Короче говоря, душевно-больные, подвергнутые опекѣ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 3079, 3080. Для контраста укажемъ здѣсь на рѣшеніе московскаго окружнаго суда по дѣлу Патрикѣева съ Куликовымъ (см. «Юрид. Вѣстникъ» 1867—8, кн. 6, стр. 55 и сл.). По поводу этого рѣшенія, г. Н. К. замѣчаетъ, что свидѣтельскія показанія объ умственномъ разстройствѣ Куликова «*очевидно* не могли имѣть *никакого* значенія предъ судомъ, обязаннымъ руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ по этому предмету *лишь* оффиціальнымъ признаніемъ сумасшествія». Откуда берется такая увѣренность и оригинальность сужденія,—понять трудно.

оказываются на практикѣ въ *худшемъ* и въ болѣе стѣсненномъ (въ юридическомъ смыслѣ) положеніи, чѣмъ въ какое ихъ ставитъ законъ, между тѣмъ какъ безумныхъ и сумасшедшихъ, свободныхъ отъ опеки, практика какъ-будто освобождаетъ отъ общихъ, несомнѣнно относящихся къ нимъ, ограниченій, создавая для нихъ гораздо лучшія и болѣе благопріятныя условія, чѣмъ тѣ, въ которыя они поставлены закономъ. Къ тому же, относительно этой послѣдней стороны вопроса, взглядъ сената совершенно не логиченъ и не практиченъ: если «временное помѣшательство» можетъ быть доказываемо помимо оффиціальнаго признанія, то, очевидно, тѣмъ болѣе возможно и необходимо это относительно общаго, хроническаго безумія или сумасшествія, такъ какъ въ этой послѣдней формѣ заключается уже и «временное помѣшательство», какъ составная часть. Иначе выходило бы, что меньшая причина даетъ возможность оспаривать акты лица и слѣдовательно лишаетъ его дѣеспособности, а большая—нѣтъ.

Что въ сущности дѣло тутъ только въ словахъ и что понятіе «временнаго помѣшательства» выдумано только для замѣны употребляемыхъ въ законѣ терминовъ, съ цѣлью найти приличный выходъ изъ затрудненій, созданныхъ самимъ же сенатомъ,—можно видѣть и изъ приведенныхъ выше рѣшеній по дѣламъ Куликовыхъ. Въ этихъ рѣшеніяхъ понятіе «*временнаго или случайнаго* помѣшательства» примѣнено къ болѣзни, продолжавшейся по меньшей мѣрѣ лѣтъ десять (съ 1852) и получившей оффиціальное признаніе подъ именемъ «сумасшествія». Какой же смыслъ имѣетъ, послѣ этого, установленное сенатомъ различіе между приведенными терминами? Ясно, что это фиктивное различіе должно было послужить только прикрытіемъ къ отступленію отъ прежняго взгляда, оказавшагося несостоятельнымъ.

Придумывая подобные обходы для устраненія своихъ-же собственныхъ ошибокъ и недоразумѣній, сенатская практика, быть можетъ, грѣшитъ противъ своей высокой задачи, которую она въ другихъ случаяхъ выполняетъ съ такой неуклонной энергіей, не останавливающеюся ни предъ какими, могущими компрометировать ее, противорѣчіями.

Можно, впрочемъ, полагать, что со временемъ сенатъ дастъ иное болѣе правильное направленіе принятой имъ свободѣ толкованія и послѣдуетъ въ этомъ отношеніи примѣру юридической практики въ другихъ государствахъ.

XIII.

Мнѣнія юристовъ-теоретиковъ. — Мейеръ и Побѣдоносцевъ. — Теорія легальныхъ предположеній. — Вліяніе опеки на дѣеспособность по нашимъ законамъ.—Мѣстные законы Остзейскаго края и Ц. Польскаго.

Переходя къ разбору и оцѣнкѣ дѣйствующихъ у насъ законовъ о безумныхъ и сумасшедшихъ, мы должны прежде всего замѣтить, что, по отношенію къ разсматриваемому нами вопросу, вполнѣ солидарными съ судебной практикой являются наши ученые юристы-теоретики, которые своими толкованіями не мало содѣйствовали установленію тѣхъ ошибочныхъ взглядовъ, на которые мы указали выше.

Мейеръ напр., разсуждая объ этомъ предметѣ въ своемъ курсѣ, проводитъ съ самой строгой послѣдовательностью теорію безусловной интердикціи, причемъ вноситъ эту теорію въ наше законодательство съ такимъ видомъ, какъ-будто о какомъ-либо иномъ взглядѣ не можетъ быть у насъ и рѣчи. «Само собою умопомѣшательство»,— говоритъ онъ,—«не ведетъ къ ограниченію гражданской дѣятельности помѣшаннаго лица, а требуется признаніе умопомѣшательства со стороны правительства, признаніе, опирающееся, конечно, на какое-либо основаніе; у насъ такимъ основаніемъ служитъ освидѣтельствованіе умственныхъ способностей лица, объявляемаго помѣшаннымъ». [1]) Какъ юридическія послѣдствія сумасшествія, —говорится въ другомъ мѣстѣ,— предполагаютъ оффиціальное признаніе сумасшествія, такъ и отмѣна этихъ послѣдствій предполагаетъ оффиціальное признаніе помѣшаннаго выздоровѣвшимъ [2]).

Говоря въ частности о завѣщаніяхъ, Мейеръ замѣчаетъ, что «объективнымъ масштабомъ для опредѣленія умопомѣшательства служитъ оффиціальное признаніе лица помѣшаннымъ, такъ что, *по отношенію ко всѣмъ другимъ гражданскимъ актамъ лица (кромѣ завѣщаній), ихъ дѣйствительность или недѣйствительность опредѣ-*

---

[1]) Мейеръ, Русское гражд. право, Спб. 1868, стр. 66.
[2]) Тамъ-же, стр. 68.

лется смотря по тому, составлено-ли оно до признанія лица помѣшаннымъ или уже послѣ признанія; но *вѣроятно* по соображенію, что духовныя завѣщанія пишутся нерѣдко въ предсмертныя минуты, когда физическія и умственныя силы лица находятся уже въ крайнемъ изнеможеніи, наша *практика* (а законъ?), и не взирая отъ оффиціальнаго признанія лица помѣшаннымъ, *допускаетъ* споръ противъ дѣйствительности духовнаго завѣщанія, какъ составленнаго не въ здравомъ умѣ, а какъ скоро разстройство умственныхъ силъ завѣщателя въ минуту составленія завѣщанія доказывается, *практика* признаетъ завѣщаніе недѣйствительнымъ» [1]).

Такого рода неопредѣленныя объясненія, не имѣющія опоры въ положительномъ законодательствѣ, могли только затемнить дѣло въ глазахъ слушателей и читателей Мейера. Подобныхъ-же неопредѣленныхъ воззрѣній придерживается повидимому и г. Побѣдоносцевъ [2]).

Чтобы придти къ правильному разрѣшенію вопроса объ отношеніи института опеки къ вопросу о дѣеспособности душевно-больныхъ по нашимъ законамъ, необходимо между прочимъ имѣть въ виду характеръ и значеніе *легальныхъ предположеній* вообще.

Отношеніе опеки къ дѣеспособности можетъ быть двоякое: отрицательное, когда дѣло идетъ о дѣеспособности душевно-больныхъ, не подвергнутыхъ опекѣ, и положительное, касающееся вліянія опеки на дѣеспособность подопечныхъ.

Поэтому и связанныя съ опекой законныя предположенія могутъ быть *двоякаго рода*: во-первыхъ, предположеніе полнаго психическаго здоровья и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣеспособности относительно всѣхъ тѣхъ, кто не подвергнутъ опекѣ, хотя-бы существовали несомнѣнныя доказательства ихъ умопомѣшательства, и во вторыхъ, предположеніе безусловной неспособности къ юридическимъ дѣйствіямъ относительно лицъ, состоящихъ подъ опекою.

Перваго рода предположеніе имѣетъ тотъ смыслъ, что законъ, возлагая на заинтересованныхъ лицъ, равно какъ и на представителей власти, *обязанность* заботиться о подчиненіи всѣхъ вообще душевно-больныхъ опекѣ, признаетъ умалишенными *только* тѣхъ,

---

[1]) Мейеръ, стр. 634.

[2]) Побѣдоносцевъ, Курсъ гр. права, ч. II, стр, 452 и др.

которые признаны таковыми оффиціально, и не придаетъ юридическаго значенія умственному разстройству, не признанному въ установленномъ для наложенія опеки порядкѣ. Это начало, выраженное съ наибольшею ясностью въ кодексѣ австрійскомъ, находится, очевидно, въ неразрывной логической связи съ системой обязательной интердикціи; практическое значеніе его состоитъ въ томъ, что при оспариваніи дѣйствій душевно-больныхъ, не находящихся подъ опекой, слѣдуетъ доказывать не фактъ умопомѣшательства вообще въ данный періодъ времени, — такъ какъ самъ по себѣ этотъ фактъ, не признанный надлежащею властью, не влечетъ за собою никакихъ юридическихъ послѣдствій, — а только фактъ умственнаго разстройства въ самый моментъ совершенія спорнаго акта, согласно тому юридическому началу, которое силу всѣхъ вообще актовъ ставитъ въ зависимость отъ наличности въ контрагентахъ сознательной юридической воли. [1]) Другими словами, предположеніе, о которомъ идетъ рѣчь, не имѣетъ безусловнаго характера и видоизмѣняетъ лишь задачу спорщика, ставя вопросъ на болѣе общую и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе тѣсную для спора почву. Въ такой формѣ предположеніе это существуетъ, какъ мы видѣли, въ тѣхъ законодательствахъ, которыя придерживаются французской системы; по нашимъ-же законамъ оно не имѣетъ и не можетъ имѣть мѣста, ибо у насъ процедура оффиціальнаго свидѣтельствованія и признанія не составляетъ необходимой принадлежности умопомѣшательства и имѣетъ своею цѣлью лишь наложеніе опеки, а не легальное констатированіе сумасшествія вообще. У насъ самъ-же законъ признаетъ и допускаетъ возможность случаевъ безумія или сумасшествія, не признанныхъ оффиціально, такъ что возможность доказывать существованіе этихъ фактовъ помимо легальнаго признанія разумѣется уже сама собою. Нечего и говорить о томъ, что эта возможность въ практическомъ смыслѣ весьма существенно разнится отъ права доказывать отсутствіе здраваго ума въ моментъ заключенія спорной сдѣлки. Предположеніе, которое мы назвали отрицательнымъ, стѣсняетъ во

---

[1]) Право оспаривать дѣйствія душевно-больныхъ, не признанныхъ таковыми оффиціально, не отрицается ни однимъ изъ кодексовъ, хотя и придерживающихся системы обязательной интердикціи; см. особенно, относительно французскаго законодательства, *C. Aubry et C. Rau*, Cours de droit civil français (Paris 1856), t. I, p. 469.

всякомъ случаѣ свободное убѣжденіе судей и во многихъ случаяхъ должно оказываться совершенно неосуществимымъ: если напр. не существуетъ никакихъ данныхъ относительно состоянія лица во время совершенія акта, но за то положительно доказано, что это лицо издавна страдало и продолжаетъ страдать совершеннымъ безумiемъ или общимъ помѣшательствомъ, не допускающимъ вовсе свѣтлыхъ промежутковъ, то было-бы очевидною несообразностью стѣснять судъ въ примѣненіи этого послѣдняго аргумента къ спорному дѣлу за отсутствіемъ легальнаго признанія.

Что касается предположенія неправоспособности, составляющаго слѣдствіе наложенія опеки, то оно, какъ и всякое другое предположеніе, можетъ имѣть характеръ или только чисто фактическій, дѣйствуя лишь на убѣжденіе судьи (praesumptio hominis), или юридическій, съ допущеніемъ доказательствъ противнаго и съ возложеніемъ oneris probandi на отвѣтчика (praesumptio juris), или наконецъ безусловно-юридическій, исключающій возможность какихъ-бы то ни было возраженій (praesumptio juris et de jure). Предположенія послѣднихъ двухъ категорій относятся къ числу тѣхъ, которыя должны быть положительно установлены закономъ и которыя не могутъ быть выводимы путемъ толкованія. При системѣ интердикціи предположеніе неправоспособности подопечныхъ имѣетъ обыкновенно безусловное значеніе и слѣдовательно представляетъ собою praesumptio juris et de jure; такъ, французскій кодексъ прямо объявляетъ безусловными, не допускающими доказательствъ противнаго, тѣ предположенія закона, въ силу которыхъ извѣстные акты считаются недѣйствительными (code civil, art. 1352). Только спеціальныя постановленія, касающіяся главнымъ образомъ актовъ завѣщательныхъ и дарственныхъ, освобождаютъ отчасти эти акты изъ подъ тяготѣющей надъ ними презумпціи, низводя послѣднюю, по отношенію къ этимъ актамъ, на степень простаго легальнаго предположенія (praesumptio juris) [1]).

---

[1]) См. выше, стр. 20—21, 30 и др.; ср. также Aubry et Rau, t. 1, p. 470. Читателю теперь должно быть уже понятно, съ какою цѣлью мы останавливались съ такой подробностью на мнѣніяхъ иностранныхъ юристовъ-практиковъ; мнѣнія эти бросаютъ своеобразный свѣтъ и на нашу отечественную практику и вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ намъ, какъ надо относиться къ законамъ о дѣеспособности душевно-больныхъ.

Обращаясь къ нашему законодательству, мы, какъ замѣчено уже выше, не находимъ въ немъ такого постановленія или правила, которое связывало-бы съ опекою общее предположеніе неправоспособности подвергнутыхъ ей душевно-больныхъ.

Нѣкоторую связь съ опекой имѣетъ лишь статья 1383 т. X ч. I, относящаяся спеціально къ договору купли-продажи; прочія-же постановленія о безумныхъ и сумасшедшихъ не имѣютъ никакого отношенія къ институту опеки и относятся ко всѣмъ вообще умалишеннымъ безразлично. Если однакожъ указанную статью понимать въ томъ смыслѣ, какой придается ей нашей практикою, то выходилобы, что лица, состоящія подъ опекою по причинѣ умопомѣшательства, были-бы лишены безусловно *только* права *продавать*; при совершеніи-же какихъ-либо другихъ сдѣлокъ сила послѣднихъ подлежитъ свободной оцѣнкѣ суда. Такъ какъ такое пониманіе ст. 1383 лишаетъ ее всякаго разумнаго основанія, то для возстановленія дѣйствительнаго смысла ея необходимо обратиться къ помощи болѣе раціональной логической интерпретаціи. Историческимъ источникомъ разсматриваемой статьи представляется указъ 28 октября 1768 г. [1]), которымъ воспрещено было молодому князю Мещерскому «*продавать* и закладывать имѣнія по невоздержному его житію»; сущность этого указа состояла собственно въ томъ, что имѣнія Мещерскаго взяты были въ опеку, причемъ отцу его предоставлена была роль опекуна. Изъ этого частнаго постановленія, равно какъ и другихъ подобныхъ, относившихся, впрочемъ, скорѣе къ расточителямъ, чѣмъ къ душевно-больнымъ, составилось впослѣдствіи общее правило, выраженное въ 1383 статьѣ; смыслъ этого правила тотъ, что «лица, состоящія подъ законнымъ *прещеніемъ*», т. е. которымъ, по слабоумію или по другой причинѣ, *воспрещено* распоряжаться своими имѣніями, не вправѣ продавать *эти* имѣнія, вслѣдствіе чего учиненная этими лицами продажа недѣйствительна. Приведенное правило служитъ лишь дополненіемъ къ статьѣ 376, запрещающей «*продавать* или закладывать» что-либо изъ имущества лица, признаннаго умалишеннымъ; связь этихъ двухъ статей подтверждается имѣющеюся въ ст. 1383 ссылкою на законы объ опекѣ, изъ которыхъ

---

[1]) П. С. З., 1768, № 13185.

одна только статья 376 вполнѣ оправдываетъ эту ссылку. Что въ ст. 1383 идетъ рѣчь именно о продажѣ имѣнія, взятаго въ опеку,— на это намекаетъ и сдѣланная въ ней оговорка на счетъ расточителей: продажа недѣйствительна въ томъ только случаѣ, когда «*имѣнія* сихъ послѣднихъ состоятъ въ опекѣ», т. е. когда лицо, признанное расточителемъ, уже устранено отъ распоряженія своимъ имѣніемъ и слѣдовательно не имѣетъ уже, между прочимъ, права продавать это послѣднее.

Такимъ образомъ историческія и логическія основанія говорятъ неопровержимо въ пользу того, что статья 1383, какъ и ст. 376, относится лишь къ имуществу, поступившему въ опеку. Если поэтому находящееся подъ опекою лицо продастъ какую-либо вещь, не вошедшую въ составъ сданнаго опекунамъ имущества, то такой случай не можетъ быть подводимъ подъ статью 1383 и долженъ обсуждаться по общимъ правиламъ.

Наложеніе опеки не только не влечетъ за собою общей потери дѣеспособности, но и спеціально относительно договора купли-продажи вовсе не лишаетъ подопечнаго безусловно права являться въ роли продавца, такъ что вообще у насъ не существуетъ легальной презумпціи, которая освобождала-бы судъ отъ необходимости разрѣшать въ каждомъ данномъ случаѣ, на основаніи общихъ юридическихъ началъ, вопросъ о силѣ того или другаго акта, совершеннаго подвергнутымъ опекѣ душевно-больнымъ. Все, что можно въ этомъ отношеніи извлечь изъ нашихъ законовъ, особенно въ виду извѣстныхъ особенностей свода и отсутствія въ немъ общихъ руководящихъ правилъ, сводится развѣ къ тому, что оффиціальное признаніе кого-либо умалишеннымъ съ подчиненіемъ его опекѣ соединяется съ простымъ предположеніемъ недѣеспособности (praesumptio juris, а не de jure), подлежащимъ въ отдѣльныхъ случаяхъ судебной повѣркѣ.

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что по нашимъ законамъ всякіе вообще акты лицъ, признанныхъ сенатомъ сумасшедшими или безумными, кромѣ лишь предусмотрѣнныхъ статьями 376 и 1383 случаевъ распоряженія находящимся въ опекѣ имуществомъ, могутъ быть признаваемы судомъ дѣйствительными, если сопровождавшими ихъ совершеніе обстоятельствами, равно какъ и самымъ содержаніемъ актовъ, обнаружено будетъ, что по-

слѣдніе совершены лицомъ въ здравомъ состояніи умственныхъ способностей. [1])

Замѣчательное отступленіе отъ изложеннаго общаго начала установлено уставомъ гражданскаго судопроизводства относительно способности быть свидѣтелемъ: по 1 п. ст. 84 и 371 названнаго устава не допускаются къ свидѣтельству «*признанные умалишенными* и не способные объясняться ни на словахъ, ни на письмѣ, а равно лица, кои, вслѣдствіе разстройства умственныхъ способностей, состоятъ, *по распоряженію надлежащей власти*, на испытаніи или въ пользованіи врача».

Очевидно, составители устава исходили здѣсь изъ того взгляда, что у насъ существуетъ система обязательной интердикціи, въ родѣ французской, такъ-что приведенную статью въ ея нынѣшней редакціи слѣдуетъ вѣроятно считать результатомъ недоразумѣнія. Къ тому-же способность давать объясненія на судѣ въ качествѣ свидѣтеля, по самой сущности своей, зависитъ отъ чисто-фактическихъ условій и не должна поэтому обусловливаться какими-либо общими презумпціями, въ данномъ случаѣ, быть можетъ, противорѣчащими дѣйствительности. По законамъ стараго судопроизводства, всякое лицо можетъ быть допрошено какъ свидѣтель, «когда оно имѣетъ здравыя физическія чувства и разсудокъ» (ст. 360 т. X, ч. 2); точно также уставъ уголовнаго судопроизводства говоритъ о недопущеніи къ свидѣтельству безумныхъ и сумасшедшихъ вообще, независимо отъ признанія (ст. 93 п. 1 и ст. 704 п. 1). Намъ кажется, что статьи 84 и 371 (п. 1) уст. гр. суд. невозможно понимать въ буквальномъ смыслѣ и что неспособными къ свидѣтельству должны считаться всѣ вообще умалишенные, все равно — признаны-ли они таковыми сенатомъ или нѣтъ.

---

[1]) Противъ нашего взгляда можно-бы повидимому привести заключительныя слова статьи 373, но эта статья, опредѣляющая порядокъ *снятія опеки* въ случаѣ выздоровленія подопечнаго, не имѣетъ никакого отношенія къ вопросу о дѣеспособности; если въ статьѣ этой сказано, что «кромѣ сего свидѣтельства (установленнымъ въ законѣ порядкомъ) никакія удостовѣренія о таковомъ выздоровленіи въ уваженіе приняты быть не могутъ», то это значитъ лишь, что *для освобожденія лица отъ опеки* недостаточны какія-либо частныя удостовѣренія, а необходимо оффиціальное переосвидѣтельствованіе и утвержденіе его результатовъ сенатомъ. До суда, рѣшающаго вопросъ о силѣ того или другого дѣйствія подопечнаго, постановленіе это нисколько не относится.

Учрежденіе надъ кѣмъ-либо опеки по причинѣ умопомѣшательства имѣетъ еще нѣкоторыя юридическія послѣдствія, точно опредѣленныя въ законѣ; такъ, оно пріостанавливаетъ теченіе давности на все время существованія опеки (п. 3 ст. 214 т. X ч. 2), прекращаетъ дѣйствіе довѣренности, выданной душевно-больнымъ (ст. 2330 п. 5 т. X ч. 1) и т. п. Всѣ эти частныя постановленія нисколько однакожъ не нарушаютъ того общаго правила, въ силу котораго институтъ опеки въ связи съ оффиціальнымъ признаніемъ оказывается у насъ совершенно свободнымъ отъ того безусловнаго характера, который приписывается ему по недоразумѣнію или незнанію.

Мѣстные гражданскіе законы, дѣйствующіе въ Остзейскихъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ, значительно отступаютъ въ этомъ отношеніи отъ общаго русскаго законодательства.

По остзейскимъ законамъ, «сумасшествіе или безуміе влечетъ за собою опредѣленныя закономъ послѣдствія *только тогда, когда оно признано правительствомъ*, и на этотъ конецъ семейство, въ средѣ котораго находится умалишенный, равно какъ и каждый членъ такого семейства, *въ правѣ* заявить о семъ тому гражданскому судебному мѣсту, которому подвѣдомъ больной» (ст. 499). Интердикція слѣдовательно, не обязательна для всѣхъ вообще душевно-больныхъ, хотя признается въ то-же время единственнымъ доказательствомъ сумасшествія: — тутъ очевидно логическое противорѣчіе. Далѣе, по статьѣ 502-й, «*всѣ* дѣйствія умалишенныхъ, находящихся подъ попечительствомъ, *преимущественно-же* касающіяся отчужденія ихъ имущества, признаются *ничтожными*; тоже самое разумѣется о дѣйствіяхъ, совершенныхъ ими и до назначенія попечительства, когда они уже находились въ состояніи умственнаго разстройства.» Дѣйствія-же, совершенныя умалишенными до назначенія опеки, въ свѣтлые промежутки, считаются вполнѣ дѣйствительными; но существованіе такого свѣтлаго промежутка должно быть доказано лицомъ, основывающимъ какое-либо право на подобномъ дѣйствіи больнаго (ст. 503 и 504). Такимъ образомъ законное предположеніе недѣеспособности распространяется даже на время, предшествующее оффиціальному признанію сумасшествія, хотя источникъ такого предположенія болѣе чѣмъ сомнителенъ. За то къ «слабоумнымъ» законъ относится съ особенною предупредительностью: «*слабоумные*, не лишенные однако разумѣнія необходимаго для завѣдыванія обыкновенными дѣ-

лами, *могутъ* сами управлять и *свободно-распоряжаться* своимъ имуществомъ» (ст. 497) [1]).

Относительно законовъ Царства Польскаго достаточно замѣтить, что они основаны еще на положеніяхъ Наполеонова кодекса, почему и не нуждаются въ особомъ критическомъ разборѣ [2]).

XIV.

Завѣщанія душевно-больныхъ. — Роль судебной практики.—Разборъ дѣла Измирова. — Важность содержанія завѣщательныхъ распоряженій. — Завѣщанія самоубійцъ. — Лишеніе юридической дѣеспособности вообще. — Здравый умъ, какъ условіе дѣеспособности. — Отрицательныя дѣйствія или упущенія душевно-больныхъ. — Дѣло Корбе. — Проектъ устава объ опекахъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ вліяніе опеки на дѣеспособность подвергнутыхъ ей лицъ, мы можемъ уже обратиться теперь къ разсмотрѣнію правилъ, опредѣляющихъ и ограничивающихъ способность душевно-больныхъ къ совершенію различныхъ юридическихъ дѣйствій.

Начнемъ съ завѣщательнаго права. Законодательство наше, подобно иностраннымъ кодексамъ, требуетъ, чтобы духовныя завѣщанія были *составляемы* въ здравомъ умѣ и твердой памяти» (ст. 1016 т. X ч. 1), причемъ дѣеспособность завѣщателя должна быть удостовѣряема подписывающимися на актѣ свидѣтелями (ст. 1050 п. 2). [3]) Чисто-фактическое значеніе этого требованія столь очевидно, что даже г. Побѣдоносцевъ совершенно отдѣляетъ послѣднее отъ вопроса о легальномъ признаніи сумасшествія; по его мнѣнію, — съ кото-

---

[1]) Сводъ мѣстныхъ узаконеній губ. Остзейскихъ, ч. III, зак. гр.

[2]) См. Сборникъ гражд. законовъ и постановленій, дѣйствующихъ въ Ц. Польскомъ, изд. юридической коммиссіи, Варшава 1869 г., т. 1, стр. 193 — 201 (ст. 489 — 521).

[3]) Ср. законъ 5 апрѣля 1869 г. о дух. зав. для мѣстностей, гдѣ введены судебные уставы, п. 24 (собр. узак. 1869 № 33).

рымъ нельзя, разумѣется, не согласиться, — «допускается завѣщаніе сумасшедшаго, даже признаннаго въ семъ состояніи и отданнаго подъ опеку, если только возможно доказать, что въ минуту составленія акта онъ былъ свободенъ отъ болѣзни и находился въ здравомъ умѣ и твердой памяти» [1]). Съ другой стороны, статья 1016 даетъ полную возможность оспаривать завѣщанія лицъ, не страдавшихъ вовсе умственнымъ разстройствомъ; недостатокъ «твердой памяти», столь обыкновенный въ старческіе годы, имѣетъ по закону такую-же существенную важность, какъ и отсутствіе здраваго ума. Эти два слова, составляющія по взгляду Мейера «лишній привѣсокъ» [2]) (вѣроятно потому, что ихъ нѣтъ въ иностранныхъ кодексахъ), особенно важны въ примѣненіи къ тѣмъ предсмертнымъ распоряженіямъ, которыми нарушаются семейныя или родственныя обязанности завѣщателя; неофиціозность такихъ завѣщаній можетъ и должна быть объясняема недостаткомъ «твердой памяти», уничтожающимъ ихъ силу въ случаѣ основательности спора. Судебной практикѣ открывается здѣсь широкій путь къ установленію болѣе строгаго контроля относительно завѣщательныхъ актовъ, — контроля, подобнаго тому, который, какъ мы видѣли, получилъ такое развитіе въ правѣ римскомъ и сродныхъ этому праву законодательствахъ.

Какъ относится новѣйшая практика наша къ приведенному постановленію закона,—это другой вопросъ, который лучше всего освѣщается любопытнымъ во многихъ отношеніяхъ дѣломъ Измирова, восходившимъ между прочимъ на разсмотрѣніе кассаціоннаго сената.

Мы видѣли, что во всѣхъ почти государствахъ, при оспариваніи какихъ-либо актовъ и особенно завѣщаній, обращается преимущественное вниманіе на *содержаніе* послѣднихъ; англійская практика считаетъ даже недостаточнымъ констатированіе умственнаго разстройства во время составленія завѣщанія, если это разстройство не отражается въ извѣстной степени въ самомъ актѣ.

Совсѣмъ другого рода воззрѣній придерживались судебныя мѣста разсматривавшія дѣло Измирова.

Истецъ, оспаривая завѣщаніе Даніила Измирова, указывалъ на

---

[1]) Побѣдоносцевъ, l. c. (стр. 452 и сл.).

[2]) Мейеръ, стр. 634.

сбивчивость и неисполнимость распоряженій, изложенныхъ въ завѣщаніи, и ссылался при томъ на спросъ экспертовъ-медиковъ. Тифлисская палата нашла, что недѣйствительность завѣщаній, по причинѣ неправоспособности, не можетъ быть поставлена въ зависимость *отъ сущности и смысла завѣщаній*, а должна быть доказываема *иными* документами и фактами, сопровождавшими составленіе завѣщанія. По мнѣнію палаты, «завѣщаніе лица, *признаннаго умалишеннымъ*, можетъ заключать въ себѣ логическій смыслъ, но тѣмъ не менѣе оно *недѣйствительно* (ссылки на законъ не имѣется здѣсь, конечно); точно также и завѣщаніе человѣка въ здравомъ умѣ можетъ быть написано *безъ всякой логической связи* и вслѣдствіе того можетъ быть уничтожено по силѣ статьи 1026 (?), но не можетъ быть поводомъ *къ признанію завѣщателя умопомѣшаннымъ*» (какъ-будто дѣло шло тутъ о легальномъ признаніи кого-либо сумасшедшимъ, а не о силѣ единичнаго акта, написаннаго безъ здраваго смысла лицомъ уже умершимъ). На этомъ основаніи палата «не сочла нужнымъ входить въ обсужденіе сущности распоряженій завѣщателя для разрѣшенія вопроса *о состояніи его умственныхъ способностей во время составленія завѣщанія*» [1]).

Легко замѣтить, что палата какъ-будто потеряла здѣсь изъ виду тотъ именно пунктъ, который только и подлежалъ ея разсмотрѣнію; въ данномъ случаѣ суду предстояло рѣшить вопросъ не о томъ, страдалъ-ли вообще Измировъ душевною болѣзнью, а о томъ, составленъ-ли спорный актъ «въ здравомъ умѣ и твердой памяти», что, разумѣется, вовсе не одно и тоже. Если относительно психическаго разстройства завѣщателя требуются точныя фактическія данныя и другія положительныя доказательства, то только потому, что иначе невозможно выяснить вопросъ о способности лица къ совершенію завѣщанія въ тѣхъ случаяхъ, когда содержаніе акта не даетъ на этотъ счетъ никакихъ данныхъ и не возбуждаетъ само по себѣ основательныхъ сомнѣній на счетъ здраваго смысла составителя. Когда-же изъ самого акта видно, что онъ написанъ не въ здравомъ умѣ, то требовать еще какихъ-либо другихъ доказательствъ нарушенія статьи 1016 — значитъ выходить уже за предѣлы спорнаго вопроса; требуя-же вдобавокъ доказательствъ сумасшествія завѣща-

---

[1]) Рѣш. гражд. кассац. деп., 1871 № 643; сенатъ рѣшилъ дѣло согласно съ палатой.

теля, тифлисская судебная палата уже прямо нарушила смыслъ указанной статьи и перенесла вопросъ на совершенно постороннюю, не относящуюся къ нему, почву.

При логичности и разумности завѣщательныхъ распоряженій, сила послѣднихъ нисколько еще не исключается тѣмъ фактомъ, что завѣщатель былъ сумасшедшій, ибо содержаніе акта въ этомъ случаѣ служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ того, что актъ составленъ въ здравомъ умѣ,—а этого только и требуетъ законъ; потому, даже при несомнѣнномъ существованіи душевной болѣзни, необходимо для опроверженія подобнаго завѣщанія, при неизбѣжно вызываемомъ имъ предположеніи свѣтлаго промежутка, представить какія-либо иныя вѣскія данныя въ пользу того, что воля, выраженная въ актѣ, не есть сознательная, свободная воля завѣщателя. Точно также и наоборотъ: если завѣщаніе, въ цѣломъ или въ части представляется лишеннымъ смысла, явно указывая такимъ образомъ на несоблюденіе условія, предписаннаго 1016-й статьей, то судъ, по нашему мнѣнію, долженъ не утверждать такого завѣщанія [1]) и тѣмъ болѣе признавать его недѣйствительнымъ въ случаѣ спора. Въ подобныхъ случаяхъ, когда спорный актъ уже самъ говоритъ за себя съ достаточной ясностью, никакія побочныя обстоятельства не въ состояніи уже устранить предположеніе, что онъ написанъ не въ здравомъ умѣ. Такихъ именно началъ придерживается иностранная практика; къ нашему законодательству эти начала примѣнимы, быть можетъ, еще въ большей степени, чѣмъ къ какому бы то ни было изъ иностранныхъ кодексовъ.

Въ непосредственной связи съ разсмотрѣнной нами 1016-ю статьею находится слѣдующая затѣмъ статья 1017, постановляющая, что «*посему* недѣйствительны завѣщанія: 1) безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ, *когда они составлены ими во время помѣшательства*; 2) самоубійцъ». Эта статья, составляющая, очевидно, лишь продолженіе предшествующей, вызвала среди нашихъ юристовъ нѣкоторыя весьма важныя недоразумѣнія, не смотря на то,

---

[1]) Законъ 5 апр. 1869 г. обязываетъ окр. суды, «не ожидая споровъ, признавать недѣйствительными (представляемыя къ утвержденію) завѣщанія лицъ, не имѣющихъ права завѣщать, если только неправоспособность ихъ *явствуетъ изъ самого завѣщанія*» (п. 21); эти слова примѣнимы и къ разсматриваемому въ текстѣ случаю.

что смыслъ ея совершенно ясенъ. Первая часть статьи оказывается собственно излишней и не имѣющею самостоятельнаго значенія въ виду общаго правила, изложеннаго въ ст. 1016; въ этомъ общемъ правилѣ заключается уже и правило о неспособности сумасшедшихъ, какъ часть содержится въ цѣломъ. Что касается втораго пункта, касающагося самоубійцъ, то изъ него видно, что законъ смотритъ здѣсь на самоубійство, какъ на слѣдствіе или проявленіе умопомѣшательства, вслѣдствіе чего предсмертныя распоряженія лицъ, насильственно прекратившихъ свою жизнь, признаются ничтожными.

Слово «*посему*», связывающее разбираемую статью съ предшествующею, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что какъ умалишенные, такъ и самоубійцы, считаются неспособными къ составленію завѣщаній по одной и той-же причинѣ, — по предполагаемому въ нихъ отсутствію здраваго ума. Понятно поэтому, что завѣщанія, составленныя задолго до самоубійства и не имѣющія никакого рѣшительно отношенія къ этому факту, не могутъ никакимъ образомъ считаться недѣйствительными на основаніи статьи 1017, точно такъ-же какъ и акты, совершенные задолго до сумасшествія. Все это столь очевидно, что ни о какихъ сомнѣніяхъ тутъ и рѣчи повидимому быть не можетъ; они вызываются только статьею 1472 уложенія о наказаніяхъ, въ силу которой «лишившій себя жизни съ намѣреніемъ и *не* въ безуміи, сумасшествіи или временномъ отъ какихъ-либо болѣзненныхъ припадковъ безпамятствѣ, признается неимѣвшимъ права дѣлать предсмертныя распоряженія»... Между этой статьею и ст. 1017 т. X ч. I находятъ коренное противорѣчіе, для разрѣшенія котораго предлагаютъ игнорировать слово «посему» въ послѣдней изъ нихъ и разсматривать ее, какъ состоящую изъ двухъ вполнѣ самостоятельныхъ постановленій [1]); такимъ путемъ выиллобы, что и гражданскіе законы наши, какъ и уголовные, безусловно признаютъ ничтожными завѣщанія самоубійцъ, когда-бы и въ какомъ-бы состояніи они ни были составлены. Но такъ обращаться съ закономъ нѣтъ возможности: выбрасывать или игнорировать слова, имѣющія какое-либо значеніе, и такимъ способомъ измѣнять смыслъ закона вправѣ былъ-бы въ данномъ случаѣ только законодатель, а

---

[1]) Журн. мин. юстиціи, 1838. т. 2, стр. 545 и сл., а также «Журналъ гражданскаго и уголовнаго права», 1876, кн. 6, ст. г. П. С. (о завѣщаніяхъ самоубійцъ).

никакъ не юристъ-комментаторъ. Толкованіе путемъ игнорированія тѣхъ или другихъ выраженій закона, подобно тому, какъ дѣлаетъ Мейеръ, считающій лишнею «твердую память», или г. Карновичъ, предлагающій не обращать вниманія на слово «посему»,—такое толкованіе облегчаетъ, конечно, задачу толкователя, но оно ведетъ скорѣе къ затемнѣнію, нежели къ надлежащему уразумѣнію закона. Мы съ своей стороны не видимъ въ разсматриваемомъ случаѣ никакого существеннаго противорѣчія или затрудненія, которое требовало-бы какихъ-либо особенныхъ пріемовъ интерпретаціи; дѣло, по нашему мнѣнію, объясняется очень просто.

Статья 1017 предусматриваетъ тѣ случаи, когда самоубійство совершено въ припадкѣ психической болѣзни и когда составленные въ такомъ состояніи акты не могутъ оставаться въ силѣ въ виду ст. 1016. Съ другой стороны законъ уголовный (ст. 1472 улож.), въ видахъ наказанія или устрашенія, лишаетъ завѣщательнаго права тѣхъ самоубійцъ, которые лишили себя жизни въ состояніи полной вмѣняемости, т. е. съ сознательнымъ намѣреніемъ и при несомнѣнно-здравомъ разсудкѣ. Слѣдуетъ-ли отсюда, что всѣ вообще завѣщанія самоубійцъ должны считаться по закону недѣйствительными, какъ полагаетъ напр. г. Побѣдоносцевъ [1])? Очевидно — нѣтъ. Предположимъ напр., что завѣщаніе написано за нѣсколько лѣтъ до развитія помѣшательства, поведшаго къ самоубійству; такой случай, конечно, не подходитъ ни подъ статью 1017 законовъ гражданскихъ, такъ какъ завѣщаніе составлено еще задолго до появленія идеи о самоубійствѣ и слѣдовательно въ полномъ умѣ, — ни подъ ст. 1472 уложенія, такъ какъ самое самоубійство совершено въ состояніи безумія и потому не можетъ быть преслѣдуемо по отсутствію требуемыхъ этою статьею условій вмѣненія. Оказывается такимъ образомъ, что законъ оставляетъ въ силѣ цѣлую категорію завѣщательныхъ распоряженій лицъ, лишившихъ себя жизни въ припадкѣ душевной болѣзни: всякое иное, болѣе широкое, пониманіе закона противорѣчило-

---

[1]) Г. Побѣдоносцевъ (ч. 2 стр. 452—3) ограничивается по этому вопросу лишь ничѣмъ не мотивированнымъ замѣчаніемъ, что «правило это *безусловно*, но оно очевидно несправедливо и простирается далѣе указанной закономъ цѣли въ примѣненіи къ завѣщанію, составленному самоубійцей не по случаю самоубійства». Такого-же мнѣнія г. Карновичъ, l. c. (стр. 546) и г. П. С. въ указанной выше статьѣ, стр. 198—203.

бы не только логическому основанію его (ratio legis), но и буквальному его смыслу [1]).

Остальныя постановленія свода касательно юридической дѣеспособности душевно-больныхъ не возбуждаютъ на практикѣ серьезныхъ недоумѣній, хотя повидимому по характеру своему они могли-бы возбудить нѣкоторые не лишенные интереса вопросы. Такъ, статьею 770 «запрещается писать и совершать отъ имени... безумныхъ и сумасшедшихъ... всякіе вообще акты о имѣніи или о займѣ»; это запрещеніе, относящееся собственно къ надсмотрщикамъ и писцамъ крѣпостныхъ дѣлъ, есть, очевидно, законъ безъ надлежащей санкціи (lex minus quam perfecta, въ связи съ ст. 461 уложенія), ибо въ немъ не содержится постановленія насчетъ того, какое значеніе имѣютъ акты, *совершенные уже* вопреки приведенной статьѣ. Точно также законъ «запрещаетъ вступать въ бракъ съ безумными и сумасшедшими» (ст. 5), безъ опредѣленія вмѣстѣ съ тѣмъ силы такихъ браковъ. Практика, однакожъ, понимаетъ эти запрещенія въ смыслѣ равносильномъ признанію противорѣчащихъ имъ актовъ недѣйствительными, что хотя и не совсѣмъ согласно съ правилами интерпретаціи, но оправдывается тѣмъ не менѣе другими достаточно-вѣскими соображеніями.

Далѣе, приведенныя постановленія вызываютъ еще другой болѣе существенный вопросъ: какимъ способомъ могутъ удостовѣряться въ умопомѣшательствѣ кого-либо должностныя лица, совершающія

---

[1]) Г-нъ П. С. высказываетъ оригинальное мнѣніе, что статья 1017 измѣнена будто-бы позднѣйшимъ постановленіемъ уложенія: редакторы уложенія, говоритъ онъ, считали вопросъ рѣшеннымъ гражданскими законами и ввели въ сущности «новый законъ», а потому (?) законъ гражданскій слѣдуетъ считать *отмѣненнымъ* (стр. 205). Подчиняя въ этомъ случаѣ законъ гражданскій закону уголовному, авторъ самъ-же замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ, что опредѣленіе гражданскихъ послѣдствій самоубійства относится къ области гражданскаго, а не уголовнаго законодательства. Авторъ опровергаетъ себя также и по отношенію къ ст. 1017, указывая на первоначальный историческій источникъ этой статьи, именно на указъ 1766 г. по дѣлу князя Шаховскаго, въ которомъ сказано между прочимъ: «когда-же оное (самоубійство) произведено въ безпамятствѣ или въ безуміи, то и такое завѣщаніе, *если оное въ то время писано будетъ*, недѣйствительно». Очевидно, что предположеніе ненормальнаго психическаго состоянія самоубійцъ служитъ логическою основою статьи 1017; поэтому въ данномъ случаѣ нужно придерживаться логическаго, а не узко-буквальнаго толкованія, которое такъ затрудняетъ г-на П. С. и подобныхъ ему юристовъ.

акты? Многіе изъ нашихъ практиковъ придерживаются того взгляда что въ этомъ отношеніи рѣшительная роль принадлежитъ акту оффиціальнаго освидѣтельствованія и признанія и что такой актъ долженъ имѣть безусловную и исключительную силу въ глазахъ мѣстъ и лицъ, совершающихъ крѣпостные акты; другими словами, статья 770 какъ-будто относится лишь къ умалишеннымъ, признаннымъ таковыми оффиціально, такъ что, слѣдовательно, у насъ все-таки существуетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ система интердикціи. Мы не можемъ согласиться съ такимъ взглядомъ, ибо изъ того, что онъ возможенъ на практикѣ, нисколько еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ обязателенъ съ точки зрѣнія закона.

Наконецъ, по поводу разсматриваемой статьи возможно еще одно сомнѣніе: ст. 770 помѣщена въ отдѣлѣ, касающемся спеціально порядка совершенія и свидѣтельствованія актовъ у *крѣпостныхъ* дѣлъ; имѣетъ ли она примѣненіе ко всѣмъ вообще сдѣлкамъ и между прочимъ къ актамъ, домашнимъ порядкомъ совершаемымъ? На этотъ вопросъ нельзя не отвѣтить отрицательно, хотя такое или иное рѣшеніе его не можетъ имѣть практической важности въ виду существованія въ нашемъ законодательствѣ того общаго начала, что наличность *здраваго ума* составляетъ необходимое условіе юридической дѣеспособности вообще.

Законъ всегда заботился у насъ о томъ, чтобы при совершеніи какихъ-либо актовъ или сдѣлокъ между частными лицами гарантированы были интересы тѣхъ, которые, по недостатку-ли здравой воли или по какой-либо другой причинѣ, лишены возможности сами отстаивать свои права и интересы. Еще въ 1719 году возложена была на дьяка крѣпостныхъ дѣлъ обязанность смотрѣть за тѣмъ, «дабы въ письмѣ всякихъ крѣпостей малолѣтніе и прочіе безгласные (которые о себѣ добраго пути содержать не могутъ, каковы женскія персоны, больные, которые требуютъ о душахъ своихъ строить и попеченіе имѣть) завѣтными письмами или духовными завѣщаніями не были притѣснены напрасно, отчего впредь они и по нихъ наслѣдники отъ разоренія содержаны бы были» [1]). Въ уставѣ банкротскомъ 1800 г. постановлено между прочимъ, что по всѣмъ вообще обязательствамъ требуются свидѣтели, не менѣе двухъ, которые «должны

[1]) П. С. З., № 3433, зак. 20 октября п. 9.

знать и отвѣтствовать, что заимодавецъ и заемщикъ лично тѣ самые, кои заключаютъ обязательство, *оба въ умѣ и памяти*»... [1]) Такимъ образомъ произошла статья 809 ч. I, т. X, въ силу которой подписывающіеся въ актахъ свидѣтели удостовѣряютъ между прочимъ то обстоятельство, что контрагенты находятся «оба въ умѣ и памяти» (п. 2); эта статья, въ связи съ ст. 84 нотаріальнаго положенія, предполагаетъ несомнѣнную возможность *оспаривать* дѣйствительность крѣпостнаго акта по неспособности того или другаго изъ контрагентовъ къ совершенію въ данное время сознательныхъ юридическихъ дѣйствій. Фактъ, удостовѣряемый свидѣтелями, можетъ быть и опровергаемъ путемъ свидѣтельскихъ показаній, какъ разъяснено весьма логично кассаціоннымъ сенатомъ по дѣлу Карасева. Если же такого правила держаться по отношенію къ крѣпостнымъ и нотаріальнымъ актамъ, то съ тѣмъ большимъ основаніемъ примѣнимо оно къ сдѣлкамъ, совершаемымъ безъ содѣйствія должностныхъ мѣстъ и лицъ: in eo quod plus sit, semper inest et minus. Другими словами, по нашимъ законамъ всѣ безъ исключенія юридическіе акты подчинены, относительно дѣеспособности совершающихъ ихъ лицъ, тѣмъ же условіямъ, что и завѣщанія, хотя и въ меньшей мѣрѣ.

Наравнѣ съ положительными дѣйствіями душевно-больныхъ должны быть оцѣниваемы и бездѣйствіе и упущенія съ ихъ стороны, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднія связаны по договору или по закону съ извѣстными юридическими послѣдствіями. Если кто-либо принялъ на себя обязанности, подлежащія исполненію въ будущемъ, то онъ долженъ быть дѣеспособенъ не только въ моментъ заключенія сдѣлки, но и въ моментъ, назначенный для ея осуществленія.

Это правило нерѣдко упускается изъ виду нашей практикой, какъ можно видѣть отчасти изъ рѣшенія московской судебной палаты по дѣлу Артамоновыхъ съ Цыловой. Цылова продала Артамонову въ 1856 г домъ, получивъ въ задатокъ 1800 р. на случай отказа покупщика; покупка затѣмъ не состоялась по причинѣ обнаружившагося въ томъ же году (мѣсяцъ спустя послѣ заключенія сдѣлки) умственнаго разстройства Артамонова. Наслѣдники послѣдняго обратились въ судъ съ требованіемъ о возвращеніи задатка, полученнаго Цыловою, такъ какъ договоръ не могъ быть исполненъ Артамоновымъ вслѣдствіе умопомѣшательства, лишившаго его надлежащей

[1]) Уст. о банкр., ч. II, § 9, прим. (П. С. З., № 19692).

дѣеспособности. Окружный судъ рѣшилъ дѣло въ пользу истца, но судебная палата отмѣнила это рѣшеніе на томъ основаніи, что истецъ не доказалъ установленнымъ порядкомъ, что «дѣйствительно надворный совѣтникъ Артамоновъ 2 іюня 1856 (день заключенія сдѣлки) былъ уже въ сумасшествіи, препятствовавшемъ ему входить въ какія-бы то ни было обязательныя отношенія» [1]). Очевидно, палата оставила здѣсь безъ вниманія то простое правило, которое мы привели выше.

Въ заключеніе, не можемъ не упомянуть объ извѣстномъ процессѣ Корбе, подтверждающемъ отчасти высказанные нами взгляды. Въ 1870 г. въ екатеринославскомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о силѣ актовъ, совершенныхъ помѣщикомъ Корбе въ пользу г-жи Алымовой, бывшей «медіумомъ» при его бесѣдахъ съ духами. Спиритистскія бредни и идеи, которымъ, какъ оказалось, умъ Корбе былъ подчиненъ безусловно, признаны были судомъ безумными, независимо отъ пришедшей къ тому-же выводу психіатрической экспертизы, согласно тому, что выражено нами выше по поводу безумныхъ идей (стр. 57 и сл.); затѣмъ судъ призналъ спорное завѣщаніе недѣйствительнымъ по причинѣ несомнѣнной *связи* содержанія его съ пунктомъ умопомѣшательства Корбе [2]). По той же причинѣ уничтожена была и купчая крѣпость, совершенная Корбе, причемъ въ опредѣленіи суда указаны признаки «незаконнаго вліянія» со стороны г-жи Алымовой. Подобнымъ-же характеромъ отличается состоявшееся въ 1873 г. рѣшеніе тамбовскаго окружнаго суда по дѣлу наслѣдниковъ маіора Терпигорева съ Хилковымъ и Куприяновой объ уничтоженіи арендnаго контракта [3]).

Остается еще сказать два слова по поводу проекта устава объ опекахъ, долженствующаго, между прочимъ, преобразовать дѣйству-

---

[1]) Сборникъ рѣш. и опр. моск. суд. палаты за 1867, С.-Пб. 1870, № 277.

[2]) Юридическій Вѣстникъ 1872, № 4 — 5, стр. 16 («современный отдѣлъ»); см. также прилож. къ Юрид. В. 1871 г.

[3]) «Правительственный Вѣстникъ» 1873 г. № 235 — 249; рѣчи гг. Спасовича и Плевако въ № 237 и 238, рѣшеніе суда въ № 249. Мы не упоминаемъ о другихъ случаяхъ изъ новѣйшей судебной практики, такъ какъ общая критическая оцѣнка этой послѣдней достаточно исчерпывается приведенными и разобранными нами рѣшеніями.

ющія нынѣ правила объ опекѣ надъ безумными и сумасшедшими. Извѣстно, что правительствомъ давно уже сознана совершенная несостоятельность существующаго порядка удостовѣренія умственнаго разстройства. Извѣстно также, что законодательныя работы, касающіяся вопроса объ опекахъ, начаты еще Сперанскимъ; съ тѣхъ поръ проэктовъ представлено было нѣсколько, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ успѣха. Въ 1865 г. обнародованъ былъ обширный проэктъ, выработанный учрежденною при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіей [1]), но и этотъ проэктъ, подкрѣпленный по обыкновенію пространною quasi-ученою «историческою» запискою, оставленъ былъ впослѣдствіи и замѣненъ другимъ, основныя начала котораго были изложены въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права» за 1873 годъ (кн. I, стр. 122 и сл.).

Составители этихъ проэктовъ принимали вообще за образецъ законодательство французское, постановленія котораго касательно процедуры свидѣтельствованія душевно-больныхъ и учрежденія надъ ними опеки могутъ дѣйствительно считаться образцовыми. Нѣкоторыя существенныя начала, принятыя въ этомъ отношеніи Наполеновымъ кодексомъ, должны быть однако исключены изъ выработаннаго устава: это именно, во-первыхъ, принципъ обязательнаго подчиненія опекѣ всѣхъ умалишенныхъ безъ исключенія, и во-вторыхъ, предоставленіе иниціативы въ такого рода дѣлахъ лицамъ прокурорскаго надзора или какимъ-либо другимъ представителямъ власти. Вмѣшательство послѣднихъ въ условія частной и семейной жизни отдѣльныхъ лицъ, хотя-бы и душевно-больныхъ, если оно не предписывается безусловно интересами общественной безопасности, не можетъ вести къ хорошимъ результатамъ, особенно у насъ, при малочисленности свѣдущихъ психіатровъ, при невысокомъ еще уровнѣ

---

[1]) Проэктъ устава объ опекахъ, С.-Пб. 1865; Труды комиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ для составленія проекта устава объ опекахъ, С.-Пб. 1864.—Въ «трудахъ» излагаются прежде всего соображенія о «древнемъ нашемъ до-петровскомъ законодательствѣ» относительно умалишенныхъ, причемъ оказывается, что объ этомъ предметѣ не было въ тѣ времена «никакихъ постановленій»; затѣмъ приводятся позднѣйшіе русскіе указы, послѣ чего излагается содержаніе постановленій французскаго, англійскаго, шотландскаго и италіянскаго законодательствъ. Не видно только, какое отношеніе имѣютъ всѣ эти разносторонніе свѣдѣнія къ сущности самого проекта, составляющаго переработку однихъ лишь французско-нѣмецкихъ законовъ.

знаній и нравственныхъ качествъ нашей бюрократіи и вообще при отсутствіи у насъ тѣхъ гарантій, которыми въ другихъ государствахъ ограждается неприкосновенность принадлежащихъ гражданамъ личныхъ и гражданскихъ правъ.

Что-же касается правилъ, относящихся къ вопросу о юридической дѣеспособности душевно-больныхъ, то въ этомъ отношеніи наше законодательство, какъ намъ кажется, не нуждается ни въ какихъ существенныхъ измѣненіяхъ. Законы наши по этому предмету, не смотря на всѣ свои особенности, въ сущности настолько эластичны, что путемъ надлежащаго толкованія и примѣненія ихъ получаются тѣ именно результаты, которые требуются теоріей и отчасти опытомъ иностранныхъ законодательствъ.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПСИХІАТРІЯ.

Объ условіяхъ и предѣлахъ невмѣняемости.

XV.

«...Ubi prava stultitia, hic summa est insania: qui sceleratus,
Et furiosus erit. Mille puellarum, puerorum mille furores.
O major tandem parcas, insane, minori...»

Hor. Satyr. I. II, 3.

Значеніе психіатріи для уголовнаго права. — Роль смертной казни въ вопросѣ о вмѣненіи. — Врачи и юристы. — Разница въ положеніи вопроса у насъ и за границею.

Новѣйшіе успѣхи, достигнутые наукою о душевныхъ болѣзняхъ, внесли элементъ шаткости и розни въ общую теоретическую часть уголовнаго права. Чисто-отвлеченныя и стройно-логическія дотолѣ, основныя понятія о природѣ преступленія должны были отчасти проникнуться новымъ, повѣявшимъ извнѣ, «медицинскимъ» духомъ и получить какъ-бы смѣшанную окраску, свободную отъ исключительнаго оттѣнка старой схоластики, но за то лишенную и прежней своеобразной цѣльности и силы. Абстрактныя идеи о волѣ человѣка, какъ безусловномъ источникѣ человѣческихъ дѣяній, уступили мѣсто выводамъ болѣе положительнымъ и болѣе жизненнымъ, и взамѣнъ отвлеченныхъ «злодѣевъ», надъ которыми криминалисты когда-то изощряли свою неумолимую логику, стали мало-по-малу обрисовываться, все яснѣе и яснѣе, дѣйствительныя черты тѣхъ несчастныхъ типовъ, которые всегда служили живымъ матеріаломъ для висѣлицъ и эшафотовъ, для тюремъ и каторги.

Существенная перемѣна во взглядахъ на природу преступленія не могла не произвесть соотвѣтственной перемѣны и въ понятіяхъ о значеніи и условіяхъ наказанія. Обширная область психіатрическихъ данныхъ доставляла сильнѣйшее оружіе противъ кодексовъ, удерживавшихъ принципъ возмездія въ его абстрактно-логической строгости. Начало смертной казни пошатнулось именно подъ

давленіемъ тяжелаго опыта, добытаго судебною психологіею и психіатріею.

Въ странахъ, гдѣ смертная казнь существуетъ еще для общихъ преступленій, вопросъ о вмѣненіи ставитъ человѣческой совѣсти самыя трудныя и неудоборазрѣшимыя задачи. Смертная казнь предполагаетъ рѣзкую, непроходимую границу между вмѣненіемъ и невмѣняемостью, — границу, которую надо точно провести въ каждомъ данномъ случаѣ, чтобы не ошибиться въ вопросѣ, отъ котораго зависитъ жизнь человѣка. Существуетъ-ли подобная граница въ дѣйствительности? Еслибъ она и существовала, то проведеніе ея на практикѣ было-бы все-таки почти невозможно въ большинствѣ случаевъ. Смертная казнь предполагаетъ въ преступленіи то, чего въ немъ нѣтъ на дѣлѣ; и судьямъ приходится класть роковую предѣльную черту на неуловимомъ, нерѣдко обманчивомъ фонѣ, не допускающемъ по существу своему никакихъ точныхъ разграниченій. Случаи судебныхъ убійствъ, вслѣдствіе ошибочнаго рѣшенія вопроса о вмѣненіи, не рѣдкость и въ наше время; и теперь въ западной Европѣ попадаютъ въ руки палачей такіе субъекты, которыхъ, какъ оказывается впослѣдствіи, слѣдовало отдать въ домъ умалишенныхъ [1]). Непоправимыя послѣдствія подобныхъ ошибокъ всегда возбуждали горячіе споры какъ въ юридическомъ, такъ и въ медицинскомъ мірѣ; но эти споры, обходившіе большею частью дѣйствительную причину зла, способствовали только установленію разлада между воззрѣніями юристовъ-практиковъ съ одной стороны и медиковъ-психіатровъ съ другой. Юристы обыкновенно обвиняли врачей въ одностороннемъ стремленіи отыскивать душевную болѣзнь во вся-

---

[1]) Приведемъ здѣсь, для примѣра, характеристическій случай изъ новѣйшей германской практики. Нѣкто Гольцапфель умертвилъ двухъ своихъ товарищей, ночью, въ припадкѣ какого-то бреда. Судился онъ обыкновеннымъ порядкомъ, безъ предварительнаго освидѣтельствованія его душевнаго состоянія. На судебномъ слѣдствіи эксперты, извѣстные психіатры Лиманъ, Вестфаль и Скржечка, раздѣлились въ мнѣніяхъ, и присяжные признали подсудимаго виновнымъ, вслѣдствіе чего судъ приговорилъ его къ смертной казни, къ крайнему прискорбію многихъ авторитетныхъ врачей. Очевидно, что въ этомъ случаѣ шаткость экспертизы стоила жизни человѣку, виновному лишь въ томъ, что у него бывали галлюцинаціи. См. Archiv für Psychiatrie, v. Westphal, Bd. V, Hft. 1 (1874), Art. v. Dr. Falk: «Ueber den Holzapfel'schen Mordprocess», а также протоколы берлинскаго медико-психологическаго общества; тамъ же, S. 311 — 315.

комъ почти преступникѣ, къ явному ущербу интересовъ правосудія, а медики въ свою очередь объявляли юристовъ некомпетентными въ дѣлѣ оцѣнки психической подкладки преступленій. Отъ этихъ взаимныхъ обвиненій не выигрывали, разумѣется, ни юристы, ни медики, а правосудіе между тѣмъ страдало, за-одно съ здравою человѣческою совѣстью.

У насъ, въ Россіи, вопросъ о невмѣняемости не имѣетъ того жгучаго значенія, какое принадлежитъ ему въ государствахъ западной Европы. Неточное рѣшеніе этого вопроса въ отдѣльныхъ случаяхъ не можетъ имѣть у насъ тѣхъ непоправимыхъ послѣдствій, которыя неизбѣжно связаны съ нимъ при существованіи смертной казни. Тѣмъ не менѣе интересъ къ вопросу кажется у насъ сильнѣе и распространеннѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, отчасти вслѣдствіе болѣе человѣчнаго, снисходительнаго отношенія нашего народа къ преступникамъ, отчасти-же въ силу нѣкоторыхъ историческихъ и иныхъ причинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и юристы-теоретики, и практики придерживаются у насъ обыкновенно болѣе широкихъ взглядовъ относительно условій вмѣненія, чѣмъ юристы западно-европейскіе; поэтому также противоположность между воззрѣніями юридическими и медицинскими, выступающая въ другихъ странахъ довольно рѣзко, оказывается у насъ довольно слабою и мало замѣтною.

Вопросъ о невмѣняемости въ иностранной литературѣ могъ служить предметомъ различныхъ теоретическихъ увлеченій и крайностей въ виду своей тѣсной практической связи съ вопросомъ о смертной казни; но мы не имѣемъ, очевидно, никакого повода переносить эти крайности къ намъ, такъ какъ ихъ логическая основа— возможность юридическаго убійства — совсѣмъ не существуетъ у насъ въ примѣненіи къ общимъ преступленіямъ [1]).

Такимъ образомъ указанная нами разница въ положеніи вопроса у насъ и за границею естественно порождаетъ различіе и въ роли юристовъ по отношенію къ спорамъ объ условіяхъ и предѣлахъ уголовной невмѣняемости.

---

[1]) «Уничтожьте смертную казнь, и споры между юристами и врачами утратятъ практическое значеніе», говоритъ извѣстный *Генри Маудсли* (Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ, стр. 172).

XVI.

Dat poenas quisquis exspectat:
Quisquis autem meruit, exspectat.

Seneca, Ep. CI.

Особенности вопроса объ уголовной отвѣтственности, сравнительно съ вопросомъ о гражданской дѣеспособности. — Тѣсная связь преступности съ умопомѣшательствомъ.—Возможная отвѣтственность душевно-больныхъ.

Умственное разстройство имѣетъ въ уголовныхъ дѣлахъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ въ дѣлахъ гражданскихъ.

Во-первыхъ, гражданскіе акты душевно-больныхъ могутъ быть уничтожаемы большею частью безслѣдно въ юридическомъ отношеніи; они допускаютъ возстановленіе того состоянія, которое предшествовало совершенію спорныхъ актовъ (restitutio in integrum). Между тѣмъ въ уголовныхъ дѣлахъ такое возстановленіе *status quo ante* оказывается не всегда возможнымъ. Важнѣйшіе роды преступныхъ дѣйствій имѣютъ ту особенность, что, однажды совершенныя, они производятъ одинаково безповоротные результаты, кѣмъ-бы они совершены ни были—здоровымъ-ли человѣкомъ или сумасшедшимъ. Вопросъ заключается тутъ уже не въ фактическихъ послѣдствіяхъ самаго дѣянія, а въ силѣ и мѣрѣ возникающей изъ него отвѣтственности. Поэтому, съ теоретической стороны, задача цивилиста глубже и полнѣе, но задача криминалиста тяжелѣе и сложнѣе въ отношеніи практическомъ.

Во-вторыхъ, въ гражданскомъ правѣ, гдѣ дѣло идетъ о признаніи или непризнаніи извѣстныхъ актовъ дѣйствительными, требуется, въ каждомъ данномъ случаѣ, точное опредѣленіе дѣеспособности лица, въ видахъ рѣшенія вопроса въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ иныхъ, менѣе категорическихъ рѣшеній не допускаетъ самое свойство гражданскихъ споровъ. Въ уголовномъ-же правѣ предполагается возможность послѣдовательныхъ переходныхъ ступеней между невмѣняемостью и вмѣненіемъ, равно какъ и между полною отвѣтственностью и оправданіемъ. Юридиче-

скій актъ, какъ замѣчено было нами выше, можетъ или имѣть силу, или не имѣть ея при извѣстныхъ условіяхъ: средины тутъ не бываетъ. При оцѣнкѣ какого-либо гражданскаго акта съ точки зрѣнія дѣеспособности лица юристъ можетъ сказать только: да или нѣтъ; тогда какъ въ уголовныхъ дѣлахъ возможенъ и средній путь, благодаря эластической природѣ понятія о наказуемости. Въ этомъ отношеніи положеніе цивилиста проще, хотя повидимому и труднѣе, чѣмъ роль криминалиста.

Эти двѣ отличительныя черты вопроса объ уголовной невмѣняемости—безповоротность результатовъ преступныхъ дѣяній и возможность ступеней въ опредѣленіи отвѣтственности—не позволяютъ криминалисту вполнѣ руководствоваться тѣми теоретическими началами, которыхъ можно и слѣдуетъ придерживаться въ гражданскомъ правѣ [1]).

Въ одномъ направленіи съ этими двумя особенностями дѣйствуетъ и третья, чисто-практическая, — это именно великій общественный интересъ, представляемый карательною юстиціею по отношенію къ преступникамъ,— интересъ, не допускающій исключительнаго господства индивидуальной точки зрѣнія въ дѣлахъ уголовныхъ.

Уголовная вмѣняемость—понятіе болѣе широкое, чѣмъ юридическая дѣеспособность: первая принимается еще тамъ, гдѣ послѣдней не существуетъ. Лица, неспособныя по закону вступать въ гражданскія сдѣлки, какъ напр. несовершеннолѣтніе, способны однако совершать преступленія и нести подобающую за нихъ отвѣтственность, такъ какъ для сознательнаго отношенія къ тому, что преступно, требуется меньше условій, чѣмъ для пониманія и разумнаго огражденія своихъ частныхъ интересовъ.

Съ другой стороны, обыкновенные юридическіе акты могутъ только въ исключительныхъ случаяхъ служить поводомъ къ обнаруженію душевнаго разстройства; они могутъ сами по себѣ не заключать никакихъ признаковъ ненормальности лица, участвовавшаго въ ихъ совершеніи, тогда какъ преступленіе есть уже само по себѣ нѣчто ненормальное, и оно, во многихъ случаяхъ, служитъ именно формою, въ которой выражается умопомѣшательство. Можно даже сказать

[1]) Въ уголовныхъ дѣлахъ труднѣе и экспертиза въ виду возможности притворства со стороны подсудимыхъ, имѣющихъ часто громадный интересъ въ признаніи ихъ душевно-больными, чего нѣтъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Ср. Casper, Prakt. Handbuch der gerichtlichen Medicin, Bd. S. 360 ff.

вообще, что душевно-больные совершаютъ обычныя гражданскія сдѣлки здоровою своею стороною, а впадаютъ въ преступленія стороною болѣзненною,—насколько конечно такое раздвоеніе допускается самымъ характеромъ болѣзни.

Всякое преступленіе можетъ быть разсматриваемо, съ извѣстной точки зрѣнія, какъ продуктъ временнаго сумасшествія, и не было недостатка въ писателяхъ, придерживавшихся такого взгляда болѣе или менѣе безусловно. Этотъ всепрощающій взглядъ высказывался и поэтами, и философами, и медиками, и даже юристами. Онъ одинаково сквозитъ въ мѣткихъ замѣчаніяхъ Фейербаха, въ ученыхъ трудахъ Гризингера, Крафтъ-Эбинга, Иделера и Маудсли, какъ и въ прекрасныхъ стихахъ Горація, приведенныхъ нами въ началѣ предъидущей главы. Но какъ ни заманчивы такого рода широкія воззрѣнія, они едва-ли получатъ когда-либо серьезный вѣсъ предъ лицомъ практической дѣйствительности. Ими наиболѣе увлекались въ первое время великихъ естественно-научныхъ успѣховъ въ текущемъ столѣтіи; но потомъ эти идеи, утративъ пикантность новизны, стали встрѣчать отпоръ нерѣдко въ средѣ самихъ медиковъ—психіатровъ. Ссылка на умственное разстройство слишкомъ часто служила сознательнымъ средствомъ для избѣжанія отвѣтственности, и этимъ средствомъ злоупотребляли не только люди психически-здоровые, но даже отчасти и помѣшанные на самомъ дѣлѣ. «Есть сумасшедшіе, говоритъ д-ръ Майеръ, которые сознаютъ, что по закону они пользуются привиллегіею невмѣняемости, и которые именно этимъ разсчетомъ на безнаказанность оправдываютъ свои преступленія» [1]).

Преступность такъ тѣсно переплетается на дѣлѣ съ душевною ненормальностью, что весьма серьезные спеціалисты по психіатріи должны были признать необходимость новой постановки вопроса о вмѣняемости въ сомнительныхъ случаяхъ: рядомъ съ альтернативою—«сумасшествіе *или* преступленіе», они допускаютъ—«сумасшествіе *и* преступленіе» или «преступное умопомѣшательство» [2]).

Неправильное психическое развитіе вмѣстѣ съ нравственною испорченностью, привитою съ юности, создаетъ наиболѣе многочисленный классъ преступниковъ, и на этотъ именно разрядъ чело-

---

[1]) Juristisch-medicinischer Commentar etc. Dr. I. Mair, Augsb. 1832-3, Bd. I, s. 171.

[2]) Dr. A. Solbrig, Verbrechen und Wahnsinn, Münch. 1867 S. 5 и слѣд.

вѣческихъ существъ медики могутъ, повидимому, заявлять свои права съ такимъ-же основаніемъ, какъ и судьи. Наказаніе, конечно, не излѣчиваетъ преступленій, а только какъ-бы сглаживаетъ ихъ въ сознаніи самихъ виновныхъ, хотя-бы послѣдніе были и душевнобольные; но и медицина съ своей стороны ничего не можетъ сдѣлать для исцѣленія преступниковъ отъ ихъ умственныхъ уродствъ. Законодатели и юристы не могутъ и не должны углубляться въ ту туманно-философскую область, въ которой теряется почва для практическаго удовлетворенія основныхъ нуждъ общежитія. Отвлеченныя положенія, въ родѣ того, что «помѣшанные и преступники суть точно такія-же искусственныя произведенія, какъ и паровыя машины или аппараты для набивки ситцевъ (?!)» [1]), не имѣютъ смысла не только съ юридической, но и ни съ какой иной точки зрѣнія. Такъ-же точно не имѣютъ смысла и жалобы на уголовное законодательство, упускающее будто-бы изъ виду, что «каждое дѣйствіе имѣетъ свои роковыя причины, что человѣкъ является только слѣпымъ орудіемъ выполненія того или другаго закона природы, дѣйствующаго на него неотразимымъ образомъ, если въ человѣкѣ не выработалась при посредствѣ общества, въ которомъ онъ живетъ, способность противодѣйствія до извѣстной степени внѣшнимъ вліяніямъ» [2]). Такого рода взглядами одинаково отрицается свобода воли въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ; а подобное безцѣльное отрицаніе напоминаетъ доводы того философа, который, расхаживая по комнатѣ, отрицалъ движеніе.

Понятіе о наказуемости преступленія входитъ во всякомъ случаѣ въ составъ главныхъ внутреннихъ пружинъ, вліяющихъ на дѣйствія порочныхъ людей, и мысль о наказаніи въ такомъ или иномъ видѣ не лишена значенія даже для нѣкоторыхъ категорій душевно-больныхъ. Поэтому очевидно, что въ вопросѣ о невмѣняемости точка зрѣнія законодательно-судебная нисколько не совпадаетъ съ научно-медицинскою. Это различіе подмѣтилъ даже такой рѣшительный психіатръ, какъ д-ръ Маудсли: «есть *помѣшанные*, замѣчаетъ онъ, которые *безъ сомнѣнія* должны быть отвѣтственны за свои дѣйствія,

---

[1]) *Маудсли*, Отвѣтств. при душ. болѣзняхъ, въ переводѣ д-ра Чечотта, стр. 30.

[2]) «Душевныя болѣзни и способность ко вмѣненію» *д-ра Штейнберга*, по Касперу, въ Сборникѣ соч. по суд. медицинѣ и психіатріи за 1873 г., т. 2, прил. стр. 296.

и, съ другой стороны, есть здоровые, которые, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, очевидно не должны подлежать отвѣтственности за свои проступки» [1]). «Обитатели заведеній для помѣшанныхъ, говоритъ тотъ-же писатель въ другомъ мѣстѣ, несомнѣнно удерживаются отъ дурныхъ поступковъ страхомъ, что имъ придется поплатиться большимъ стѣсненіемъ или утратою нѣкоторой свободы, если они дадутъ волю дурнымъ наклонностямъ; и опытъ показываетъ, что относительно душевно-больныхъ даже самое наказаніе производитъ иногда полезное дѣйствіе и представляетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ самое полезное лекарство» [2]).

Невмѣняемость не есть такимъ образомъ непосредственный логическій выводъ изъ психическихъ ненормальностей, сопровождающихъ преступленіе, и эти ненормальности подлежатъ въ уголовномъ процессѣ такому же осторожному и безпристрастному сужденію, какъ и въ дѣлахъ гражданскихъ.

---

[1]) Физіологія и патологія души, стр. 305.

[2]) Отвѣтств. при душ. болѣзняхъ, стр. 332 и др. Много фактическихъ данныхъ въ соч. Despine, Psychologie naturelle etc. chez les aliénés et chez les criminels, v. I—III; Dr. Friedreich, System der gerichtlichen Psychologie u. Compendium der gerichtlichen Anthropologie; Dr. Ideler., Lehrbuch der gerichtlichen Psychologie и др.

XVII.

«Jedes Verbrechen ist nicht bloss eine rechtswidrige, unsittliche und vernunftswidrige, sondern auch eine unverständige Handlung».

Feuerbach.

Нападки на судъ присяжныхъ со стороны юристовъ-теоретиковъ. — Преимущества этого суда въ вопросахъ о вмѣненіи. — Англійская система отвѣтственности душевно-больныхъ. — Рѣзкое отдѣленіе юридической стороны отъ медицинской. — Переходныя ступени и оттѣнки умственныхъ ненормальностей; необходимость такихъ-же ступеней въ опредѣленіяхъ отвѣтственности. — Уменьшенная вмѣняемость. — Смѣшеніе невмѣняемости съ невиновностью и слѣдствія этого. — Оправданіе и освобожденіе, вмѣсто заключенія въ домъ умалишенныхъ. — Важность постановки вопроса присяжнымъ.

Замѣтная шаткость въ положеніи вопроса о невмѣняемости, сравнительно съ вопросомъ о дѣеспособности, приписывалась нерѣдко институту присяжныхъ, мѣшающему будто-бы ученымъ юристамъ давать надлежащее направленіе судебной практикѣ по дѣламъ уголовнымъ.

Особенно часто высказывались подобныя сѣтованія на присяжныхъ въ Германіи, со времени изобрѣтенія саксонскимъ прокуроромъ д-ромъ Шварце новой «національной» системы шеффеновъ. Нѣмцы находятъ, что судъ присяжныхъ совершенно некомпетентенъ въ такихъ трудныхъ «научныхъ» вопросахъ, какъ вопросъ объ уголовной вмѣняемости и отвѣтственности. «Простые граждане,» — восклицаетъ напр. д-ръ Руфъ, — «призываются рѣшать задачу, не всегда разрѣшимую даже для ученѣйшихъ людей. Никогда еще никакая наука не ожидала рѣшенія своихъ вопросовъ отъ приговоровъ народныхъ; только *наука* уголовнаго права, въ своихъ самыхъ глубокихъ интересахъ, обращается къ народу и предоставляетъ ему рѣшать ея сомнѣнія». Другой нѣмецкій ученый, проф. Кноке, счи-

таетъ крайне-обиднымъ положеніе врачей-экспертовъ, какъ представителей науки, предъ лицомъ профановъ-присяжныхъ [1]).

Такого рода мнѣнія лишены логическаго основанія уже потому, что въ дѣйствительности присяжные рѣшаютъ задачи не «научныя», а исключительно и всецѣло практическія, не имѣющія ничего общаго ни съ какими интересами науки. Наука здѣсь очевидно ни причемъ, и странно взывать къ ея достоинству, когда дѣло идетъ объ участи отдѣльныхъ лицъ, призванныхъ отвѣчать за свои дѣйствія предъ судомъ. Кабинетные теоретики, привыкшіе вращаться въ области книжныхъ отвлеченностей, меньше всего годятся для непосредственной оцѣнки низменныхъ житейскихъ побужденій и поступковъ, составляющихъ обычный матеріалъ уголовныхъ разбирательствъ. То, что упомянутые писатели называютъ «некомпетентностью,» служитъ напротивъ единственно-возможною гарантіею и противъ односторонникъ воззрѣній врачей и противъ сухаго доктринерства криминалистовъ.

Насколько слабы, впрочемъ, мотивы новѣйшихъ возраженій нѣмцевъ противъ присяжныхъ, видно уже изъ того, что въ Англіи и Франціи—странахъ, не менѣе Германіи просвѣщенныхъ,—давно уже возбужденъ вопросъ о передачѣ суду жюри всѣхъ вообще дѣлъ о сумасшедшихъ, даже дѣлъ о принятіи кого-либо въ заведеніе для душевно-больныхъ по требованію родственниковъ или правительства.

Приговоры присяжныхъ зависятъ отъ предлагаемаго имъ судебнаго матеріала, и если матеріалъ этотъ односторонень или недостаточенъ, то и приговоры не могутъ быть иными. Дѣло коронныхъ судей и вообще юристовъ — выработать опредѣленныя правила объ условіяхъ и предѣлахъ отвѣтственности, установить извѣстныя границы для вопроса о невмѣняемости въ отдѣльныхъ случаяхъ и предупредить возможность той вредной путаницы, которая вызывается большею частью столкновеніемъ противоположныхъ между собою тенденцій экспертизы, прокуратуры и защиты. Очень мало еще сдѣлано юристами въ этомъ отношеніи, особенно въ Германіи, гдѣ юриспруденція сильно проникнута еще старымъ духомъ отвлеченной

---

[1]) Die Criminaljustiz, v. Dr. Ruf, 1870 S. 30—34; Die Geisteskranken vor dem Schwurgerichte, v. Prof. C. Knocke, S. 17, 35, и сл.

схоластики; но виноваты въ этомъ разумѣется не присяжные, а именно «люди науки» [1]).

Институтъ присяжныхъ, уже по самой природѣ своей, не допускаетъ ни преобладанія индивидуально-медицинской точки зрѣнія ни исключительнаго господства абстрактно-юридическихъ теорій, въ вопросѣ объ условіяхъ отвѣтственности. Правосудіе не можетъ слѣдовать безусловно ни за проповѣдниками невмѣняемости, ни за истолкователями голой лишь буквы закона: оно должно имѣть свой особый средній путь, примиряющій положеніе подсудимыхъ съ общественнымъ чувствомъ справедливости и съ насущными интересами общежитія. Этотъ средній путь возможенъ только при институтѣ присяжныхъ; но этотъ путь устанавливается не самъ собою, а подъ руководствомъ судей-юристовъ, отъ которыхъ только и зависитъ направленіе судебной практики по дѣламъ уголовнымъ.

Достойный подражанія примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи классическая родина «жюри», Англія, гдѣ обращенія судей къ присяжнымъ составляютъ одинъ изъ богатѣйшихъ, постоянно обновляющихся «источниковъ права». Англійская система отвѣтственности душевно-больныхъ есть вполнѣ дѣло судебной практики. Можно считать неудовлетворительными нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ въ Англіи правилъ относительно невмѣняемости; но эти правила оказываются на дѣлѣ несравненно лучшими, чѣмъ какими они представляются въ теоріи. Вопросъ объ отвѣтственности ставится тамъ въ зависимость не отъ вопроса о болѣзни подсудимаго, а отъ вопроса о томъ, сознавалъ-ли обвиняемый противозаконность своего дѣянія или нѣтъ: очевидно, что этотъ критерій невмѣняемости основывается только на предполагаемой неспособности сумасшедшихъ понимать значеніе своихъ поступковъ и отличать добро отъ зла, причемъ

---

[1]) Ученые нѣмецкіе юристы, принимающіеся за «спеціальное» изслѣдованіе вопросовъ уголовной психологіи, обнаруживаютъ большею частью совершенное незнакомство съ истинными свойствами предмета; такъ, напримѣръ, извѣстный юристъ *Данквардтъ*, въ своемъ сочиненіи «Psychologie und Criminalrecht» (Lpz. 1863), придерживается исключительно старинной психологіи френологовъ и Бэкона (!), а не менѣе извѣстный юристъ-философъ *Рёдеръ*, въ своемъ трудѣ «объ уголовномъ вмѣненіи и примѣненіи наказаній», помѣщенномъ въ «Gerichtsaal» за 1873 и 1874 годы, не признаетъ другихъ авторитетовъ въ психологіи, кромѣ Фейербаха.

опускается изъ виду вліяніе разстройства на чувственную сторону, на побужденія и волю больнаго. Тѣмъ не менѣе, при всей своей кажущейся односторонности, приведенное правило заключаетъ въ себѣ весьма важный практическій принципъ: оно устраняетъ возможность медицинскихъ увлеченій въ дѣлѣ отправленія уголовнаго правосудія. По англійскому праву, психическое разстройство само по себѣ еще не исключаетъ отвѣтственности; нужно кромѣ того еще, чтобы съ этимъ разстройствомъ соединялась неспособность отвѣчать за свои дѣйствія въ данномъ случаѣ. Англичане вообще не придаютъ большаго значенія сомнительнымъ душевнымъ состояніямъ въ вопросѣ объ отвѣтственности преступниковъ; они склонны скорѣе наказывать, чѣмъ освобождать въ случаѣ сомнѣнія. «При невозможности провести точную границу между умственнымъ здоровьемъ и болѣзнью», говоритъ англійскій юристъ Бальфуръ-Браунъ, «мы должны неизбѣжно допускать ошибки, и пока будетъ существовать необходимость наказанія вообще, до тѣхъ поръ будутъ неизбѣжно наказываемы и сумасшедшіе». Судебныя «недоразумѣнія», ведущія къ казни душевно-больныхъ, представляются не особенно важными съ точки зрѣнія англійскихъ юристовъ. «Государство»—замѣчаетъ тотъ-же Браунъ въ другомъ мѣстѣ—«существуетъ для блага здоровыхъ людей, а не для блага больныхъ, и напрасно стараются иные адвокаты увѣрить насъ, что больше всего слѣдуетъ будто-бы заботиться о покровительствѣ сумасшедшимъ, а не о безопасности и благополучіи тѣхъ, которые здоровы» [1]). Конечно, такого рода теоріи не пользуются исключительною популярностью даже въ Англіи, и энергическія указанія на вытекающія изъ нихъ практическія неудобства побудили правительство учредить особый смѣшанный комитетъ, съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія вопроса о положеніи умалишенныхъ. Комитетъ этотъ собралъ массу положительнаго матеріала, свидѣтельствующаго о необходимости болѣе серьезныхъ гарантій для устраненія ошибокъ и произвола относительно душевно-больныхъ; но теорія невмѣняемости почти совсѣмъ не затронута работами ко-

---

[1]) «Responsibility and disease», by Balfour-Brown (Law Magazine, 1872, pp. 495, 501); ср. его-же Medical jurisprudence of insanity, London 1870, а также R. S. Guernsey, Juries and physicians on questions of insanity, New-York, 1873.

митета, касающимся преимущественно внѣшней, процессуальной стороны предмета [1]).

Главное достоинство англійской теоріи заключается въ томъ, что она рѣзко отдѣляетъ юридическую часть вопроса отъ медицинской. Англійскіе юристы полагаютъ, что задача судьи не имѣетъ ничего общаго съ задачею врача-психіатра. Англійскіе судьи выработали въ этомъ отношеніи совершенно самостоятельные взгляды, которые и проводятся ими на дѣлѣ съ обычною твердостью и послѣдовательностью, опираясь на здравое чувство народа и на практическій опытъ спеціалистовъ.

Извѣстно, что опытъ давно уже доказалъ основательность и законность юридическихъ общественно-житейскихъ положеній на почвѣ такихъ вопросовъ, которые не разрѣшены или не могутъ быть вполнѣ разрѣшены въ теоріи.

Душевное разстройство имѣетъ значеніе для судьи не какъ болѣзнь, а какъ явленіе, исключающее или ослабляющее отвѣтственность. Для вопроса о невмѣняемости важно не существованіе такой или иной формы помѣшательства въ медицинскомъ смыслѣ, а присутствіе вообще элементовъ, указывающихъ на недостатокъ или извращеніе въ человѣкѣ основныхъ условій вмѣненія. Эти пертурбаціонные элементы могутъ имѣть различное происхожденіе и различныя свойства; но общая ихъ черта состоитъ въ томъ, что они лишаютъ человѣка способности сознательно управлять своими дѣйствіями и сдерживать свои болѣзненные порывы. Юристъ долженъ обращать преимущественное вниманіе не на положительную, а на отрицательную сторону психическихъ ненормальностей,—не на ихъ проявленія и причины, а на послѣдствія ихъ по отношенію къ отвѣтственности.

Въ старыхъ кодексахъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, перечислялись обыкновенно извѣстныя формы душевныхъ болѣзней, уничтожающія вмѣняемость и дѣеспособность; въ новѣйшихъ же

---

[1]) Law-Magazine, 1875, April, Art. «The lunacy laws». Авторъ указываетъ на крайнюю недостаточность закона 1853 года о сумасшедшихъ (Lunacy-act), особенно относительно условій пріема въ заведенія для душевно-больныхъ; онъ приводитъ между прочимъ случай съ г-жею Вудъ, задержанной какъ помѣшанная по свидѣтельству двухъ медиковъ и потомъ отпущенной на волю въ виду явной неосновательности ареста. Авторъ, какъ и многіе другіе, требуетъ суда присяжныхъ для подобныхъ дѣлъ.

уложеніяхъ, какъ, напримѣръ, въ германскомъ уголовномъ, приводятся лишь отрицательные признаки психическаго разстройства, независимо отъ тѣхъ формъ, въ которыхъ оно выражается и до которыхъ судьямъ нѣтъ собственно никакого дѣла [1]). Всѣ новѣйшіе комментаторы, какъ юристы, такъ и медики, согласны въ томъ, что даже существованіе въ законѣ извѣстныхъ психіатрическихъ терминовъ не должно стѣснять судей при оцѣнкѣ отдѣльныхъ случаевъ, не подходящихъ подъ принятыя закономъ опредѣленія или рубрики: указанія закона должны быть понимаемы лишь въ смыслѣ объяснительныхъ примѣровъ, лишенныхъ безусловной обязательности [2]). Медицинская терминологія сама по себѣ шатка и не установлена прочно даже въ книгахъ ученыхъ спеціалистовъ; перенесенная-же въ дѣйствующее законодательство, она вноситъ ненужную

---

[1]) Въ германскомъ кодексѣ опредѣленіе невмѣняемости формулировано слѣдующимъ образомъ: «Eine strafbare Handlung ist nicht vorhanden, wenn der Thäter zur Zeit der Begehung der Handlung sich in einem Zustande von Bewusstlosigkeit oder krankhafter Störung der Geistesthätigkeit befand, durch welche seine freie Willensbestimmung ausgeschlossen war» (§ 51). Прежній прусскій кодексъ принималъ двѣ формы душевной болѣзни—сумасшествіе и слабоуміе; уложенія австрійское (§ 2) и старое баварское (§ 67) вычисляютъ главныя формы разстройства, скорѣе въ видѣ примѣровъ, чѣмъ въ видѣ обязательной классификаціи, а французскій кодексъ говоритъ вообще о «состояніи безумія (demence) во время совершенія дѣянія (§ 64). Англійское право различаетъ двѣ формы—природное слабоуміе (idiocy) и случайное или болѣзненное помѣшательство (insanity или lunacy). Терминъ «lunacy» служитъ для обозначенія всѣхъ вообще видовъ умственнаго разстройства, извѣстныхъ медикамъ подъ различными названіями—маніи, мономаніи и сумасшествія (dementia). Кромѣ idiocy и lunacy встрѣчается еще терминъ «unsound mind»—разстройство ума, выражающееся исключительно въ ложныхъ идеяхъ (delusions). См. Taylor, Medical jurisprudence, L. 1861, p. 855.—Что касается нашего уложенія, то въ немъ упоминаются прежде всего «безуміе» и «сумасшествіе»; затѣмъ «слабоуміе» (какъ смягчающее обстоятельство въ п. 4 ст. 134), старческое безуміе и сонноходство, и наконецъ «болѣзнь, сопровождаемая умоступленіемъ или совершеннымъ безпамятствомъ». Притомъ сумасшедшіе называются иногда безразлично «умалишенными» «лишенными разсудка» и т. п.

[2]) Chauveau et Faustin Hélie, Théorie du code pénal, v. II, p. 244: «Toutes les variétés de l'affection mentale, quelles que soient les dénominations que leur applique la science, quelque classification qu'elles aient reçu, revêtent la puissance de l'excuse et justifient l'accusé» etc. Ср. замѣчанія Крафтъ-Эбинга въ Rechtslexikon v. Holtzendorf, Th. II, S. 665 и слѣд., а также Mair's Commentar, I. 189, 191, 234 и др.

теоретическую путаницу въ область глубоко-практическую, не допускающую ни гипотезъ, ни произвольныхъ обобщеній. Никакая классификація не могла бы исчерпать собою всѣхъ видовъ и оттѣнковъ душевнаго разстройства; а еслибъ полная классификація и была возможна, то она была-бы во всякомъ случаѣ безполезна для вопроса о невмѣняемости, ибо невмѣняемость нисколько не связана безусловно съ различными формами психической болѣзни, какъ думали прежде.

Множество едва замѣтныхъ переходныхъ ступеней отдѣляетъ полное душевное здоровье отъ совершеннаго его разстройства, и по мѣрѣ этихъ послѣдовательныхъ ступеней уменьшается и вмѣняемость. Нѣкоторые криминалисты отвергаютъ, правда, эти промежуточные переходы отъ полной отвѣтственности до полной невмѣняемости, ссылаясь на какіе-то отвлеченные логическіе доводы; но логика должна сообразоваться съ природою вещей, а не отрицать ее.

Невмѣняемость, по справедливому замѣчанію Шово и Фостенъ-Эли, должна быть частична (или лучше дѣлима), какъ и помѣшательство. По мнѣнію Каспера, возраженія противъ «уменьшенной отвѣтственности» суть только кажущіяся, ибо «умственное здоровье— не безусловная величина, отъ которой нельзя было-бы отнять ни единой части безъ уничтоженія цѣлаго». Такого-же взгляда придерживаются всѣ вообще писатели, знакомые съ положеніемъ вопроса съ фактической его стороны; только рѣшительные схоластики, какъ Шютце, Іессенъ, Кноке и др., продолжаютъ стоять на своемъ, несмотря на очевидную слабость своей аргументаціи [1]). Нельзя дѣлать

---

[1]) Chauveau et Faustin Hélie, v. II, p. 221: «L'irresponsabilité doit être partielle, comme la folie». Casper, Pract. Handb. der. ger. Med., Bd. I, S. 366 и сл. (о необходимости ступеней въ уголовной вмѣняемости); такъ-же точно Hälschner, System des preussischen Strafrechts, S. 119. Holtzendorf, Handbuch des deutschen Strafrechts, Bd. II, S. 222 — 226 (проф. Скржечки); Крафтъ-Эбингъ, Начала уголовной психологіи, стр. 88, 115, 118 и сл. Проф. Бернеръ въ «Lehrbuch des deutschen Strafrechts» (S. 122 и слѣд.) придерживается еще отчасти своей извѣстной абстрактной теоріи вмѣненія (Theorie der Imputationslehre), а Dr. Schütze въ своемъ учебникѣ категорически заявляетъ, что «уголовное право не должно признавать уменьшенной вмѣняемости» (S. 120) и что «weder relative, noch partielle Unzurechnungsfähigkeit kann das Strafrecht anerkennen» (S. 121), причемъ даже не даетъ себѣ труда привести какіе-нибудь аргументы въ пользу этого мнѣнія. Между

въ теоріи прямой скачекъ отъ нормальной отвѣтственности до совершенной невмѣняемости, если сама природа явленія, ослабляющаго вмѣняемость, устанавливаетъ на дѣлѣ промежуточныя стадіи.

Въ дѣйствующихъ законодательствахъ это начало не получило еще надлежащаго примѣненія, и недостатокъ этотъ отчасти лишь смягчается системою уменьшающихъ вину обстоятельствъ. Только въ старомъ баварскомъ кодексѣ выражено правило, предоставляющее судьямъ понижать наказаніе, по своему усмотрѣнію, въ случаяхъ «уменьшенной вмѣняемости».

Въ числѣ преступниковъ встрѣчаются личности, которыя не могутъ быть отнесены ни къ разряду сумасшедшихъ, ни къ разряду людей умственно-здоровыхъ,—личности, не настолько разстроенныя, чтобы считаться неспособными отвѣчать за свои дѣйствія, и не настолько нормальныя, чтобы подлежать общей законной отвѣтственности. Для этой обширной категоріи лицъ необходимы особыя карательныя мѣры, въ видѣ среднихъ переходныхъ ступеней между полною отвѣтственностью и совершенною безнаказанностью.

Если несправедливо подвергать извѣстнаго рода подсудимыхъ такому или иному наказанію, то это не значитъ еще, что ихъ надо отпускать на волю; и еслибъ освобождать отъ преслѣдованія всѣхъ вообще сомнительныхъ душевно-больныхъ, то пришлось-бы большую часть преступниковъ оставлять на свободѣ.

Юристы-практики весьма часто впадаютъ въ ошибку, смѣшивая невмѣняемость съ невиновностью, вслѣдствіе чего понятіе объ «оправданіи» примѣняется нерѣдко къ такимъ случаямъ, въ которыхъ на дѣлѣ требовалось-бы заключеніе въ домъ умалишенныхъ или принятіе какой-либо другой подобной мѣры, не лишенной карательнаго смысла. Извѣстная система взысканій существуетъ даже въ заведеніяхъ для помѣшанныхъ, гдѣ она признается необходимою всѣми спеціалистами по психіатріи; возможно-ли поэтому отрицать без-

---

тѣмъ въ судебной практикѣ постоянно чувствуется необходимость «ступеней отвѣтственности», и отсутствіе ихъ вызываетъ горькія жалобы спеціалистовъ. Ср. отзывъ д-ра Фалька въ «Archiv für Psychiatrie» v. Westphal, 1874, S. 253. Объясненія Іессена (Ueber Zurechnungsfähigkeit, v. Dr. Willers Jessen, S. 15) относительно практической и логической будто-бы невозможности ступеней, представляютъ чистую схоластику, не выдерживающую ни малѣйшей критики.

условно справедливость какихъ бы то ни было наказаній въ примѣненіи къ душевно-больнымъ, совершившимъ преступленіе? Заключеніе въ домъ умалишенныхъ, по приговору суда, должно во всякомъ случаѣ считаться минимумомъ наказанія относительно психически-ненормальныхъ личностей; но и принудительныя работы могутъ быть соединяемы успѣшно съ врачебнымъ надзоромъ, какъ доказалъ опытъ нѣкоторыхъ тюремно-психіатрическихъ заведеній [1]).

Уже римское право понимало необходимость тюремнаго заключенія для сумасшедшихъ преступниковъ, наряду съ нѣкоторыми принудительными противъ нихъ мѣрами, несмотря на то, что «сумасшедшій достаточно наказывается самимъ помѣшательствомъ» (satis ipso furore punitur); въ этомъ отношеніи римское право принимало въ разсчетъ не одни индивидуальные интересы душевнобольныхъ, а преимущественно интересы безопасности окружающихъ лицъ и всего общества [2]). Эта общественно-государственная точка зрѣнія доселѣ сохранила наибольшую силу въ Англіи, тогда какъ въ континентальныхъ обществахъ, вслѣдствіе историческихъ условій, развилась привычка смотрѣть на всякую карательную мѣру, какъ на проявленіе стѣснительной для гражданъ власти: привычка эта, поддерживаемая жестокостью и несправедливостью прежнихъ наказаній, удержалась отчасти и послѣ передачи уголовнаго правосудія въ руки самого общества, чрезъ посредство института присяжныхъ. Между тѣмъ злоупотребленіе началомъ: «in dubio benignius» нерѣдко открывало преступникамъ одну дверь только для того, чтобы впускать ихъ потомъ черезъ другую, съ еще большею обузою на душѣ.

Душевное разстройство должно вести не къ оправданію, а къ освобожденію отъ общей нормальной отвѣтственности,—что далеко

---

[1]) Въ отчетѣ управленія шотландскихъ тюремъ за 1876 г. упоминается между прочимъ объ одномъ субъектѣ, умертвившемъ ребенка и заключенномъ по освидѣтельствованіи въ сумасшедшее отдѣленіе тюрьмы; поведеніе этого субъекта не заключало въ себѣ особенныхъ странностей, и завѣдующіе тюрьмою полагали, что «такъ какъ онъ человѣкъ вообще ловкій, то полезно было-бы употреблять его для работъ въ тюремномъ магазинѣ, а на ночь и въ обѣденные часы оставлять въ заведеніи сумасшедшихъ». «Но», прибавляетъ отчетъ, «это было-бы нововведеніе въ тюремной организаціи». (Daily News 1877, отъ 31 марта).

[2]) Dig. lib. I. t. XVIII, 13—14; см. замѣчательный рескриптъ Марка и Коммода начальнику провинціи Тертиллу по дѣлу Элія Приска.

не одно и то же. Необходимо строго отличать уголовную наказуемость отъ нравственной виновности, такъ какъ смѣшеніе этихъ понятій можетъ вредно дѣйствовать на приговоры присяжныхъ.

Виновность можетъ существовать и тогда, когда отвѣтственность крайне слаба и не полна. Наказуемость въ уголовномъ смыслѣ можетъ касаться только людей, находящихся въ состояніи вмѣняемости; а виновными въ смыслѣ нравственномъ могутъ быть признаны и сумасшедшіе, при извѣстныхъ условіяхъ.

Признаніе невиновности ведетъ къ оправданію подсудимаго, къ возвращенію ему полной свободы; а признаніе невмѣняемости по умственному разстройству ведетъ къ заключенію въ домъ умалишенныхъ [1]). Вотъ почему нельзя съ вопросомъ о виновности смѣшивать вопросъ о невмѣняемости: этотъ послѣдній вопросъ долженъ всегда ставиться отдѣльно, въ видѣ указанія на фактическіе признаки неспособности обвиняемаго отвѣчать за свои дѣйствія.

Не мало судебныхъ ошибокъ и недоразумѣній было-бы устранено на практикѣ, еслибъ юристы твердо придерживались указаннаго различія.

Очевидно, что, предоставляя присяжнымъ высказываться о невмѣняемости въ формѣ отвѣта на общій вопросъ о виновности мы не только дѣлаемъ возможнымъ *оправданіе* лицъ, подлежащихъ заключенію въ домъ умалишенныхъ, но также содѣйствуемъ неточности самихъ приговоровъ: при двухъ отдѣльныхъ вопросахъ можетъ получиться другой результатъ, чѣмъ при одномъ общемъ вопросѣ, ибо изъ большинства присяжныхъ одна часть можетъ имѣть въ виду мотивы фактической невиновности, а другая часть—мотивы невмѣняемости.

Напримѣръ, четверо присяжныхъ признаютъ подсудимаго невиновнымъ фактически, независимо отъ условій вмѣненія, а другіе

---

[1]) По нашему уложенію (прил. къ ст. 95) подсудимые, признанные судомъ сумасшедшими, «отсылаются для содержанія и леченія въ домъ умалишенныхъ, съ тѣмъ, чтобы *ни въ какомъ случаѣ* не были изъ дома исключаемы» безъ разрѣшенія высшаго начальства. Въ случаѣ же полнаго выздоровленія, больные могутъ быть отпускаемы на поруки только по прошествіи пробнаго «двухлѣтняго срока», который можетъ быть сокращенъ лишь въ силу «особыхъ къ сему побужденій и достаточнаго удостовѣренія, что отъ того не можетъ быть никакой опасности».

четверо находятъ, что преступленіе совершено въ состояніи невмѣняемости; при отдѣльныхъ вопросахъ большинство было-бы въ пользу виновности, а при одномъ вопросѣ—въ пользу невиновности. Такимъ образомъ приговоръ, основанный на смѣшеніи двухъ различныхъ понятій, могъ-бы противорѣчить дѣйствительному мнѣнію большинства присяжныхъ.

XVIII.

«Si la pauvreté est la mère des crimes,
le defaut d'esprit en est le père.»
La-Bruyère.

«L'irresponsibilité doit être partielle, comme la folie».
Chauveau et Hélie.

Сомнительныя душевныя состоянія. — Частное умопомѣшательство. — Ложныя идеи, невѣжество и суевѣріе. — Процессъ Суберви и дѣло Курана. — Вліяніе безумныхъ идей на вмѣняемость. — Опредѣленіе связи проступка съ предметомъ помѣшательства. — Ложныя идеи и заблужденія у людей здоровыхъ. — Религіозная манія. — Законъ и практика; предположеніе обмана въ суевѣрныхъ проступкахъ.

Болѣзненные порывы и безумныя идеи ослабляютъ отвѣтственность во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе является непосредственнымъ слѣдствіемъ психическаго разстройства. Относительно полнаго помѣшательства или безумія невмѣняемость не представляетъ вообще никакихъ сомнѣній; и не эти вполнѣ развившіяся формы душевной болѣзни имѣемъ мы въ виду, когда говоримъ о различіи между взглядами врачей и юристовъ. Сомнѣнія начинаются тамъ, гдѣ психіатрія переходитъ въ область психологіи и гдѣ признаки ненормальности переплетаются на каждомъ шагу съ проявленіями здраваго ума и здравой воли.

Профессоръ Титель въ Лейпцигѣ утверждалъ, что онъ римскій императоръ; однако онъ не покидалъ своей каѳедры и считался

вообще умственно-здоровымъ. Мать бросаетъ своего любимаго ребенка въ топящуюся печь, а на вопросъ, зачѣмъ она это сдѣлала, отвѣчаетъ: «Христосъ такъ велѣлъ»: [1]) сумасшествіе-ли тутъ въ настоящемъ смыслѣ слова или простой лишь обманъ чувствъ? Бываютъ заблужденія и галлюцинаціи, вліяющія на разсудокъ только въ извѣстной степени и съ извѣстной только стороны; въ такихъ случаяхъ и отвѣтственность уменьшается по мѣрѣ связи даннаго проступка съ болѣзненною стороною субъекта.

Ложныя идеи, каковъ-бы ни былъ ихъ источникъ, ограничиваютъ или уничтожаютъ свободу воли даже у людей, не относящихся къ категоріи душевно-больныхъ; въ этомъ отношеніи, неправильное развитіе воображенія, невѣжество и суевѣріе, приводятъ къ такимъ-же послѣдствіямъ, какъ и помѣшательство.

Во времена преслѣдованія колдовства множество людей погибло вслѣдствіе добровольныхъ «чистосердечныхъ» признаній въ незаконныхъ сношеніяхъ съ дьяволомъ; сами «вѣдьмы» нерѣдко обращались къ правосудію съ жалобами на покушенія сатаны, которымъ онѣ будто-бы «имѣли слабость подчиниться», причемъ разсказывали точныя подробности о своихъ мнимыхъ проступкахъ.

Несомнѣнно, что эти «колдуньи», убѣжденныя въ своихъ страшныхъ грѣхахъ, были не менѣе помѣшаны, чѣмъ и судьи, посылавшіе ихъ на казнь; но въ тѣ времена считали-бы наоборотъ сумасшедшимъ того, кто вздумалъ-бы отрицать существованіе нечистой силы и наказуемость ея въ лицѣ вѣдьмъ. Трудно опредѣлить степень вмѣняемости при подобной массѣ умственной тьмы; а такого рода тьма присуща каждой эпохѣ въ самыхъ различныхъ видахъ и проявленіяхъ.

Въ 1850 году, въ одномъ изъ провинціальныхъ судовъ Франціи, разбиралось дѣло объ убійствѣ старухи Бедуре. Супруги Суберви, совершившіе это преступленіе, объяснили на судѣ, что Бедуре была вѣдьма и что, какъ имъ сказалъ священникъ, она была причиною той болѣзни, отъ которой страдала жена Суберви; вслѣдствіе того, они завели старуху въ особую комнату, положили ее на горящую

---

[1]) Архивъ судебной медицины и общественной гигіены, 1871, № 2, стр. 56, отдѣлъ судебной казуистики; ср. также Сборникъ сочиненій по суд. медицинѣ, 1874, № 1, д-ра *С. Штейнберга*, стр. 531 и др.

солому и воткнули ей въ ротъ раскаленное до-красна желѣзо: несчастная умерла въ мучительной агоніи. Суберви не только сознались, но съ торжествомъ говорили о своемъ подвигѣ. На судѣ объ нихъ сдѣланы были самые похвальные отзывы. Было доказано, что единственнымъ ихъ побужденіемъ было суевѣріе и что поступокъ ихъ основывался въ сущности на самыхъ авторитетныхъ клерикальныхъ прецедентахъ. Присяжнымъ предлагали признать ихъ невиновными, и Суберви были приговорены только къ уплатѣ 25 франковъ въ годъ мужу жертвы и къ четыремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія [1]).

Очевидно, что въ этомъ случаѣ психическое состояніе обвиняемыхъ было приравнено къ сумасшествію, хотя въ медицинскомъ смыслѣ никакого разстройства у нихъ не было.

Приведемъ однородный-же примѣръ изъ русской практики. Отставной солдатъ Францъ Куранъ убилъ женщину, по имени Сохачевскую, которую считалъ опасною колдуньею. Куранъ женился несчастливо, бывалъ постоянно боленъ и приписывалъ всѣ свои страданія «чарамъ жены»; послѣ напрасныхъ совѣтовъ съ знахарями и докторами, онъ обратился къ Сохачевской, которая, какъ ему сообщили, занималась колдовствомъ, ворожбою и знахарствомъ. Разложивши карты, Сохачевская объявила Курану, что жена приворожила его, «обливъ его сзади», и что болѣзнь его весьма вредная, требующая продолжительнаго леченія, для котораго она и предложила свои услуги. Сохачевская лечила его цѣлыхъ полтора года и затѣмъ стала требовать денегъ, угрожая въ противномъ случаѣ повредить ему въ здоровьи; опасаясь дѣйствительно мести съ ея стороны, Куранъ ударилъ ее нѣсколько разъ по головѣ, требуя, чтобы она вылечила его немедленно. Покончивъ съ Сохачевскою, Куранъ сжегъ ея платье, уложилъ трупъ въ мѣшокъ и приготовился свезти его къ рѣкѣ, причемъ и былъ пойманъ. Куранъ заявилъ на судѣ, что онъ «боялся Сохачевской какъ колдуньи»; родные и знакомые его отзывались объ немъ, какъ о «набожномъ, трудолюбивомъ и вообще хорошемъ человѣкѣ», несмотря на нѣкоторыя странности. Судъ рѣшилъ временно освободить Курана отъ отвѣтственности и помѣ-

---

[1]) Cordier, Légendes des Hautes Pyrénées, Lourdes, 1855, pp. 79—88; *Г. Лекки*, Исторія раціонализма въ Европѣ, т. 1, стр. 16. прим.

стить его въ домъ умалишенныхъ, для испытанія умственныхъ его способностей [1]).

И въ этомъ дѣлѣ существованіе ложныхъ идей признано было равносильнымъ помѣшательству, исключающему вмѣненіе.

Въ обоихъ приведенныхъ процессахъ подсудимые, безъ сомнѣнія, понимали, что и вѣдьмъ нельзя убивать безнаказанно: убійство являлось здѣсь какъ-бы въ видѣ обороны отъ предполагаемыхъ дурныхъ вліяній колдовства и отчасти вслѣдствіе безотчетнаго страха или чувства мести, такъ-что суевѣріе играетъ тутъ роль обыкновеннаго аффекта, ослабляющаго, но не уничтожающаго вмѣняемость. Супруги Суберви, какъ и солдатъ Куранъ, одинаково сознавали свойство своего дѣянія; они могли считать убійство дозволеннымъ съ нравственной или религіозной точки зрѣнія, но не могли считать его законнымъ и не подлежащимъ отвѣтственности предъ судомъ: для нихъ преступленіе имѣло какъ-бы характеръ самовольной расправы, за которую нужно все-таки отвѣчать. Суберви имѣли за собою даже авторитетъ духовенства; но они знали также, что принимать противъ «вѣдьмъ» насильственныя мѣры и подвергать ихъ наказаніямъ могло-бы только само духовенство и вообще установленныя власти, а никакъ не отдѣльныя лица. Поэтому, даже съ точки зрѣнія ихъ ложныхъ идей, такіе субъекты, какъ Суберви или Куранъ, могли-бы по справедливости вызвать болѣе строгое къ нимъ отношеніе суда, чѣмъ какое выказано было на дѣлѣ въ указанныхъ случаяхъ.

Безумныя идеи, происходятъ-ли онѣ отъ суевѣрія или отъ другихъ причинъ, не могутъ сами по себѣ устранять отвѣтственность за общія преступленія, свойство которыхъ вполнѣ сознается виновными, несмотря на ихъ заблужденія.

Это начало было даже положительно выражено въ нѣкоторыхъ кодексахъ; такъ, напримѣръ, по старымъ уложеніямъ Баваріи (ст. 74) и Бадена (§ 71), «убѣжденіе въ томъ, что запрещенное закономъ дѣяніе позволено совѣстью или религіею, не освобождаетъ отъ отвѣтственности».

Полная невмѣняемость возможна только тогда, когда ложная идея служитъ и источникомъ и единственнымъ содержаніемъ про-

---

[1]) Суд. Вѣстникъ, 1873, № 266.

ступка, какъ напр. въ преступленіяхъ чисто-религіозныхъ или чисто-нравственныхъ (нѣкоторыя формы раскола, самооскопленіе, противоестественные пороки). Когда-же совершается общее преступленіе на ненормальной только подкладкѣ (напр. родители убиваютъ своихъ дѣтей «для переселенія ихъ на небо», или отецъ приноситъ своего сына въ жертву Богу, въ подражаніе Аврааму, и т. п.), то отвѣтственность только уменьшается, сообразно силѣ и природѣ болѣзненныхъ мотивовъ преступленія.

Если ложныя идеи соединяются съ галлюцинаціями или вызываются ими, то отвѣтственность можетъ исчезать совершенно, при существованіи прямой связи между преступнымъ дѣйствіемъ и предметомъ заблужденія (какъ, напр., въ приведенномъ выше случаѣ убійства матерью ребенка вслѣдствіе воображаемаго приказанія свыше—«Христосъ такъ велѣлъ»). Заключеніе въ домѣ умалишенныхъ служитъ обязательною замѣною наказанія для такихъ разстроенныхъ людей, тѣмъ болѣе опасныхъ, чѣмъ незамѣтнѣе и невиннѣе кажется форма ихъ болѣзни.

Справедливо-ли требовать выясненія связи проступка съ предметомъ помѣшательства во всѣхъ вообще сомнительныхъ случаяхъ невмѣняемости?

Медики считаютъ это требованіе большею частью невыполнимымъ и неосновательнымъ, такъ какъ всякое душевное разстройство нарушаетъ умственныя отправленія человѣка, независимо отъ частныхъ формъ своихъ; но такой взглядъ раздѣляется далеко не всѣми психіатрами и не можетъ быть также раздѣляемъ юристами.

Никто не придаетъ практическаго вѣса смѣлымъ притязаніямъ иныхъ писателей, полагающихъ, что «трудный вопросъ о свободѣ воли есть всецѣло вопросъ физіологіи мозга и, какъ таковой, подлежитъ вѣдѣнію медицины» [1]).

Предположенія врачей суть пока только гипотезы, которыхъ не могутъ и не вправѣ придерживаться истолкователи закона. Нельзя прямо относить къ душевной болѣзни то, что нисколько изъ нея не вытекаетъ само по себѣ; нельзя предполагать причинную связь

---

[1]) P. K. Grénier, Etude medico-psychologique du libre arbitre humain, P. 1868, p. 20: «cette grave question du libre arbitre est toute entière une question de physiologie cérébrale (?!) et comme telle du domaine de la médecine.»

тамъ, гдѣ ея совсѣмъ не видно. «Необходимо въ каждомъ данномъ случаѣ», какъ замѣчаютъ Шово и Фостенъ-Эли, «опредѣлить исключительную идею, на которой основывается помѣшательство, и изслѣдовать отношеніе этой идеи къ видимымъ мотивамъ преступленія: невмѣняемость должна находиться въ непосредственной зависимости отъ элемента, ее оправдывающаго [1]).

Можно согласиться, пожалуй, съ тѣмъ, что «всякій человѣкъ, страдающій однопредметнымъ помѣшательствомъ, *можетъ* сдѣлаться жертвою своихъ ложныхъ представленій, благодаря тому вредному вліянію, которое его страданія оказываютъ на общее состояніе его умственной и нравственной жизни», и что именно вслѣдствіе этого обстоятельства «отвѣтственность такого человѣка за свои поступки, если не совсѣмъ исчезаетъ, то по крайней мѣрѣ значительно *уменьшается*» [2]). Но уменьшеніе отвѣтственности не есть еще отрицаніе ея, и оно подчиняется другимъ правиламъ, чѣмъ невмѣняемость.

Теоретическое различіе, установленное когда-то Миттермайеромъ между «свободою сужденія» (libertas judicii) и свободою воли (libertas consilii), не всегда можетъ быть точно проводимо на практикѣ; но для невмѣняемости нужно, чтобы и умъ и воля были вполнѣ нарушены въ своихъ отправленіяхъ, тогда какъ частное разстройство одного изъ этихъ элементовъ можетъ исключать отвѣтственность только при особой вполнѣ доказанной связи разстройства съ фактическимъ содержаніемъ преступленія. Отсутствіе подобной связи не устраняетъ однако возможности уменьшенной вмѣняемости, смотря по особенностямъ каждаго даннаго случая.

Свобода сужденія и воли оказывается нерѣдко крайне-затемненною и придавленною подъ вліяніемъ ложныхъ идей, соприкасающихся съ нравственнымъ или религіознымъ помѣшательствомъ.

Люди, дѣлающіе насилія надъ собою и надъ другими съ цѣлью «спасенія душъ своихъ», какъ, напр., въ скопчествѣ, суть въ дѣйствительности сумасшедшіе, для которыхъ нужны не судьи, а врачи. Религіозная манія есть наиболѣе заразительный и наилегче

---

[1]) Chauveau et Faustin Hélie v. II, p. 221.

[2]) См. статью д-ра *Циона* «Къ ученію о невмѣняемости» въ Суд. Вѣстникѣ 1871, №№ 70—86.

распространяющійся видъ душевнаго разстройства въ средѣ людей, вообще здоровыхъ въ медицинскомъ смыслѣ. Непримѣнимость чисто-медицинской точки зрѣнія къ потребностямъ уголовнаго правосудія нигдѣ не обнаруживается такъ рѣзко, какъ именно въ этихъ случаяхъ здороваго безумія съ религіознымъ или отвлеченно-нравственнымъ оттѣнкомъ. Особенную важность имѣетъ этотъ разрядъ психическихъ ненормальностей въ странѣ, отличающейся обиліемъ непризнанныхъ сектъ и склонностью народа къ легковѣрнымъ увлеченіямъ: извѣстно, что простыя галлюцинаціи служатъ часто не только поводомъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ, но и исходною точкою пропаганды, кончающейся основаніемъ какой-либо новой секты, въ родѣ хлыстовщины, штундизма или англійскихъ «шекеровъ».

Законъ вполнѣ сознаетъ, повидимому, значеніе этого болѣзненнаго элемента въ преступленіяхъ противъ вѣры и нравственности: уложеніе наше само говоритъ о «неразумія», невѣжествѣ, о «заблужденіи фанатизма», какъ о дѣйствительныхъ мотивахъ упоминаемыхъ дѣяній, причемъ относитъ эти умственные недостатки къ числу смягчающихъ вину обстоятельствъ (улож., ст. 180 и слѣд., 196 и др.).

Отъ судей и вообще отъ юристовъ зависитъ дать намекамъ уложенія болѣе обширное развитіе, принимая въ нужныхъ случаяхъ слова о «неразумія» или «заблужденіи фанатизма» въ смыслѣ душевныхъ ненормальностей, допускающихъ невмѣняемость [1]). Законъ признаетъ «слабоуміе, глупость и крайнее невѣжество» условіями, уменьшающими отвѣтственность; тѣмъ не менѣе уложеніе грозитъ напр. «лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія» за разрытіе могилъ «для какихъ-либо *суевѣрныхъ* дѣйствій» (ст. 234). Смягчать

---

[1]) Мы уже не говоримъ здѣсь объ языческихъ суевѣріяхъ, сохранившихъ еще неодолимое вліяніе на умы нѣкоторыхъ народностей восточной Россіи.

Укажемъ для примѣра на способъ леченія падучей болѣзни у киргизовъ, описанный въ газетѣ «Сибирь». «Больную женщину»—пишетъ корреспондентъ этой газеты—«стали со всѣхъ сторонъ бить нагайками, приговаривая: шайтанъ арыакетъ (дьяволъ уйди вонъ); прискакалъ знахарь, взялъ острый ножъ и вставилъ его въ ротъ больной остріемъ къ лицу, затѣмъ ударилъ сверху въ голову больной, отчего она сильно порѣзалась. Все это дѣлалось съ цѣлью напугать сидящаго въ больной шайтана и выгнать его изъ ея тѣла. Прибылъ еще одинъ зна-

такія неровности и противорѣчія — прямой долгъ судебной практики.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда уложеніе грозитъ наказаніемъ за проступки, основанные на ложныхъ идеяхъ, оно имѣетъ въ сущности въ виду не дѣйствительныя заблужденія, а предполагаемый обманъ, въ нихъ заключающійся.

Такъ, въ статьѣ 933 уложенія говорится о людяхъ, которые, «ради корысти, суетной славы или другой личной выгоды», будутъ разглашать или велятъ «разгласить *подложно* о какомъ-либо будтобы совершившемся чудѣ или-же посредствомъ подлога какое-либо свое или по распоряженію его приготовленное дѣйствіе выдавать легковѣрнымъ за чудо»: очевидно, что здѣсь элементъ обмана составляетъ существенную основу проступка и что искреннее убѣжденіе въ дѣйствительности разглашаемаго чуда устраняетъ возможность преслѣдованія по приведенной статьѣ.

Далѣе, законъ говоритъ о тѣхъ, которые «для пріобрѣтенія противозаконной корысти или иной личной выгоды будутъ, пользуясь простотою и легковѣріемъ какихъ-либо людей, *выдавать себя* за колдуновъ или чародѣевъ» и «представлять имъ *мнимыя* видѣнія или-же приготовлять и раздавать... мнимо волшебные напитки или иные составы, имѣющіе *будтобы* сверхъестественныя силы и дѣйствіе, или-же какія-либо, подъ названіемъ талисмановъ... также будто-бы очарованныя вещи»: и здѣсь, очевидно, предполагается не заблужденіе, а сознательный обманъ со стороны виновнаго.

харь, самый главный; ему подали на жестяной плитѣ горящія головни, и наполнивъ ротъ больной холодною водою, онъ поднесъ огонь прямо къ лицу женщины и черезъ пламя облилъ ей лицо водою, причемъ сильно обожгло ее» и т. д.

Укажемъ еще на страшный случай суевѣрія, сообщенный корреспондентомъ «Русскаго Міра» изъ Джунгаріи: «Во время пролета саранчи надъ Манасомъ китайскія власти молились, причемъ для испрошенія у боговъ удаленія саранчи принесены были въ жертву одинъ взрослый китаецъ-мусульманинъ, одинъ дунганскій юноша и одинъ баранъ; со взрослымъ насилу могли справиться 6 человѣкъ.... Во время этой операціи несчастный сильно бился въ предсмертной агоніи. На другой день Куинджанъ (командующій войсками) жаловался агенту (русскому), что хорошіе старые обряды плохо исполняются и что народъ приноситъ мало жертвъ богамъ».. (Р. М. № 254 за 1877).

Такое «спокойное» безуміе исключаетъ свободу сужденія и воли не менѣе самыхъ сильныхъ формъ настоящаго помѣшательства.

Относительно инородцевъ сибирскихъ и другихъ, законъ безусловно признаетъ свободными отъ отвѣтственности «именующихъ себя чародѣями или кудесниками», когда они въ семъ только слѣдуютъ суевѣрнымъ правиламъ своего закона и соединенные съ тѣмъ обряды исправляютъ лишь для своихъ единовѣрцевъ» (примѣч. къ ст. 935); другими словами, суевѣрныя дѣйствія инородцевъ остаются безнаказанными, потому что, истекая изъ ихъ дѣйствительныхъ языческихъ убѣжденій, эти дѣйствія не заключаютъ въ себѣ никакихъ признаковъ обмана.

По статьѣ 937, «такъ называемые кликуши, которые дѣлаютъ на кого-либо извѣты, утверждая, что онъ причинилъ имъ зло, будто бы посредствомъ чародѣйства, подвергаются за сей *злостный обманъ* и т. д.; а статья 938 грозитъ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія тому, кто «выдавая себя за лицо, одаренное какою-либо сверхъестественною чудесною силою или святостью, будетъ стараться, посредствомъ возбужденнаго симъ *обманомъ* увѣренія, произвести въ народѣ тревогу, волненіе или уныніе».

По несомнѣнному смыслу этихъ статей, кто серьезно убѣжденъ въ чьемъ-либо колдовствѣ или въ своей собственной чародѣйской силѣ, тотъ подлежитъ не преслѣдованію уголовному, а заключенію въ домъ умалишенныхъ.

XIX.

«Sollen denn die ärztlichen Gutachten den italienischen Kirchen gleichen, in denen jeder Bandit ein sicheres Asyl findet»?

Dr. Ideler.

Невмѣняемость въ различныхъ родахъ преступленій.—Необходимость классификаціи преступленій по отношенію къ условіямъ и предѣламъ невмѣняемости. — Вмѣненіе въ дѣлахъ объ убійствѣ; неправильное толкованіе аффектовъ. — Невмѣняемость въ преступленіяхъ религіозныхъ и политическихъ. — Нѣкоторые разряды сомнительныхъ преступниковъ. — Произвольное возведеніе «умоизступленія» на степень причины невмѣняемости. — Примѣры изъ практики. — Извращеніе задачи правосудія. — Гдѣ и въ какихъ случаяхъ необходимо широкое примѣненіе правилъ невмѣняемости. — Важность классификаціи.

Условія психической невмѣняемости имѣютъ неодинаковое значеніе въ различныхъ родахъ преступленій. Относительно большей части насильственныхъ дѣйствій, условія эти играютъ роль обыкновенныхъ аффектовъ, смягчая отвѣтственность въ извѣстной только мѣрѣ; въ преступленіяхъ-же религіозныхъ, противонравственныхъ и отчасти противообщественныхъ, эти условія дѣйствуютъ вообще полнѣе и глубже, захватывая собою, такъ сказать, самый корень вмѣняемости.

Необходимо установить извѣстную классификацію преступленій относительно степени примѣнимости общихъ условій невмѣняемости къ различнымъ частнымъ случаямъ. Классификація эта можетъ быть только приблизительно точною; но ею необходимо руководствоваться въ случаяхъ, вызывающихъ сомнѣнія.

Первое мѣсто, по силѣ предположеній въ пользу невмѣняемости, принадлежитъ, какъ мы видѣли, преступленіямъ противъ вѣры, и именно тому разряду ихъ, который носитъ на себѣ исключительно религіозный характеръ, безъ серьезныхъ посторонныхъ примѣсей. Затѣмъ идутъ преступленія противъ нравственности (половыя,

особенно противоестественныя—мужеложство, скотоложство и др.); далѣе — нѣкоторыя категоріи такъ называемыхъ «политическихъ» проступковъ, отличающіяся отвлеченно-фантастическимъ направленіемъ; затѣмъ общіе проступки, истекающіе изъ суевѣрія, невѣжества и разныхъ болѣе или менѣе извинительныхъ заблужденій; а за этою категоріею въ послѣдовательномъ порядкѣ—преступленія противъ правъ семейственныхъ, бродяжество, присвоеніе непринадлежащихъ званій, нѣкоторые виды подлоговъ, лживые доносы, воровство изъ нужды и по профессіи, разные виды насилій, изгнаніе плода, дѣтоубійство и, наконецъ, убійство.

Смотря по мѣсту, занимаемому преступленіемъ въ этой классификаціи, должна возвышаться или понижаться строгость въ примѣненіи условій невмѣняемости, начиная съ крайняго минимума въ дѣлахъ религіозно-нравственныхъ и кончая неумолимымъ максимумомъ въ дѣлахъ объ убійствѣ.

Въ различныхъ разрядахъ преступныхъ дѣяній должны примѣняться различныя мѣрки невмѣняемости: то, что въ одномъ разрядѣ можетъ считаться несомнѣннымъ душевнымъ разстройствомъ, можетъ въ другой категоріи едва быть принимаемо въ разсчетъ, независимо отъ взглядовъ спеціально-медицинскихъ въ томъ или другомъ случаѣ. Склонность судей къ безпристрастному изслѣдованію индивидуальныхъ душевныхъ состояній должна необходимо измѣняться, смотря по свойству преступленія и по силѣ замѣшанныхъ въ немъ интересовъ правосудія.

До сихъ поръ писатели-теоретики и отчасти также юристы-практики не придерживались этихъ общихъ правилъ, но поступали какъ разъ наоборотъ, отыскивая и поощряя невмѣняемость именно тамъ, гдѣ ее слѣдуетъ допускать меньше всего. Дошло до того, что сами медики стали горько жаловаться на исключительное вниманіе, оказываемое вопросу объ умственномъ разстройствѣ въ случаяхъ убійства сравнительно съ другими родами преступленій.

«Убійцамъ», — говорится въ одномъ судебно-медицинскомъ изданіи, — «*почему-то посчастливилось* привлечь на свою сторону всю общественную гуманность, все общественное состраданіе, всѣ заботы гуманистовъ (sic), такъ-что изъ всѣхъ этихъ хорошихъ тенденцій на долю преступниковъ противъ собственности не осталось ничего» [1]).

[1]) Архивъ суд. медицины, 1871, № 2, статья П. Я—ія (по поводу книги Лимана) стр. 65.

Это удивительное предпочтеніе, отдаваемое самому худшему разряду преступныхъ дѣйствій, объясняется двумя причинами: во-первыхъ, существованіемъ смертной казни за убійство, и во-вторыхъ, преобладаніемъ сильныхъ аффектовъ при совершеніи преступленій противъ жизни.

Мысль о смертной казни, угрожающей виновнымъ, всегда побуждала теоретиковъ и практиковъ усиленно разработывать вопросъ о невмѣняемости въ дѣлахъ объ убійствѣ, а обычное существованіе самыхъ сильныхъ аффектовъ въ этой категоріи преступленій давало возможность находить душевное разстройство во всякомъ почти преступникѣ.

Такъ какъ у насъ первая изъ этихъ причинъ—смертная казнь—не имѣетъ мѣста, то и вторая причина — смѣшеніе аффектовъ съ душевною болѣзнью—теряетъ свой raison d'être.

Срочная каторга и ссылка—не такое страшное наказаніе сравнительно съ убійствомъ, чтобы оправдывать особенную снисходительность судей въ дѣлѣ признанія невмѣняемости. Тѣ изъ преступниковъ, которые, уже будучи въ ссылкѣ или въ каторжныхъ работахъ, оказываются на дѣлѣ помѣшанными, переводятся все-равно въ дома умалишенныхъ, такъ-что даже относительно сомнительныхъ субъектовъ обвинительные приговоры не заключаютъ въ себѣ ничего безповоротнаго или непоправимаго. Всякій убійца есть субъектъ сомнительный, и если давать широкое толкованіе сопровождающимъ преступленіе аффектамъ, то пришлось-бы всѣхъ почти убійцъ отпускать на волю. Для такого преувеличеннаго пониманія аффектовъ въ случаяхъ убійства не существуетъ у насъ никакихъ, ни теоретическихъ, ни практическихъ поводовъ, и поэтому судьи наши могутъ съ неуклонною твердостью охранять въ этомъ отношеніи интересы правосудія, не смущаясь соображеніями, имѣющими силу только для составителей смертныхъ приговоровъ.

Между тѣмъ въ нашей судебной практикѣ, какъ и въ иностранной, первое мѣсто въ вопросѣ о невмѣняемости оставалось до сихъ поръ за убійствомъ, тогда какъ въ другихъ разрядахъ преступленій, болѣе или менѣе свободныхъ отъ обманчивой оболочки аффекта, принципы душевнаго разстройства примѣняются вообще гораздо рѣже и слабѣе.

Въ дѣйствительности почти не встрѣчалось случаевъ, чтобы теорія невмѣняемости находила примѣненіе напр. въ преступле-

ніяхъ противъ вѣры, гдѣ различныя умственныя ненормальности и ложныя идеи чаще всего способны возбуждать справедливыя сомнѣнія относительно отвѣтственности. Практика расширяла даже букву закона въ ущербъ нѣкоторымъ видамъ религіозныхъ преступленій; такъ напримѣръ, въ дѣлахъ скопческихъ признана наказуемою самая принадлежность къ сектѣ [1]), а предполагаемое «позволеніе оскопить себя» считается тождественнымъ съ самооскопленіемъ, хотя ни то, ни другое не вытекаетъ изъ текста уложенія. Несомнѣнно, что скопцы и всякіе вообще «преступники» противъ вѣры представляютъ матеріалъ, подходящій болѣе для заведеній душевнобольныхъ, чѣмъ для уголовныхъ каръ и ссылки. Такъ-же точно и въ нѣкоторыхъ категоріяхъ т. н. «политическихъ» проступковъ умственное разстройство играетъ роль несравненно болѣе важную чѣмъ какую допускаетъ практика; ибо такъ называемыя превратныя или ложныя идеи, соединенныя съ болѣзненною экзальтаціею, служатъ большею частью единственною основою этихъ проступковъ.

Умопомѣшательство проявляется чаще въ извращенномъ образѣ мыслей и склонностей, чѣмъ въ порывахъ страсти, ведущихъ къ насилію; оно болѣе свойственно преступленіямъ длящимся и повторяющимся, чѣмъ внезапнымъ или случайнымъ, какъ убійство.

Воровство по профессіи, быть можетъ, ближе сходится съ сумашествіемъ, чѣмъ какія-либо отдѣльныя насильственныя дѣйствія. «Истинный воръ и истинный поэтъ на самомъ дѣлѣ родятся, а не дѣлаются», замѣчаетъ Маудсли. «Преступленія противъ собственности, а именно обманы, кражи, поддѣлки подписей и документовъ, совершаются», говоритъ г. Якобій, «по меньшей мѣрѣ также часто въ состояніяхъ психическаго разстройства, какъ убійства; но только формы этихъ разстройствъ, къ несчастію для подсудимыхъ, не такъ рѣзки и явственны, такъ что ихъ либо вовсе не ищутъ, либо ищутъ и не находятъ», и потому «процентъ больныхъ, подвергнутыхъ карѣ закона за этого рода преступленія, во много разъ больше процента больныхъ, осужденыхъ за убійство» [2]). Другой писатель, г. Фойницкій, обращаетъ «особое вниманіе судовъ» на обвиняемыхъ въ половыхъ

---

[1]) См. замѣтку мою въ «Судебномъ Вѣстникѣ» за 1872 г., № 146 (по поводу мнѣнія г-на Лохвицкаго).

[2]) Архивъ суд. медицины, 1871, № 2, l. c.

преступленіяхъ и, ссылаясь на статистическія данныя, рекомендуетъ «наиболѣе внимательное обсужденіе вопроса вмѣняемости въ случаяхъ этого рода» (т. е. въ половыхъ и пр.): по его словамъ, «здѣсь весьма крупный процентъ подсудимыхъ долженъ найти себѣ мѣсто въ домахъ умалишенныхъ гораздо скорѣе, чѣмъ въ тюрьмахъ и на каторгѣ» [1]). Теоретики указываютъ еще на другіе разряды обвиняемыхъ, заслуживающихъ снисхожденія экспертизы и суда. Крафтъ-Эбингъ между прочимъ находитъ, что лживые доносчики суть большею частью сумасшедшіе и что «едва-ли найдется другая категорія душевно-больныхъ, настолько опасная для общества, какъ эта» [2]). Приведенные отзывы могутъ казаться преувеличенными или односторонними; но во всякомъ случаѣ ясно, что не убійство должно преимущественно интересовать нашихъ судей-юристовъ по отношенію къ невмѣняемости.

Смѣшеніе аффекта съ умственнымъ разстройствомъ облегчалось на практикѣ неопредѣленностью термина «умоизступленіе», употребляемаго уложеніемъ на ряду съ безуміемъ и сумасшествіемъ при опредѣленіи причинъ, исключающихъ отвѣтственность. Хотя законъ говоритъ только о *«припадкахъ болѣзни*, приводящихъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство», но практика нерѣдко допускала «умоизступленіе» какъ независимую форму временнаго разстройства, такъ-что обыкновенные аффекты могли быть легко подводимы подъ понятіе законной невмѣняемости [3]).

Приведемъ здѣсь для примѣра два характеристическихъ случая изъ нашей судебной практики.

Нѣкто Масловъ убилъ крестьянина Женерова за жестокое обращеніе съ его сестрою, бывшею за послѣднимъ въ замужествѣ. Врачи-эксперты гг. Майдель и Малесъ объяснили на судѣ, что подсудимый, во время совершенія убійства, находился въ состояніи опьяненія, но былъ-ли онъ въ состояніи умоизступленія или же дѣйство-

---

[1]) «Вліяніе временъ года на распредѣленіе преступленій», *Ив. Я. Фойницкаго*, стр. 53.

[2]) Сборникъ сочиненій по суд. мед. и психіатріи, 1874, № 1, стр. 45 (статья К. Э. «о ложныхъ обвиненіяхъ, взводимыхъ умалишенными на самихъ себя и на другихъ»). Ср. также замѣтку д-ра Штейнберга о сутяжномъ помѣшательствѣ въ томъ-же Сборникѣ за 1873, № 2.

[3]) См. мою статью въ «Судебномъ Вѣстникѣ» за 1873 г., № 1—3: «Умоизступленіе какъ причина невмѣняемости».

валъ сознательно—они не могутъ дать положительнаго отвѣта за неимѣніемъ данныхъ въ дѣлѣ. Врачи же гг. Дюковъ и Штейнъ категорически заявили, что изъ всего слышаннаго ими на судебномъ слѣдствіи они вывели заключеніе, что подсудимый совершилъ преступленіе безъ всякаго сознанія, въ припадкѣ умоизступленія. Присяжные отвѣтили утвердительно на оба предложенные судомъ вопроса, какъ относительно факта совершенія дѣянія, такъ и насчетъ умоизступленія: очевидно, что это послѣднее слово они понимали въ смыслѣ аффекта или крайняго возбужденія, могущаго смягчить наказаніе. Тѣмъ не менѣе, судъ призналъ «умоизступленіе» обстоятельствомъ, исключающимъ всякую отвѣтственность, и объявилъ Маслова «оправданнымъ» по обвиненію въ убійствѣ.

Еще любопытнѣе другое дѣло, гдѣ не только присяжные, но и эксперты и судьи прямо отожествляли аффектъ съ «умоизступленіемъ», сопряженнымъ будто-бы по закону съ невмѣняемостью. Крестьянинъ Лукьяновъ обвинялся въ нанесеніи смертельныхъ поврежденій своему дядѣ Мирону, захваченному имъ на мѣстѣ прелюбодѣянія съ его женою. Врачъ Зибревъ высказался на судѣ, что «обвиняемый во время совершенія преступленія находился въ состояніи аффекта или умоизступленія, въ сильно возбужденномъ состояніи», и что «предъ совершеніемъ онъ еще владѣлъ разсудкомъ, въ моментъ же онаго былъ въ припадкѣ умоизступленія.» Другой экспертъ г. Залѣсскій заявилъ, что «такъ какъ психіатрами уже доказано, что ревность *можетъ* довести человѣка до сумасшествія, то подъ вліяніемъ этой страсти подсудимый находился въ этомъ состояніи, *въ состояніи аффекта*», и затѣмъ, что «подсудимый дѣйствовалъ безсознательно, при крайнемъ *раздраженіи* и горячности темперамента». Обвиняемый былъ признанъ дѣйствовавшимъ въ «умоизступленіи» и потому оправданъ [1]).

Выходитъ такимъ образомъ, что Маслова спасло отъ отвѣтственности «состояніе опьяненія», которое по закону не могло имѣть никакого вліянія на мѣру его наказанія (ст. 106 улож.), а Лукьянова спасло состояніе аффекта или «крайняго раздраженія», которое могло по закону служить лишь обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину и

---

[1]) Дѣло Маслова въ №№ 195 и 196 «Суд. В.» за 172 г., а дѣло Лукьянова въ № 226 и 227 за тотъ же годъ. Такого-же рода дѣло Зайцевой, также оправданной по «умоизступленію», въ № 68 «Суд. Вѣстника» за 1874 г. и мн. др.

наказаніе (ст. 134, п. 5), — и эти замѣчательные, очевидно неправильные результаты достигнуты только подведеніемъ «пьянства», «раздраженія» и «аффекта» подъ общее понятіе «умоизступленія», произвольно оторванное отъ связанныхъ съ нимъ въ законѣ «припадковъ болѣзни». При такомъ ошибочномъ толкованіи «умоизступленія», не трудно было-бы оправдывать всѣхъ вообще обвиняемыхъ, такъ какъ только умалишенные совершаютъ такую вещь, какъ убійство, безъ сильнаго возбужденія, раздраженія и вообще аффекта. Въ законѣ ясно говорится, что «не вмѣняются въ вину преступленія и проступки, учиненные *больнымъ* въ точно доказанномъ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства» (96 ст. ул.): слѣдовательно, нужно, во-первыхъ, положительно констатировать фактъ подобнаго рода болѣзни въ данномъ случаѣ, и во-вторыхъ, «точно доказать», что преступленіе совершено именно въ припадкѣ этой болѣзни (падучей или др.) [1]). Между тѣмъ никакой такой болѣзни и никакихъ «припадковъ» не имѣлось въ виду въ дѣлахъ Маслова и Лукьянова, и оправдательные приговоры по этимъ дѣламъ оказываются основанными лишь на недоразумѣніи, проистекающемъ изъ склонности смѣшивать простые аффекты съ состояніемъ дѣйствительной невмѣняемости.

«Отожествлять страсти съ умственнымъ разстройствомъ», — замѣчаютъ Шово и Фостенъ-Эли, — «значило-бы оправдывать порочность, ставя ее въ уровень съ несчастіемъ, и поощрять безнравственные порывы, гарантируя имъ безнаказанность» [2]).

Надо помнить, что преступныя влеченія и страсти составляютъ тотъ именно объектъ, противъ котораго направлены уголовные законы и съ которымъ призваны бороться уголовные суды [3]).

Врачи и адвокаты, направляющіе все вниманіе судей на индиви-

---

[1]) Ср. рѣш. угол. касс. деп. 1869 № 135 и др.—Въ дѣлѣ Кнура и другихъ (1870 № 542) сенатъ отмѣнилъ приговоръ суда въ виду того, что присяжные признали нанесеніе побоевъ въ *раздраженіи*, а судъ примѣнилъ п. 3 ст. 92 объ умоизступленіи и оправдалъ: это любопытный примѣръ прямаго смѣшенія обыкновенныхъ аффектовъ съ болѣзненнымъ «умоизступленіемъ», упоминаемымъ въ законѣ.

[2]) Chauveau et Faustin Hélie, v. II p. 226.

[3]) Dr. Mair, Kommentar, S. 241: «E ist aber nicht der kalte Verstand und nicht die leuchtende Vernunft, es ist die Leidenschaft, welcher die Strafgesetze drohen und über welche unsere Gerichte Recht sprechen».

*

дуально-психологическую подкладку преступленія, извращаютъ въ сущности задачу правосудія, имѣющую чисто-общественный характеръ; а коронные судьи, не дающіе надлежащаго отпора поборникамъ невмѣняемости въ такихъ случаяхъ, какъ убійство, оказываютъ весьма плохую услугу ввѣреннымъ имъ великимъ интересамъ. Примѣнять принципъ невмѣняемости къ убійцамъ позволительно только въ случаяхъ несомнѣннаго сумасшествія или безумія, равно какъ и при явной случайности или безсознательности дѣйствій; остальное-же значительное большинство случаевъ входитъ въ кругъ полной наказуемости, каковы-бы ни были душевныя состоянія подсудимыхъ.

Наказуемость можетъ и должна имѣть свои ступени, смотря по силѣ и свойству аффектовъ, порождающихъ преступленіе; но недостаточность или отсутствіе ступеней не можетъ и не должно вести къ безнаказанности.

Правило о томъ, что всякое сомнѣніе истолковывается въ пользу обвиняемаго, касается вопроса о самомъ фактѣ совершенія преступленія, а не вопросовъ объ отвѣтственности; ибо совершившій убійство даже въ ненормальномъ душевномъ состояніи есть все-таки не «невинный», къ которому могло-бы примѣняться извѣстное изрѣченіе: «лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго». Виновность существуетъ въ извѣстной мѣрѣ и между сумасшедшими, такъ что правило: in dubio benignius не можетъ служить къ разрѣшенію сомнительныхъ случаевъ вмѣненія [1]). Приведенное правило само по себѣ утратило значительную долю своей важности съ тѣхъ поръ, какъ вызвавшая его старая система наказаній смягчилась и приняла свой современный видъ: то, что было когда-то полезнымъ противовѣсомъ чрезмѣрной суровости законовъ, оказывается ненужною односторонностью теперь, тѣмъ болѣе въ примѣненіи къ убійству, при отсутствіи смертной казни.

---

[1]) Противоположнаго взгляда придерживается, повидимому, *проф. Таганцевъ* въ «Курсѣ угол. права» (С.-Пб. 1874, вып. I, стр. 76): «согласно основному началу процесса, судъ долженъ освободить подсудимаго и тогда, когда эксперты заявятъ основательное *сомнѣніе* въ томъ, что виновный обладалъ всѣми своими умственными способностями въ моментъ совершенія преступленія». Вѣроятно, авторъ имѣлъ здѣсь въ виду не всѣ разряды преступленій безразлично, а только тѣ, которыя, по свойствамъ своимъ и по исключительной строгости положенныхъ за нихъ наказаній, требуютъ самой широкой интерпретаціи «сомнѣній,» въ нихъ встрѣчающихся.

Вмѣсто прежняго филантропическаго принципа, не всегда умѣстнаго относительно преступленій противъ жизни, слѣдуетъ выдвинуть другое начало, болѣе положительное и болѣе логическое:—in dubiis pars tutior eligenda est.

Снисходительное, возможно болѣе свободное толкованіе условій невмѣняемости необходимо относительно той только категоріи преступленій, въ которой дѣйствующіе законы расходятся съ жизнью и съ истинными началами правосудія. Въ нашемъ уложеніи сохранились еще нѣкоторые виды проступковъ, лишенныхъ общаго уголовнаго характера и давно уже исчезнувшихъ въ такой формѣ изъ западно-европейскихъ кодексовъ; таковы, между прочимъ, противоестественные пороки и нѣкоторыя изъ религіозныхъ преступленій. За такія безразличныя для общества ненормальныя дѣйствія, какъ мужеложство или скотоложство, почти совершенно невѣдомыя иностраннымъ законодательствамъ, уложеніе наше угрожаетъ такимъ же почти наказаніемъ, какъ за убійство; кровосмѣшеніе и изгнаніе плода наказываются какъ грабежъ, а несчастные субъекты, причинившіе *самимъ себѣ* мучительное увѣчье ради «чистоты душевной», подвергаются карѣ болѣе строгой, чѣмъ виновные въ нанесеніи тяжкихъ истязаній и мученій кому-либо другому (ст. 1489 и др.). Очевидное несоотвѣтствіе наказаній съ важностью преступленій должно вызывать особую дѣятельность судовъ, направленную къ смягченію недостатковъ закона путемъ наиболѣе широкой интерпретаціи правилъ о невмѣняемости.

Благодаря суду присяжныхъ, судьи-юристы, прокуроры и адвокаты, могутъ уравнивать то, что раздѣлилъ законъ, и разграничивать то, что смѣшивается имъ; они могутъ возстановлять равновѣсіе тамъ, гдѣ оно нарушено, и ставить справедливость на мѣсто законодательныхъ погрѣшностей.

Если въ дѣлахъ объ убійствѣ простые аффекты могли считаться исключающими отвѣтственность, вопреки точному смыслу закона и во вредъ интересамъ правосудія, то съ несравненно большимъ правомъ можно вліять на присяжныхъ въ смыслѣ измѣненія или устраненія наказуемости тамъ, гдѣ это дѣйствительно требуется общественнымъ чувствомъ совѣсти. Отвергать вмѣненіе въ случаяхъ мужеложства, кровосмѣшенія или самооскопленія тѣмъ необходимѣе и легче, что въ подобныхъ дѣйствіяхъ, противныхъ природѣ, само собою обнаруживается уже извѣстное нравственное раз-

стройство, доходящее нерѣдко до настоящаго помѣшательства; а правосудіе можетъ только выиграть отъ того, что ненормальныя личности, въ сущности безвредныя для общества, и слабоумные изувѣры, мечтающіе о мученическомъ вѣнцѣ, будутъ освобождаемы отъ наказаній, предназначенныхъ для опасныхъ злоумышленниковъ.

Несомнѣнно, что чувство справедливости нисколько не страдало-бы, если-бы люди, виновные въ преступныхъ «заблужденіяхъ фанатизма», помѣщались въ заведенія для душевно-больныхъ, вмѣсто того, чтобы подвергаться уголовнымъ карамъ наравнѣ съ убійцами. Общественное чувство справедливости ничего не имѣло-бы противъ того, чтобы преступныя заблужденія политическія отдавались при извѣстныхъ условіяхъ на судъ врачей-психіатровъ въ видахъ опредѣленія признаковъ невмѣняемости [1]). Никогда не слѣдуетъ забывать великое правило, завѣщанное намъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ римскихъ юристовъ: in summâ aequitatem ante oculos habere debet judex.

Такимъ образомъ, въ интересахъ правосудія необходимо относительно условій невмѣняемости придерживаться надлежащей классификаціи преступленій, причемъ первое мѣсто должно принадлежать въ ней преступленіямъ религіознымъ, а самое послѣднее— преступленіямъ противъ жизни. Классификація, приведенная нами выше, удовлетворяетъ, какъ намъ кажется, какъ требованіямъ теоріи, такъ и существеннымъ нуждамъ практики.

---

[1]) О болѣзненномъ характерѣ религіозныхъ и политическихъ преступленій приводятся любопытныя данныя въ книгахъ Винслова, Гризингера, Маудсли, Майра и др. Между прочимъ д-ръ Майръ не только признаетъ практическую важность религіозной и политической маніи, но требуетъ также, чтобы простое невѣжество, выражающееся въ разнаго рода заблужденіяхъ, исключало или по крайней мѣрѣ уменьшало вмѣняемость (Commentar, S. 173, 246, 312).

XX.

Роль экспертизы въ дѣлахъ объ умственномъ разстройствѣ.—Отношеніе суда къ мнѣніямъ экспертовъ. — Значеніе признанія сумасшествія въ гражданскомъ порядкѣ для вопроса объ уголовной отвѣтственности. — Свѣтлые промежутки. — Временное разстройство и опьяненіе. — Еще о раздѣленіи вопросовъ о виновности и невмѣняемости. — Заключеніе.

Признаніе невмѣняемости вслѣдствіе умственнаго разстройства возможно на практикѣ въ двухъ видахъ — въ формѣ постановленія обвинительной камеры по надлежащемъ освидѣтельствованіи подсудимаго, или въ видѣ рѣшенія дѣла по существу при участіи врачей экспертовъ. Первый способъ, ведущій къ прекращенію дѣла во время предварительнаго слѣдствія, имѣетъ мѣсто въ случаяхъ явнаго сумасшествія или безумія, когда преступленія въ собственномъ смыслѣ совсѣмъ не оказывается по отсутствію элемента сознательной воли, т. е. когда дѣяніе только фактъ, а не поступокъ—facere, а не agere. Во всѣхъ вообще остальныхъ случаяхъ психическихъ ненормальностей, вопросъ о невмѣняемости долженъ рѣшаться судомъ, разсматривающимъ дѣло по существу.

На судебномъ слѣдствіи, такъ-же точно какъ и на предварительномъ, врачи-эксперты ограничиваются представленіемъ заключеній относительно природы разстройства, замѣченнаго въ душевномъ состояніи подсудимыхъ, не затрогивая нисколько значенія этого разстройства для вопроса объ отвѣтственности [1]). Заключенія медиковъ-психіатровъ имѣютъ для судей не большую и не меньшую силу, чѣмъ всякія иныя заключенія свѣдущихъ людей по вопросамъ, тре-

[1]) Авторитетные писатели по судебной медицинѣ категорически отрицаютъ право врачей-экспертовъ касаться вопроса объ юридическомъ значеніи умственнаго разстройства въ даваемыхъ ими заключеніяхъ; см. Ferdinand Hauska, Compendium der gerichtlichen Arzneikunde, Wien, 1869, S. 181; Casper, Practisches Handbuch der ger. Medicin, Bd. I, S. 360; L. v. Rönne, Die criminalistische Zurechnungsfähigkeit, S. 11 и слѣд.; Mair, Commentar, S. 193; Willers Iessen, über Zurechnungsfähigkeit, S. 10 и др.

бующимъ особыхъ научныхъ или техническихъ знаній. Врачи даютъ судьямъ только медицинскій матеріалъ, который, какъ мы видѣли, не всегда занимаетъ главное мѣсто въ ряду данныхъ, необходимыхъ для рѣшенія вопроса о вмѣняемости съ точки зрѣнія уголовнаго правосудія.

Когда возбужденъ вопросъ о прекращеніи дѣла по безумію или сумасшествію обвиняемаго, роль коронныхъ судей остается столь-же важною и самостоятельною, какъ и при рѣшеніи вопроса о виновности. Судъ постановляетъ особое опредѣленіе о результатахъ освидѣтельствованія, произведеннаго врачами, и это опредѣленіе суда можетъ, смотря по обстоятельствамъ, сходиться или не сходиться съ выводомъ экспертизы, направляя дѣло или къ прекращенію или къ разсмотрѣнію въ общемъ порядкѣ [1]).

Чѣмъ важнѣе преступленіе и чѣмъ осязательнѣе его послѣдствія, тѣмъ строже долженъ относиться судъ къ вопросу о помѣщательствѣ подсудимаго и тѣмъ независимѣе должна быть судебно-юридическая оцѣнка заключеній врачей-экспертовъ.

Можетъ случиться, что лицо, совершившее какое-либо преступленіе, признано уже сумасшедшимъ въ гражданскомъ порядкѣ и подвергнуто надлежащей опекѣ: возможно-ли преслѣдованіе такого лица уголовнымъ судомъ? Этотъ вопросъ рѣшается утвердительно даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ система полной и обязательной для душевно-больныхъ интердикціи, какъ, напримѣръ, во Франціи. Демоломбъ, Ле-Селлье и другіе комментаторы Наполеонова кодекса справедливо замѣчаютъ, что уголовное правосудіе имѣетъ другія правила и условія, чѣмъ гражданское, и что въ уголовныхъ дѣлахъ требуется поэтому самостоятельное рѣшеніе вопроса объ умственномъ состояніи лица «во время совершенія акта», незави-

---

[1]) По поводу недоразумѣній, вызванныхъ ст. 353—356 устава угол. суд., сенатъ въ общемъ собраніи высказался въ томъ смыслѣ, что законъ (ст. 356) требуетъ во всякомъ случаѣ опредѣленія суда относительно мнѣній врачей при освидѣтельствованіи (Суд. Вѣстникъ, 1874, № 200, по дѣлу Матвѣева).

Противъ этого вполнѣ основательнаго разъясненія возражаетъ г. *В. Лицкой* въ «Журн. гражд. и угол. права», 1875, кн. 2, стр. 134 и сл. Въ виду бѣдъ, угрожающихъ будто-бы душевно-больнымъ отъ судей не-психіатровъ, авторъ предлагаетъ даже измѣнить редакцію 3 п. 92 ст. улож. и 353—356 ст. уст. угол. суд., хотя въ дѣйствительности ни малѣйшей надобности въ подобномъ измѣненіи не предвидится.

симо отъ факта интердикціи. «Лицо, находящееся подъ опекою», говоритъ Ле-Селлье, «можетъ имѣть достаточно сознанія о нравственности и даже законности своихъ дѣйствій, чтобы отвѣчать за нихъ; поэтому, относительно каждаго его дѣйствія въ отдѣльности, уголовные суды имѣютъ право и обязанность разсмотрѣть, въ какомъ онъ душевномъ состояніи находился и долженъ-ли онъ, въ виду этого состоянія, считаться способнымъ къ отвѣтственности» [1]). Такого-же взгляда придерживаются и нѣмецкіе юристы. По мнѣнію извѣстнаго юриста-практика д-ра Шварце, то обстоятельство, что лицо состоитъ подъ опекою по слабоумію или умопомѣшательству не можетъ служить само по себѣ основаніемъ невмѣняемости, такъ какъ неспособность къ управленію имуществомъ не совпадаетъ съ неспособностью понимать противозаконность тѣхъ или другихъ дѣяній и воздерживаться отъ извѣстнаго рода поступковъ [2]). Мы упоминали уже выше объ этомъ различіи между уголовными и гражданскими послѣдствіями умственнаго разстройства и мы желали-бы, чтобы это различіе не упускалось изъ виду при рѣшеніи вопроса объ отвѣтственности душевно-больныхъ, подвергнутыхъ опекѣ.

Если даже при существованіи безусловной интердикціи оффиціальное признаніе кого-либо сумасшедшимъ не исключаетъ возможности вмѣненія, то тѣмъ болѣе силы имѣетъ это правило у насъ, при отсутствіи интердикціи въ такой формѣ, какъ французская.

Всѣ вообще уголовные кодексы указываютъ на «время совершенія» преступленія, какъ на исходную точку при опредѣленіи условій невмѣняемости; съ наибольшею полнотою выражено это указаніе въ нашемъ уложеніи: преступленіе, совершенное безумнымъ или сумасшедшимъ, «не вмѣняется въ вину, *когда нѣтъ сомнѣнія*, что безумный или сумасшедшій, *по состоянію своему въ то время*, не могъ имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія» (ст. 95). Здѣсь какъ нельзя яснѣе опредѣлена чисто фактическая сущность вопроса, совершенно независимая ни отъ какихъ-либо общепринятыхъ законныхъ рубрикъ, ни отъ факта оффиціальнаго

---

[1]) Le Sellyer. Traité de la criminalité, de la responsabilité etc., Paris., 1867, v. I, p. 106.

[2]) Dr. Schwarze, Commentar zum Strafgesetzbuch für den Norddeutschen Bund, Lpz., 1870, S. 227.

признанія сумасшествія въ гражданскомъ порядкѣ [1]). Въ этомъ отношеніи наше уложеніе не уклоняется отъ общихъ началъ, выработанныхъ опытомъ психіатріи и практической криминалистики.

Вопросъ о свѣтлыхъ промежуткахъ рѣшается уже самъ собою тѣмъ требованіемъ закона, по которому невмѣняемость зависитъ единственно отъ состоянія лица въ самый моментъ совершенія. Если моментъ совершенія совпадаетъ съ свѣтлымъ промежуткомъ, то вмѣненіе можетъ имѣть мѣсто; но существованіе свѣтлаго промежутка должно быть точно доказано въ каждомъ данномъ случаѣ, безъ чего имѣетъ силу предположеніе невмѣняемости [2]). На практикѣ, впрочемъ, вопросъ о свѣтлыхъ промежуткахъ не можетъ имѣть большаго значенія относительно умалишенныхъ, такъ какъ способность къ отвѣтственности требуется не только «въ моментъ совершенія», но и во время судебнаго преслѣдованія и во время приведенія приговора въ исполненіе. Преступленіе можетъ быть совершено сознательно, въ здравомъ состояніи, а подвергать уголовной карѣ все-таки невозможно, если сумасшествіе вступило потомъ въ свои права и уничтожило проявившіеся-было признаки вмѣняемости.

Требованіе сознательной воли во время совершенія преслѣдуемаго дѣянія приравниваетъ къ помѣшательству и различные виды временнаго разстройства, уменьшающіе или даже исключающіе отвѣтственность, независимо отъ ихъ медицинскихъ особенностей. Наше уложеніе упоминаетъ о сонноходствѣ и о старческомъ слабоуміи (dementia senilis) [3]); такое же значеніе имѣетъ при извѣстныхъ условіяхъ и болѣзненное пьянство.

Пьянство вообще нигдѣ не считалось обстоятельствомъ смягча-

---

[1]) Возможно, пожалуй, недоумѣніе по поводу того, что «безумный» предполагается способнымъ «имѣть понятія» и пр.; но очевидно, что тутъ нужно разумѣть не безуміе отъ рожденія, а болѣзненное или временное (въ смыслѣ furiosi).

[2]) Berner, Lehrb. des deutschen Strafrechts, S. 127; Schwarze, Commentar, S. 224; Le Sellyer, p. 98. Съ другой стороны Dr. Schütze, S. 123, находитъ внутреннее противорѣчіе въ самомъ понятіи «свѣтлаго промежутка», такъ какъ мысль о выздоровленіи исключается возвратомъ разстройства. Противъ вмѣненія въ свѣтлые промежутки также Chauveau et Faustin Hélie v. II, p. 215.

[3]) О вліяніи старческой дряхлости на отвѣтственность см. спеціальное сочиненіе Beard'a, Responsibility in old age, New-York, 1872.

ющимъ вину; напротивъ, оно большею частью служило къ увеличенію мѣры наказанія и удержалось еще въ этомъ смыслѣ въ нашихъ законахъ. Еще Плутархъ приводитъ «законъ» Питтака, одного изъ семи греческихъ мудрецовъ, по которому человѣкъ, согрѣшившій въ пьянствѣ, подвергается наказанію вдвое большему, чѣмъ трезвый.

Этотъ старый взглядъ давно уже признанъ несостоятельнымъ не только теоріею, но и практикою. Теперь не найдется ни одного юриста-комментатора или теоретика, который безусловно отрицалъ-бы возможность невмѣняемости въ случаяхъ опьяненія, имѣющаго болѣзненный характеръ.

«Нравственная отвѣтственность нѣкоторыхъ классовъ пьяницъ—говоритъ одинъ англійскій писатель—несомнѣнно менѣе, чѣмъ нѣкоторыхъ классовъ сумасшедшихъ» [1]). Наслѣдственная склонность къ пьянству представляетъ собою одну изъ формъ наслѣдственнаго помѣшательства вообще. Нѣмецкіе комментаторы находятъ, что практическое достоинство отрицательныхъ опредѣленій невмѣняемости обнаруживается именно въ такихъ случаяхъ, какъ полное опьяненіе, которое можетъ исключать «свободу воли» наравнѣ съ безуміемъ и, слѣдовательно, вполнѣ удовлетворяетъ условіямъ 51-ой статьи германскаго кодекса [2]). Французскій криминалистъ Ле-Селлье полагаетъ, что пьянство невольное подходитъ подъ понятіе умственнаго разстройства и что даже при добровольномъ опьяненіи возможна безнаказанность, если неосторожное совершеніе проступка само по себѣ не преслѣдуется закономъ [3]).

Дѣйствующія законодательства далеки однако отъ такого отождествленія пьянства съ сумасшествіемъ; равнымъ образомъ, далека отъ такихъ теорій и судебная практика. По англійскому праву пьянство никогда не исключаетъ вмѣненія въ дѣлахъ уголовныхъ; но оно составляетъ особый полицейскій проступокъ, наказываемый денежнымъ

---

[1]) Law Magazine, 1875, January, art. «Habitual drunkards».

[2]) Dr. Mair, Commentar, S. 191 и др.; L. v. Rönne, S. 29 и др. Въ прежнемъ баварскомъ кодексѣ (§ 67) полное опьяненіе (höchster Grad der Betrunkenheit) ставится на ряду съ сумасшествіемъ въ числѣ причинъ невмѣняемости.

[3]) Le Sellyer, Traité, v. I, pp. 139—141; ср. Briland Laujardière, De l'ivresse, considerée dans ses conséquences médico-légales. Paris 1866.

штрафомъ [1]). Точно также и въ другихъ странахъ пьянство исключаетъ наказуемость только тогда, когда оно является уже въ видѣ настоящей болѣзни (бѣлая горячка, запой); это общее правило имѣетъ силу и у насъ, въ виду тѣхъ постановленій закона, въ которыхъ говорится «о припадкахъ болѣзни, приводящихъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство».

Состояніе полнаго опьяненія, возбуждая и вызывая незаконные инстинкты, отнимаетъ у нихъ въ то-же время возможность осуществленія; оно дразнитъ и толкаетъ съ одной стороны, а парализуетъ съ другой, какъ выражается Шекспиръ въ Макбетѣ. Пока сохраняется способность дѣйствовать, до тѣхъ поръ остается и сознаніе и отвѣтственность; но когда пьянство доходитъ до безчувственности, то положительныя дѣйствія ужъ все равно невозможны, и вопросъ о вмѣненіи не имѣетъ повода возникнуть. Фактъ совершенія проступка уже самъ по себѣ служитъ какъ-бы доказательствомъ того, что опьяненіе не было полное и что условія вмѣняемости существуютъ.

Обыкновенное пьянство, болѣе или менѣе случайное, не можетъ и не должно вліять на вмѣняемость; оно измѣняетъ отвѣтственность только при превращеніи своемъ въ серьезное нервное разстройство, сопровождаемое извѣстными болѣзненными припадками.

Такимъ образомъ, и по смыслу нашего уложенія пьянство исключено не безусловно изъ числа причинъ невмѣняемости [2]); но у насъ больше чѣмъ въ какой-либо другой странѣ необходимо строгое отношеніе къ проступкамъ, совершаемымъ въ состояніи опьяненія, такъ какъ пьянство само по себѣ не составляетъ у насъ предмета самостоятельныхъ карательно-полицейскихъ мѣръ, какъ это принято въ другихъ европейскихъ государствахъ.

Мы говорили уже выше, что въ вопросахъ, предлагаемыхъ присяжнымъ, слѣдуетъ указывать фактическіе признаки невмѣняемости и избѣгать смѣшенія этой послѣдней съ общимъ вопросомъ о виновности. Смѣшивать обѣ категоріи вопросовъ позволительно только тогда, когда признаки дѣйствительнаго умственнаго разстройства отступаютъ на задній планъ предъ высшими требованіями справед-

---

[1]) John Austin, Lectures on Jurisprudence, v. 1, p. 512 и. др

[2]) Рѣш. угол. касс. деп. 1871 № 65, по дѣлу Ѳедоровскаго и др.; ср. замѣчанія д-ра Штейнберга, въ «Сборникѣ соч. по суд. медицинѣ», 1874, № 2, стр. 616.

ливости и когда подсудимаго нельзя признать ни сумасшедшимъ въ обычномъ смыслѣ этого слова, ни виновнымъ въ смыслѣ уголовномъ, не смотря на фактическое совершеніе даннаго дѣянія.

Широка вообще область свободнаго убѣжденія и вліянія судей-юристовъ въ дѣлахъ о вмѣненіи; а этотъ широкій просторъ, предоставленный судьямъ, возлагаетъ на нихъ трудную, но въ высшей степени почетную обязанность неуклоннаго проведенія идеи права сквозь строй существующаго законодательства.

Въ дѣлѣ уголовнаго правосудія, а слѣдовательно также въ вопросѣ о невмѣняемости, весьма многое зависитъ отъ господствующихъ въ обществѣ понятій, наклонностей, стремленій и чувствъ, проявляющихся иногда съ неожиданною силою въ приговорахъ присяжныхъ.

Въ приговорахъ присяжныхъ отражаются нерѣдко недостатки и аномаліи другихъ отраслей жизни, не имѣющихъ прямаго отношенія къ дѣлу суда. Институтъ присяжныхъ дѣйствуетъ вполнѣ правильно и равномѣрно только тогда, когда онъ поставленъ въ надлежащую жизненную связь съ общею системою примѣненія великаго народнаго начала, въ немъ выражающагося. Общественная совѣсть есть необходимая направляющая и контролирующая сила во всѣхъ сферахъ государственной дѣятельности; но, имѣя своихъ представителей въ одной лишь области судебной, она является чѣмъ-то неудовлетворённымъ, одинокимъ, произвольно оторваннымъ отъ широкой общей почвы и насильно втиснутымъ въ узкія рамки частныхъ судебныхъ случаевъ. Вотъ почему приговоры присяжныхъ выходятъ у насъ нерѣдко за предѣлы правосудія въ тѣсномъ смыслѣ и становятся невольнымъ отголоскомъ болѣе общихъ впечатлѣній, лишенныхъ надлежащаго законнаго исхода.

Общественное настроеніе, стѣсненное въ способахъ своего проявленія, ищетъ выхода и прорывается наружу въ судебныхъ процессахъ и рѣшеніяхъ, иногда въ ущербъ справедливости по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Правда спеціальная, судебная, касающаяся отвѣтственности самихъ подсудимыхъ, отступаетъ подчасъ на задній планъ предъ другою правдою, повидимому болѣе обшир-

ною и болѣе важною,—на столько обширною и важною, что изъ-за нея совершенно какъ-бы исчезаютъ тѣ случайныя личности, которымъ приходится фигурировать на судѣ въ подобнаго рода дѣлахъ.

Но вторженіе внѣшняго чисто-общественнаго элемента въ сферу уголовнаго правосудія не составляетъ само по себѣ нормальной принадлежности суда присяжныхъ; оно существуетъ въ своемъ лихорадочномъ видѣ только до тѣхъ поръ, пока имѣютъ силу вызывающія и поддерживающія ихъ причины.

Судъ присяжныхъ служитъ вообще примиряющимъ посредническимъ звеномъ между требованіями закона и условіями дѣйствительной жизни; онъ даетъ возможность смягчать недостатки законодательства, освѣщать его слабыя стороны и указывать путь къ его улучшенію. У насъ-же онъ сверхъ того — единственный самостоятельный органъ общественной совѣсти, вслѣдствіе чего и роль его оказывается по необходимости далеко не столь опредѣленною и ограниченною, какъ въ другихъ государствахъ.

Наша судебная практика не умѣла однако воспользоваться, какъ слѣдуетъ, этимъ значеніемъ института присяжныхъ; она оставила его безъ руководящихъ правилъ, безъ сознательнаго общаго направленія, безъ положительной программы, на произволъ случайныхъ увлеченій, смыслъ которыхъ не всегда понятенъ. Тамъ, гдѣ болѣе всего требовалось дѣйствовать на судъ присяжныхъ и слѣдовательно на все общество, съ цѣлью фактическаго устраненія погрѣшностей и несовершенствъ законодательства, — тамъ безмолвствовали юристы-судьи или слѣпо придерживались буквы закона; а гдѣ, наоборотъ, не представлялось никакихъ серьезныхъ поводовъ къ отступленію отъ обычнаго легальнаго пути, тамъ создавались вопросы и затрудненія, устанавливались новыя формулы и пріемы толкованія, столь-же безцѣльные, какъ и нелогичные и произвольные. Въ обыкновенныхъ, заурядныхъ дѣлахъ объ убійствѣ, выдвигаются на сцену какія-то небывалыя условія невмѣняемости, въ видѣ простыхъ аффектовъ, переименованныхъ въ «умоизступленіе»,—тогда какъ устарѣлые законы о преступленіяхъ противъ вѣры или даже о нарушеніяхъ паспортной системы среди безграмотнаго крестьянства, примѣняются строго «по буквѣ» уложенія, т. е. въ сущности гораздо строже, чѣмъ допускаетъ разумное толкованіе закона.

Не видно системы въ усиліяхъ судебной практики, какъ юриди-

ческой, такъ и общественно-присяжной, а гдѣ есть система, тамъ она оказывается ошибочною или ложно направленною. Таковъ между прочимъ выводъ, который вытекаетъ изъ разсмотрѣнія вопросовъ о невмѣняемости и недѣеспособности по русскимъ законамъ.

Общество наше, повидимому, мало интересуется существенными недостатками уголовнаго законодательства; оно слѣдитъ за ходомъ правосудія только по поводу какихъ-нибудь выдающихся процессовъ, которые большею частью касаются недостатковъ иного рода, имѣющихъ мало общаго съ пробѣлами и противорѣчіями уложенія. Между тѣмъ, по отношенію къ темной массѣ подсудимыхъ, караемыхъ или оправдываемыхъ изъ года въ годъ за преступленія, важныя и неважныя, дѣйствительныя и воображаемыя,—существующая законодательно-судебная неурядица производитъ весьма печальныя слѣдствія, хотя и не всегда замѣтныя для представителей такъ называемаго общественнаго мнѣнія. То, что отравой проходитъ въ глубь народной жизни, можетъ совсѣмъ не замѣчаться на ея поверхности.

Если общество, въ виду болѣе настоятельныхъ и неудовлетворенныхъ еще интересовъ, не могло оказывать систематическаго вліянія на направленіе правосудія черезъ посредство присяжныхъ, то оффиціальные дѣятели-юристы, съ своей стороны, нисколько не обнаруживали стремленія выполнять свою задачу съ тою просвѣщенною солидностью и независимостью, какія считаются обязательными въ практической юриспруденціи другихъ странъ. А судъ присяжныхъ, лишенный и сознательныхъ направляющихъ вліяній общественныхъ и твердаго руководства свѣдущихъ юристовъ-практиковъ, не можетъ дать болѣе того, что онъ даетъ у насъ: заслуга его заключается уже въ самомъ его существованіи, въ качествѣ жизненнаго противовѣса мертвящему духу канцелярій, въ качествѣ главнѣйшей гарантіи противъ напора внѣшняго бюрократическаго формализма въ великую область правосудія.

Не надо забывать, что спеціальные вопросы, о которыхъ идетъ рѣчь въ предшествовавшемъ изложеніи, принадлежатъ къ числу самыхъ трудныхъ для судебной практики и что они часто рѣшаются неправильно даже въ многоученой Германіи. Но необходимо также имѣть въ виду, что германскій уголовный кодексъ не страдаетъ излишествами и недостатками нашего уложенія, и что поэтому для нѣмецкихъ криминалистовъ дѣло толкованія законовъ не сопряжено съ

такими крупными самостоятельными задачами, какъ для нашей юридической практики.

Всесторонняя разработка вопросовъ объ условіяхъ и предѣлахъ невмѣняемости въ различныхъ разрядахъ преступленій составляетъ, между прочимъ, одно изъ наиболѣе удобныхъ средствъ къ практическому примиренію устарѣвшаго уголовнаго закона съ жизнью. Знать, въ какихъ случаяхъ надо давать полный просторъ мотивамъ невмѣняемости, а въ какихъ—избѣгать этихъ мотивовъ и ограничивать ихъ; умѣть подвергать анализу и оцѣнкѣ болѣе глубокія пружины отвѣтственности, не останавливаясь на поверхностныхъ признакахъ или временныхъ проявленіяхъ умственнаго разстройства; вникать прежде всего въ природу преступленія въ каждомъ данномъ случаѣ, чтобы имѣть возможность заранѣе опредѣлить степень примѣнимости условій, исключающихъ или уменьшающихъ вмѣненіе, и для этого руководствоваться опредѣленною классификаціею наказуемыхъ дѣйствій, распредѣленныхъ по мѣрѣ ихъ связи съ непосредственными и осязательными интересами общественной безопасности; и наконецъ послѣдовательно проводить на практикѣ разъ выработанныя начала и поддерживать ихъ предъ судомъ присяжныхъ,—вотъ существенныя черты той системы, которая можетъ и должна быть установлена на богатой почвѣ теоріи невмѣняемости.